This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

△
WID-LC
AP
50
.M55
vol. 1906
pt. 6

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

XVIII 3/2
WID-LC
AP
50
.M55
vol. 1906
pt. 10

Труды

№ 10.

HARVARD UNIVERSITY
LIBRARY
OCT 1 1 1982
FAS 130 Photo

1906.

Въ редакціи журнала „Мирный Трудъ“ (Харьковъ, Дѣвичья, 14) продаются слѣдующіе противореволюціонные листки и книжки:

ЛИСТКИ: I. Цѣна 100 экз.—50 коп. безъ пересылки, 1000 экз.—5 р. съ пересылкой. **1) Значеніе „Освободительнаго движенія“. 2) Что даютъ намъ забастовки. 3) Письмо русскому крестьянству. 4) Правда о конституціи. 5) Пора образуматься! 6) Къ солдатамъ. 7) Самодержавіе „для мужиковъ“. 8) Разоблаченіе воровъ. 9) Зачѣмъ берете изъ кассъ деньги? 10) Что дѣлать? 11) Письмо къ русскимъ рабочимъ. 12) Не прикасайся къ помазаннымъ моимъ. 13) Правые и лѣвые. 14) За Вѣру, Царя и Русь родную.**

II. Цѣна 100 экз.—1 руб. безъ перес., 1000 экз.—10 руб. съ пересылкой. **15) Руководство черносотенца-монархиста. 6) Что такое наша революція? 17) „Россія для русскихъ“. 8) „Христосъ Воскресе“.**

КНИЖКИ: I. Цѣна каждой 10 коп., 100 экз.—7 руб., 1000 экз.—50 руб. **1) „Тайны политики. способы ея дѣйствій и результаты, достигнутые при помощи науки и лжелиберализма“.** Перев. съ франц. (докладъ Мордвинова). **2) Ночь на еврейскомъ кладбищѣ въ Прагѣ.** Перев. съ англійск. И. А—сова. **3) Путь къ рѣшенію еврейскаго вопроса.** Н. Кременского. **4—7) Отклики русскихъ людей на современныя событія.** Четыре выпуска №№ 1-й, 2-й, 3-й и 4-й. **8) О забастовкахъ техническихъ учебныхъ заведеній.** Русскаго Техника. **9) Картины избирательныхъ нравовъ при „всеобщемъ голосованіи“.** Ш. Бенуа, перев. В. Задонскаго. **10) Франмасонство и французская революція.** Мориса Тальмейра, перев. съ франц. В. Задонскаго. **11) Розовые или черные очки?** В. Задонскаго. **12) Отрицательныя стороны выборнаго начала.** В. Задонскаго. **13) Объ истинномъ значеніи нѣкоторыхъ словъ.** Г Шечкова. **14) Лихолѣтье на безотечествѣ.** Г. Шечкова. **15) Въ защиту патріотизма.** Н. Страхова. **16) Еврейскій вопросъ въ освѣщеніи Ѳ. М. Достоевскаго.** И. Аносова. **17) Къ вопросу о смертной казни.** Проф. Т. И. Буткевича. **18) О значеніи слова „Самодержавіе“** Л. Лыщинскаго. **19) Ложь запада и творчество востока.** Барона М. Таубе.

II. Цѣна каждой 15 коп., 100 экз.—1 руб. **20) Еврейскій вопросъ.** А. В. Ососова. **21) Памятка о Ѳ. М. Достоевскомъ.** Барона М. Таубе. **22) Забастовка, какъ средство борьбы.** А. Ососова.

III. **23) Исторія французской революціи.** Ипполита Тэна. **Цѣна 50 коп.**

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

XVIII 3/2

МИРНЫЙ ТРУДЪ.

(Повременное научно-литературное и общественное изданіе).

№ 10.

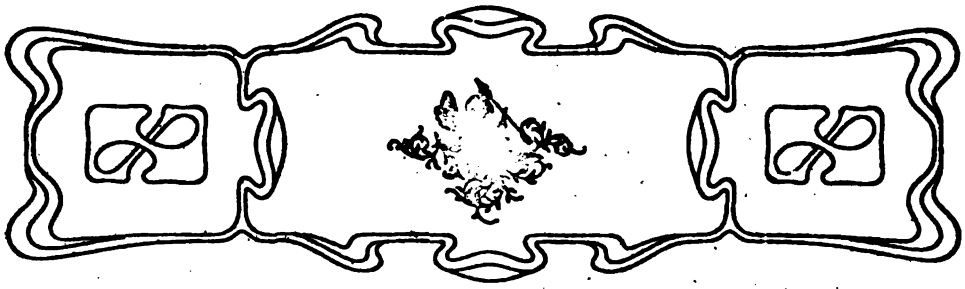
(Декабрь).

ХАРЬКОВЪ.
Электропечатня журнала „Мирный Трудъ“. Дѣвичья улица. № 14.
1906.

Гос ударственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

п-3366-51

93,
104



ОГЛАВЛЕНІЕ

декабрьской книжки журнала „Мирный Трудъ“ за 1906 г.

	Стр.
„Семеновскому полку“, стих. **В. Пуришкевича** . . .	V
„Никудышники“, LX—LXIV, **В. Пуришкевича** . . .	VI—IX
„Причины нашихъ выборныхъ въ Государственную Думу пораженій“, **Владиміра Пуришкевича** . .	X—XVI
„Новые люди“ романъ изъ современныхъ нравовъ **Н. И. Мердеръ**	1—45
„Парламентаризмъ и его оцѣнка на Западѣ“, **проф. В. Ф. Залѣсскаго**	46—56
„Сущность Самодержавія“, **Г. Шечкова**	57—62
„Памяти Софіи Александровны Леонтьевой-Левицкой, **барона М. Ф. Таубе**	63—77
„Молитва“, стих. **В. Ермолова**	77
„Ночь послѣ храмового праздника (происшествіе 1812 года), **Михаила Левицкаго**	78—106
„Къ вопросу о смертной казни“, **проф. Т. И. Бутиевича**	107—117
* * * стих. **Н. Ельчанинова**	117
„Русскій Духъ“, проф. **Н. Сергѣевскаго.**	118—140
„Трудники Русской Земли“, романъ-хроника, **И. Кашкарова**	141—159
* * * стих. **В. Ермолова**	160

„Отклики русскихъ людей на современныя событія“: 161—183
„Открытое письмо къ предсѣдателю „Союза 17 Октября“ А. И. Гучкову отъ предсѣдателя „Астраханской Народной Монархической партіи“, **Н. Н. Тихановичъ-Савицкаго**, стр. 161—163, „Черная сотня“, **С. Смирновой**, стр. 164—177, „Наша святая обязанность“, **Никона, епископа Вологодскаго и Тотемскаго**, стр. 177—183.
„Разгромъ общины—Указъ 9 ноября“, **Д. Х.** . . . 184—191
„Внутреннее обозрѣніе“, **Н. Черникова** . . . . . 192—199
„Живъ Богъ земли Русской“, стих. **А. Чумаевской** 199
БИБЛІОГРАФІЯ: *С. Соболевскій*, проф. Моск. унив. „Судъ надъ Іисусомъ Христомъ съ точки зрѣнія исторіи и археологіи“, **проф. Я. Денисова**, *Н. Кровскій*, „Снова передъ Думой“, *Н. Сандерскій*, „Государственная Дума“, **Я. Шило** . . 200—206
Отчетъ по приходу и расходу „Копѣйки Минина“ 207
Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Мирный Трудъ“ по 1 января 1906 г. . 208
Ипполитъ Тэнъ. Исторія французской революціи. Кн. 3, гл. II—III. Перев. съ франц. **Н. Шемардина** 97—112

СЕМЕНОВСКОМУ ПОЛКУ.

Въ жестокій годъ душевнаго разврата,
Въ дни тяжкихъ бѣдъ, ниспосланныхъ Руси,
Онъ говорилъ душѣ солдата:
„Огня любви не загаси!“

Слуга Царю, Отечеству опора,
Минувшихъ лѣтъ страницъ не хороня,
Онъ въ эту ночь—смятенья и позора
Лучомъ сталъ будущаго дня!

Онъ не умретъ—кормилецъ русской славы:
„Освободителей“ безумная рука
Безсильна сжечь огнемъ своей отравы
Ряды великаго полка!

Законъ судебъ: обычной вереницей
Умчатся дни, пусть жребій нашъ одинъ—
Забвенья нѣтъ, не будетъ предъ гробницей:
Въ гробницѣ—Минъ!

В. Пуришкевичъ.

НИКУДЫШНИКИ.[1]

LX.

ЭПИГРАММЫ.

I.

Рѣчамъ внимая Б—инова,
Дивлюсь всегда я одному,
Какъ не наскучило ему,
Не слыша голоса единаго
Себѣ поддержки, хоть слегка,
Ломать усердно дурака.

II.

Графу Г—чу.

Корректный воротникъ, корректная манишка,
Лоскъ гладко выбритой щеки,
Сплинъ напускной (плодъ тонкаго излишка)
A l'heure qu'on parle des „moujikis"
Все говоритъ въ немъ голосу разсудка,
Что размалеванный и пухлый „молодецъ"—
Конституціонной своры жрецъ,
Теченья моднаго погудка.

III.

Ему же.

Кто изъ себя вельможу строитъ,
Тому вельможей не бывать,
Гдѣ предки, кровь, порода, знать,
Тамъ надуваться, другъ, не стоитъ,

[1]) См. „Мирный Трудъ" № 7.

А ты, въ кругу дворянскихъ силъ,
Фуксомъ взобравшись на колону,
Лишь ярче сразу освѣтилъ
Въ павлиньихъ перышкахъ... ворону!

LXI.

Земцу стараго закала.

Земецъ „стараго закала",
Типъ строчилы изъ строчилъ,
Кто выноситъ вой шакала
Въ той странѣ, гдѣ плещетъ Нилъ?
Весь объятый нервной дрожью,
Пробѣжавъ твой новый „трудъ",
Не смущенъ я новой ложью,
(У тебя къ обману зудъ)
А дивлюсь, дивлюсь я, право,
Какъ стремится на помостъ
Хорь, попавшій вдругъ въ облаву,
Хорь у, коего на славу
Отпазначенъ длинный хвостъ.

LXII.

К т о?

Отгадай, любезный другъ,
Кто, строча безъ передышки,
Годенъ въ роли разныхъ слугъ?
Отъ лакея до мальчишки?

***

Не стѣсняйся, говори,
Кто и желтъ, и синь, и черенъ,
Вхожъ во всѣ календари,
Кѣмъ живетъ сейчасъ Суворинъ?

***

Ты молчишь, смѣлѣй дружокъ,
На устахъ твоихъ улыбка,
За еврейскій поплавокъ
Нынче тянетъ эта рыбка.

***

Эй, да полно, перестань,
Что ты слѣпъ? иль, можетъ статься,
Такъ обходишь эту дрянь,
Изъ боязни замараться?

***

Да, настали времена,
Кто бы могъ повѣрить прежде,
Что всплывутъ герои дна,
Что вождя найдутъ въ невѣждѣ?

***

Но, увы! таковъ нашъ вѣкъ,
Честь и правда спятъ глубоко
И, куда ни кинешь око,—
Море нравственныхъ калѣкъ!

LXIII.

Д. Н. Шипову.

Исполать тебѣ, дѣтинушка,
Исполать дворянскій сынъ,
Ты пришелся въ родѣ клинушка,
Въ доску вбивъ его одинъ.
Разщепись доска еловая
Разойдись по сторонамъ:
Партія сгинетъ безтолковая,
Шире дастъ дорогу намъ!
Приподнявъ главу кудлатую,
Чистымъ пламенемъ горя,
Станемъ хату мы за хатою
Звать къ подножію Царя!

IX

И пойдетъ съ молитвой, съ вѣрою,
За Союзомъ русскій людъ,
А за нимъ, за ратью сѣрою
Баре сбитые пойдутъ!
Обойми скорѣй Урусова,
Шубу Гессену подай,
А оборвыша безусаго
Мысли глубже угадай,
Ты, вѣдь, паря, зрѣнья зоркаго,
Нынче время—ералашъ.
Чую, вождь геровъ Горькаго
Въ мигъ Набокова продашь
И съ толпою „Лавры" вшивою,
Яко нагъ и яко благъ,
Вдругъ съ улыбкой горделивою
Понесешь багровый флагъ!
Но, „ура" тебѣ дѣтинушка,
Обновленецъ и кадетъ,
Бью челомъ тебѣ старинушка,
Партій красныхъ непосѣдъ!
Приподнявъ главу кудлатую,
Чистымъ пламенемъ горя,
Легче хату мы за хатою
Отрезвимъ богатыря!

LXIV.

Бывшему пажу Штакельбергу.

Судомъ товарищей онъ выгнанъ изъ полка,
И въ дикомъ бѣшенствѣ—изъ мести
Передъ евреями танцуя трепака,
Онъ разсыпается предъ ними, въ низкой лести.

В. Пуришкевичъ.

Причины нашихъ выборныхъ въ Государственную Думу пораженій.

Докладъ В. М. Пуришкевича Бессарабскому Губернскому Собранію 17 Декабря 1906 г. [1])

Въ положеніи о выборахъ въ государственную думу изображено:

§ 3. „Избраніе членовъ государственной думы по губерніямъ и областямъ производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ съѣздами: а) уѣздныхъ землевладѣльцевъ, б) городскихъ избирателей и в) уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ".

§ 4. „Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ расписаніемъ".

Отъ того или иного распредѣленія выборщиковъ зависитъ, конечно, и составъ думы: такъ, напр., общеизвѣстно, что населеніе городовъ, въ большинствѣ, принадлежитъ къ лѣвымъ партіямъ, а населеніе фабричныхъ и заводскихъ центровъ—даже къ крайнимъ лѣвымъ. Извѣстно, что евреи составляютъ ядро партіи „каде". Извѣстно также, что землевладѣльцы поляки и литовцы—автономисты. Очевидно, что если составить расписаніе, распредѣляющее выборщиковъ „между уѣздами и съѣздами" такъ, чтобы преобладаніе въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ получили жители городовъ надъ жителями уѣздовъ, промышленные округи надъ земледѣльческими,—инородцы надъ русскими, то есть

[1]) Докладъ заслушанъ Губернскимъ Земствомъ и подавляющимъ большинствомъ голосовъ принятъ къ *немедленному исполненію.*

полное основаніе предполагать, что получится государственная дума, если и не вполнѣ революціонная, то вполнѣ оппозиціонная. Въ высшей степени поразительно, что именно такъ то и составлено расписанье, давшее уже революціонную думу... Въ этомъ легко убѣдиться изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ, основанныхъ на матеріалахъ народной переписи 1897 г. Такъ, напримѣръ, населеніе городовъ Европейской Россіи равно (по переписи) 12.049,340 душамъ обоего пола,—т. е. составляетъ около 14 % всего населенія 50 губерній Европ. Россіи (94.244,046 душъ обоего пола). Изъ этихъ 12 милліон. душъ—5 милліоновъ (населяющихъ 21 городъ) пользуются правомъ выбирать 28 членовъ государственной думы—отдѣльно и самостоятельно. Остальные 7 милліоновъ (совмѣстно съ незначительнымъ контингентомъ жителей уѣздовъ) выбираютъ выборщиковъ въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ, и эти выборщики, вмѣстѣ съ выборщиками отъ волостей и отъ землевладѣльцевъ, выбираютъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ остальныхъ 381 члена государственной думы отъ 50 губ. Европ. Россіи. Если даже допустить, что къ городск. избир. собраніямъ приписано 1.300,000 жителей уѣздовъ, то все населеніе городовъ и часть населенія уѣздовъ, представители котораго участвуютъ въ городскихъ избират. съѣздахъ, не превышаетъ 8.500,000 душъ, что составляетъ 10 проц. всего населенія всѣхъ уѣздовъ 50 губ. Европ. Россіи [1]) (82 мил. душъ). Сообразно этому, число выборщиковъ отъ городскихъ съѣздовъ при равномъ избират. правѣ городовъ и уѣздовъ должно было бы составлять 10 проц. общаго числа выборщиковъ. Въ дѣйствительности же выборщики отъ городскихъ съѣздовъ составляютъ не 10 проц.,— а 22 проц. общаго числа выборщиковъ губернскихъ собраній. Всѣхъ выборщиковъ въ 50 губ. съѣздахъ 5,623 души и въ томъ числѣ отъ городскихъ съѣздовъ 1,336 выборщиковъ. Въ московскомъ же губернскомъ собраніи выборщики отъ

---

[1]) По переписи 1897 года въ уѣздахъ 50 губ. проживало всего 3.693,654 душъ мужского пола. Несомнѣнно, что достигшихъ 25-лѣтняго возраста было между ними менѣе 1.500,000 и слѣдовательно въ городскихъ избирательныхъ съѣздахъ участвуетъ въ дѣйствительности гораздо менѣе 1.500,000 душъ избирателей изъ уѣздовъ, такъ какъ вѣдь не всѣ достигшіе 25-лѣтняго возраста пользуются избирательнымъ правомъ.

городовъ составляютъ даже $^2/_3$! Въ среднемъ, одинъ выборщикъ отъ городскихъ съѣздовъ приходится на 6,000 душъ городского населенія. Но есть губерніи, гдѣ городское населеніе поставлено въ исключительно благопріятныя условія и, что въ высшей степени странно, губерніи эти фабрично-заводскія, т. е. именно тѣ, городское населеніе которыхъ принадлежитъ въ масѣ къ крайнимъ лѣвымъ партіямъ. Такъ, напримѣръ, въ Московской губ. одинъ выборщикъ приходится 660 душъ городского населенія; въ Екатеринославской —на 1,673 д. А вотъ, напр., въ Орловской губ. одинъ выборщикъ приходится на 9,600 душъ город. населенія; въ Херсонской—на 10,615 душъ. Точно также не „равное" избирательное право установлено „росписаніемъ" и для отдѣльныхъ городовъ одной и той же губерніи: такъ, напр., въ Бессарабской губ. городъ Оргѣевъ имѣетъ 12,000 жителей, г. Сороки—15,000, г. Бендеры—31,000 и г. Измаилъ—22,000. Въ районъ измаильскаго городского съѣзда входятъ сверхъ того, еще 4 гор. измаильскаго уѣзда: Килія, Рени, Болградъ и Кагулъ, съ населеніемъ въ 27,000 жит. Гг. Оргѣеву и Сорокамъ „росписаніе" даетъ по 4 выборщика. Сообразно этому, Бендеры должны были бы получить по крайней мѣрѣ 9 выборщиковъ, а Измаилъ 16 выборщиковъ, но на дѣлѣ оба эти города получили даже меньше выборщиковъ, чѣмъ Оргѣевъ и Сороки, а именно—всего по 3 выборщика. Между тѣмъ, въ Оргѣевѣ на 12,000 жит. приходится 7,000 евреевъ; въ Сорокахъ на 15,000 жит.—9,000 евреевъ;—въ Бендерахъ же и Измаилѣ соотношеніе національностей обратное: въ первомъ—на 30,000 приходится всего 10,000 евреевъ, а въ 5-ти городахъ измаильскаго городского съѣзда на 59,000 приходится только 7,000 евреевъ. Русское населеніе Бендеръ и Измаила принадлежитъ къ правымъ, національнымъ партіямъ,—еврейское населеніе Оргѣева и Сорокъ—къ лѣвымъ. И вотъ, оказывается, что росписаніе отнимаетъ здѣсь у правыхъ партій въ пользу лѣвыхъ цѣлыхъ 19 выборщиковъ [1]) Такія же несообразности наблюдаются не въ одной Бессарабской губ. такъ напр. въ Екатеринославской губ. гор. Маріуполь съ 58,000 жителей получилъ 4 выборщика, а г. Бахмутъ съ 30,000 жит. —18! А Бахмутъ является, между тѣмъ, горно-промышлен-

[1]) Если принять число выборщиковъ отъ Оргѣева за нормальное.

нымъ центромъ—и тамъ, если не ошибаюсь, въ декабрѣ 1905 г. основана была даже республика.

Къ не менѣе страннымъ выводамъ приводитъ и сравненіе отдѣльныхъ большихъ районовъ Европейской Россіи. Если взять 9 западныхъ губ. (Подольскую, Кіевскую, Волынскую, Могилевскую, Минскую, Гродненскую, Ковенскую, Витебскую и Виленскую), то окажется, что въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ района участвуютъ 1,226 выб., въ томъ числѣ 253 отъ городовъ, 465 отъ волостей и 508 отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ. Эти выборщики выбираютъ 84 членовъ государственной думы. Такъ какъ въ городахъ этого района евреи составляютъ отъ 43,1 проц. до 58,8 проц. населенія (согласно переписи 1897 г. [1]), то очевидно,— выборщиками отъ городскихъ съѣздовъ являются евреи или ихъ ставленники. Землевладѣльцы этого района почти исключительно поляки и литовцы. Слѣдовательно, инородцы представлены въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ 758 выборщиками. Выборщики отъ волостей являются представителями крестьянскаго (въ огромномъ большинствѣ) русскаго населенія края, но ихъ всего 465 и при блокѣ инородцевъ, въ государственную думу могутъ пройти только представители ихъ интересовъ, все же русское населеніе края можетъ остаться безъ представительства. Между тѣмъ, согласно переписи 1897 г., населеніе этихъ 9 губерній состоитъ изъ 14.173,104 русскихъ (великороссовъ, малороссовъ и бѣлоруссовъ) 2,608,800 евреевъ и 2,589,344 другихъ инородцевъ (поляковъ, литовцевъ, латышей, жмудиновъ и пр.) И вотъ эти то инородцы выбираютъ „по расписанію выборщиковъ“ 84 депутата, конечно, автономистовъ, сторонниковъ еврейскаго равноправія и парламентарной монархіи, которые, по какому то странному недоразумѣнію, представляютъ и 14 милліоновъ русскаго населенія, являющагося въ масѣ, несомнѣнно, противникомъ автономіи, равноправія и самодержавія парламента. Сравнимъ съ этимъ райономъ огромный районъ, заключающій къ себѣ 32 чисто русскихъ губерніи (всѣ остальныя губерніи Европейской Россіи, кромѣ 3 прибалтійскихъ и 6 южныхъ: Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, Полтавской и Черниговской). Въ этихъ 6 губерніяхъ евреи

[1]) Стр. XVII, часть II переписи (Сводъ).

не составляютъ большинства гор. населенія. Но, какъ выяснено выше, въ тѣхъ городахъ Бессарабской губерніи, гдѣ сильно преобладаютъ русскіе, число выборщиковъ уменьшено противъ нормы. Въ остальныхъ же гор. съѣздахъ преобладаніе дается еврейству правилами закона, что въ горизбирательныхъ съѣздахъ участвуютъ уѣздные торговцы, промышленники, квартиронаниматели. Въ чертѣ осѣдлости, вообще, и въ этихъ губерніяхъ избиратели этихъ категорій—евреи. Въ губернскихъ собраніяхъ послѣдняго района участвуютъ 3,425 выборщиковъ—въ томъ числѣ: отъ городовъ —813, отъ землевладѣльцевъ—1,040 и отъ крестьянъ—1,572. Какъ въ первомъ районѣ преобладали землевладѣльцы-инородцы (составляя 41,4 проц. всѣхъ выборщиковъ района), такъ и здѣсь преобладаютъ крестьяне, землевладѣльцы же составляютъ 30 проц. всѣхъ выборщиковъ. Правда, населеніе здѣсь почти сплошь русское и національный вопросъ здѣсь значенія не имѣетъ, но зато мѣстное крестьянство, владѣющее землею на общинномъ правѣ, очень воспріимчиво къ соціалистической пропагандѣ и къ идеѣ о конфискаціи и о передѣлѣ помѣщичьей земли. Очевидно, что „расписаніе“ составлено такъ, что и здѣсь, въ этомъ районѣ, должны имѣть сильное вліяніе лѣвыя партіи. Если бы выборщики отъ землевладѣльцевъ составляли въ этомъ районѣ около 42 проц. (какъ въ западномъ районѣ,—а не 30 проц.), то ихъ должно было бы быть не 1,040, а 1,438; такимъ образомъ, „расписаніе выборщиковъ“ составлено такъ изумительно, что въ тѣхъ районахъ, гдѣ оппозиціоннымъ элементомъ являются землевладѣльцы, преобладаніе дано землевладѣльцамъ, —гдѣ крестьяне—крестьянамъ...

Является ли „расписаніе выборщиковъ“, создавшее столь странное, чтобы не сказать болѣе, положеніе, составной, неизмѣнной частью избирательнаго закона? Отнюдь нѣтъ, и уже потому нѣтъ, что оно относится къ закону 6 августа 1905 года, а въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года законъ этотъ былъ кореннымъ образомъ измѣненъ. „Расписаніе“ являлось только цифровымъ выраженіемъ слѣдующихъ положеній и указаній: „Число выборщиковъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ опредѣляется въ извѣстномъ отношеніи къ числу членовъ государственной думы. Распредѣленіе числа выборщиковъ между уѣздами производится въ соотвѣт-

ствіи съ количествомъ населенія уѣздовъ, а въ съѣздахъ— между указанными выше тремя разрядами избирателей оно опредѣляется отношеніемъ суммъ земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ имуществъ, принадлежащихъ уѣзднымъ и городскимъ избирателямъ (разряды 2 и 3 [1]) къ суммамъ сборовъ, уплачиваемыхъ съ падѣльныхъ земель (стр. 40, меморіи совѣта министровъ по дѣлу о порядкѣ осуществленія Высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ рескриптѣ 18 февраля 1905 года). Такимъ образомъ, расписаніе является цифровымъ выраженіемъ этихъ положеній и представляетъ собою только рядъ итоговъ, сложныхъ цифровыхъ вычисленій Соотношеніе суммъ земскихъ сборовъ, взимаемыхъ съ трехъ разрядовъ избирателей, величина перемѣнная и „расписаніе“, по духу закона, должно провѣряться и исправляться передъ каждыми выборами въ государственную думу. По существу „расписаніе“ числа выборщиковъ имѣетъ то же юридическое значеніе, что и списки избирателей, но только составляются центрально-исполнительной властью для всей Имперіи. На обязанности этой же власти (но отнюдь не законодательнаго собранія) лежитъ и исправленіе „расписанія“ при измѣненіи избирательнаго закона (и тѣмъ болѣе, при замѣченныхъ въ вычисленіяхъ цифровыхъ ошибкахъ). Въ виду всего этого, является совершено непонятнымъ и необъяснимымъ, какимъ образомъ „расписаніе“ выборщиковъ не было измѣнено, согласно новымъ положеніямъ избирательнаго закона, въ декабрѣ 1905 г., когда цензовое избирательное право было демократизировано настолько, что приблизилось ко всеобщему. Съ декабря 1905 г. всѣ цифры „расписанія“ должны считаться совершено произвольными, не основанными на положеніяхъ закона. Въ послѣднее же время даже рѣзко измѣнилось и соотношеніе суммъ земскихъ сборовъ, уплачиваемыхъ частными владѣльцами и крестьянами, такъ какъ однимъ изъ послѣднихъ разъясненій сената владѣльцы земли, пріобрѣтенной при помощи крестьянскаго банка, не пользуются уже избирательнымъ правомъ на прежнихъ основаніяхъ. Въ виду всего сказаннаго, несомнѣнно, что „расписаніе“ числа выборщиковъ должно быть измѣнено и строго согласовано съ избирательнымъ закономъ, ина-

[1]) Съѣзды городскихъ избирателей и съѣзды землевладѣльцевъ.

че предстоящіе выборы въ государственную думу будутъ основаны на совершено произвольномъ распредѣленіи выборщиковъ, при чемъ именно этотъ произволъ создастъ новую революціонную государственную думу. Если же у центрально-исполнительной власти нѣтъ достаточныхъ точныхъ нормъ и указаній, для составленія новаго распредѣленія, то избирательный законъ долженъ быть разъясненъ и нормы опредѣлены правит. сенатомъ или руководящимъ указаніемъ верховной власти, даровавшей избирательный законъ. По силѣ изложенныхъ выкладокъ и соображеній, имѣю честь просить бес. губ. земское собраніе возбудить предъ надлежащею властью соотвѣтствующее ходатайство о немедленномъ составленіи расписанія въ выборщики въ гос. думу по губерніи, соотвѣтствующаго интересамъ народа-хозяина, т. е. русскаго народа, а не тѣхъ племенъ и народностей, которыя какъ наростъ въѣлись въ государственное тѣло великой Россіи.

Бессарабскій губернскій гласный

Владиміръ Пуришкевичъ".

13 декабря 1906 года.

Литература: 1) положеніе о выборахъ въ государственную думу, 2) сводъ народной переписи 1897 г. ч. I и II, 3) „Историческій документъ" (меморія совѣта министровъ); эта брошюра была приложена въ 1905 г. къ „Русскому дѣлу".

Новые люди.

Романъ изъ современныхъ нравовъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

IV.

Прошло двѣ недѣли послѣ этой роковой размолвки и, къ величайшему изумленію и испугу Лидіи Васильевны, Ганскій не только не приходилъ, какъ всегда, просить у нея прощеніе за то, что онъ позволилъ себѣ наболтать много лишняго при постороннемъ человѣкѣ, но и совсѣмъ не являлся въ домъ Фишхаута на площади.

Ни разу не пришелъ къ ней и князь. Сознаніе одиночества и безпомощности такъ ее угнетало, что она даже по временамъ ощущала смутное желаніе молиться, но и Богъ къ ней не шелъ и все чаще и чаще навертывалась ей на умъ мысль о самоубійствѣ. Все ей измѣняло и, какъ не увѣряла она себя, что не въ одной любви счастье, а также и въ сознаніи самостоятельности и въ трудѣ, убѣжденія эти, такъ хорошо ею усвоенныя, что она по нимъ перестроила всю свою жизнь, ни на единую каплю не смягчали ея страданій и не уменьшали опасеній, страшнымъ призракомъ стоявшихъ передъ нею, съ тѣхъ поръ, какъ ослѣплявшая ее страсть къ Ганскому начала разсѣиваться и, сквозь напущенный на разумъ туманъ, стали пробиваться лучи Истины.

Произошло это не вдругъ. Первые дни послѣ того, какъ ей въ первый разъ сдѣлалось стыдно за Ганскаго въ присутствіи князя, она ничего не чувство-

вала, кромѣ досады и обиды, и помышляла лишь о томъ, какими словами убѣдить его не возставать такъ нагло и цинично противъ общественныхъ понятій и предразсудковъ, но когда дни стали проходить за днями и не представлялось случая подѣйствовать на него разумными доводами, когда и самые эти доводы начали казаться ей слабыми и не способными подѣйствовать на закоренѣлую въ порокѣ душу, на нее напала тоска и мысль о самоубійствѣ, все чаще и чаще, стала навертываться ей на умъ.

Да и какъ ей было не придти въ отчаяніе, когда съ каждымъ днемъ приходилось убѣждаться, что человѣкъ, для котораго она всѣмъ пожертвовала, много хуже, чѣмъ она могла себѣ представить, даже въ минуты самой горькой обиды! Не довольствуясь тѣмъ, что онъ ушелъ не помирившись съ нею, не выпросивъ себѣ прощенія, не увѣривъ ее въ своей любви, онъ еще придумывалъ ей новыя муки, и, точно съ умысломъ, чтобъ отнять у нее послѣднія иллюзіи на его счетъ, послалъ къ ней свою Вавку! Чтобъ доканать ее, вѣрно.

Г-жа Ганская явилась къ своей соперницѣ веселая, нарядная торжествующая, объявила, что Петруша послалъ ее узнать о здоровьѣ Лидіи Васильевны и предложить ей участвовать въ пикникѣ, устроенномъ Пинаржевскимъ за городомъ, въ паркѣ князя Рожальскаго.

— Очень будетъ пріятно. Ѣдутъ все свои, Пинаржевскій, маленькая Розинская, разумѣется Жозефина Осиповна. Безъ нея Петруша дышать не можетъ и устроилъ ей письменный столъ рядомъ со своимъ бюро, въ нижнемъ кабинетѣ, да и я къ ней такъ привыкла, что безъ нея скучаю... Пріѣдете? Я за вами могу заѣхать.

Лидія Васильевна сдержанно отвѣчала, что ей нездоровится и что она не выѣзжаетъ.

— Да вы и въ самомъ дѣлѣ осунулись за послѣднее время, поблѣднѣли, похудѣли... „и постарѣли“, прибавила она про себя, не спуская, полнаго любопытства, взгляда со своей жертвы.—Мы узнали, что вы

нездоровы и Петруша послалъ меня васъ навѣстить... Самъ зайти боится, вы съ нимъ такъ сердито обошлись послѣдній разъ, когда онъ у васъ засталъ князя! Вамъ вѣрно было непріятно, что онъ помѣшалъ вашему разговору со старымъ знакомымъ? Я ужъ бранила его за это, но мужчины такіе недогадливые!

Что было на это отвѣчать? Не лучше ли показать пренебреженіе къ глупымъ намекамъ и колкостямъ, чѣмъ дать замѣтить, какъ отъ нихъ больно?

Лидія Васильевна круто повернула разговоръ на другой предметъ и спросила: была ли у нея, съ просьбой о мѣстѣ, дочка фермерши Антоневой?

Вавка расхохоталась.—Это вы про Стаську? Разумѣется явилась, вся въ красномъ, платье красное, шляпа красная и туфли красные. Мы прозвали ее „гусиныя лапы,“ онѣ же кстати у нея, кажется, кривыя. По крайней мѣрѣ Пинаржевскій это увѣряетъ. У насъ она особеннаго эффекта не производитъ и до сихъ поръ никто еще за нею не ухаживаетъ, а подруги отъ нея сторонятся. Слишкомъ груба, чистая деревенщина и одѣваться совсѣмъ не умѣетъ, особенно кажется она не авантажной, въ сравненіи съ другими нашими полечками, такія онѣ деликатныя, субтильныя, изящныя. Впрочемъ Жозефина Осиповна взяла ее подъ свою протекцію и навѣрное скоро ее оболванитъ по своему. Она на это мастерица. Съ тѣхъ поръ, какъ ей поручены наши дѣвицы, въ канцеляріи несравненно больше тишины и порядка, чѣмъ прежде. Раньше доходило до того, что чиновникамъ невозможно было заниматься отъ ихъ трескотни... Жозефина Осиповна очень полезна Петрушѣ и даетъ ему прекрасные совѣты. Это она надоумила его запретить говорить въ канцеляріи по польски, ей Богу! А сама полька! Вотъ какъ она соблюдаетъ Петрушины интересы. И знаете, это очень хорошо, оказывается, что есть такой законъ и донеси кто нибудь, что у насъ все на польскій ладъ, Петрушѣ были бы большія непріятности... Онъ началъ учиться по польски у Жозефины Осиповны, чтобъ понимать, что его подчиненные промежъ себя лопочутъ. Жозефина Осиповна очень умна и прекрасно образо-

вана, она даже знаетъ нашу литературу и Петруша видѣлъ у нея сочиненія Горькаго...

— Кто эта Жозефина Осиповна? спросила Лидія Васильевна, съ трудомъ сдерживая раздраженіе.

Вавка выпучила глаза отъ изумленія.

— Вы не знаете, что Пигальскую зовутъ Жозефиной Осиповной?—Впрочемъ, вы такъ давно у насъ не были, что можетъ быть про нее совсѣмъ и не слышали. Она поступила въ канцелярію съ мѣсяцъ тому назадъ, но ходить къ намъ стала только съ прошлой недѣли... Хотите я ее къ вамъ привезу?

— Пожалуйста, не безпокойтесь, поспѣшила отказаться отъ этого предложенія Лидія Васильевна, у которой при одной мысли видѣть у себя эту личность, морозъ пробѣжалъ по тѣлу.

Какъ хотите, поджимая съ видомъ оскорбленнаго достоинства губы, сказала Вавка.—А только вы напрасно брезгаете нашими знакомыми. Здѣсь можно отъ скуки взбѣситься, если разбирать, съ кѣмъ знаться и съ кѣмъ нѣтъ. А Жозефина Осиповна преинтересная. Петруша увѣряетъ, что съ нею никогда нельзя соскучиться и что она какую угодно хандру разгонитъ.

— У меня нѣтъ времени ни хандрить ни скучать.

— Ну, знаете, все одной, да одной всякая охота сочинять стихи пройдетъ. А больше то, что вамъ дѣлать? окидывая пренебрежительнымъ взглядомъ заваленный исписанными листками письменный столъ, замѣтила Вавка.

— Вы совершенно напрасно издѣваетесь надъ тѣмъ, чего вы не понимаете, Варвара Петровна.

— Ахъ Боже мой! Вотъ вы ужъ и обидѣлись! Съ вами нѣтъ никакой возможности разговаривать! вскричала съ раздраженіемъ гостья, поднимаясь съ мѣста и оправляя новую шляпу, которую она надѣла, чтобъ похвастаться своимъ вкусомъ и умѣніемъ все дешево покупать, а на шляпу ея даже и вниманія не обратили.—Вы ко всему придираетесь!

Пренепріятная особа эта баронесса, изъ всѣхъ пассій Петруши самая противная. Какъ хорошо, что

дорамъ и лѣстницамъ, встрѣчаться съ кавалерами одинъ интереснѣе другаго, смѣяться съ ними и болтать во всѣхъ уголкахъ, знать, что есть для кого наряжаться, завиваться, пудриться и подводить глазки, ужъ изъ-за одного этого счастья можно было, не задумываясь, рискнуть вѣчнымъ блаженствомъ, не говоря о еще болѣе соблазнительныхъ горизонтахъ... Гдѣ же и найти выгоднаго жениха, какъ не въ такой веселой, шумной обстановкѣ! Фелька много разъ видѣла, какъ служащія въ канцеляріи пана презуса, уходятъ со службы домой, каждая непремѣнно съ провожатымъ, а нѣкоторыя и съ двумя...

Веселѣе мѣста нѣтъ во всемъ городѣ, не даромъ всѣ такъ стремятся туда попасть. Въ случаѣ надобности можно будетъ тогда оказать протекцію и Влодеку и ужъ тогда увидимъ, будетъ ли его дура матка требовать, чтобъ онъ женился на дочери мясника, увидимъ, увидимъ, повторяла она себѣ съ восхищеніемъ.

Въ порывѣ восторга, Фелька кинулась цѣловать руки пани презусовой и клясться всѣми святыми, что она будетъ ее любить какъ Бога, служить ей какъ родной маткѣ...

— А пока служи баронесѣ и жди, чтобъ я за тобою послала и никому не болтай объ этомъ ни слова, если у насъ про это кто нибудь узнаетъ, я тебя не возьму, сказала Вавка, вырывая свои руки отъ губъ дѣвушки и, приказавъ ей вернуться домой, пошла одна черезъ площадь.

Первымъ вопросомъ Ганскаго, когда онъ пришелъ домой со службы, былъ про Лидію Васильевну. —

— Ну что? Была ты у нея, сказала ей, что я прошу ее ѣхать съ нами на пикникъ завтра? спросилъ у жены, садясь за столъ, рядомъ съ Пигальской, которая успѣла ужъ сдѣлаться домашнимъ человѣкомъ въ домѣ начальника; безъ нея не завтракали, не обѣдали и не ужинали, никуда не ѣздили и совѣтывались съ нею на счетъ всего, начиная отъ воспитанія дѣтей и кончая наймомъ кухарки.

— Была и, разумѣется, вернулась ни съ чѣмъ.

Отъ пикника отказалась на отрѣзъ, объявила, что ты самъ бы могъ придти ее звать и что со мною она и разговаривать не желаетъ, отвѣчала Вавка, принимаясь наливать супъ.

— Капризъ, значитъ, все еще продолжается, замѣтилъ Ганскій, накладывая своей сосѣдкѣ большой кусокъ пирога на тарелку.—Кушайте, Жозефиночка, претензіи баронесы намъ аппетита не испортятъ, не правда ли?

— О, у меня всегда хорошій аппетитъ! весело отвѣчала Пигальская.

— Ну, а ты чего, бутузъ, зазѣвался? Чѣмъ на насъ глаза то таращить, смотри лучше, чтобъ у тебя изъ подъ носу не унесли тарелку съ пирогомъ, обратился Ганскій къ сыну, который, прислушиваясь къ разговору старшихъ, забывалъ голодъ.

Сестренка его, семилѣтняя Соня, тоже медлила подносить ко рту ложку съ супомъ, переводя глаза съ напряженнымъ вниманіемъ отъ отца къ матери и отъ этой послѣдней къ Пигальской.

У Сони было три куклы, одну она прозвала мамой, другую папой, а третью баронессой, теперь она мечтала о четвертой, которую намѣревалась назвать Жозефинкой. Изъза этихъ кличекъ у нея постоянно происходили ссоры и драки съ братомъ, который относился къ семейному вопросу болѣе субъективно и ненавидѣлъ Жозефинку, разумѣется самъ не зная за что. Можетъ быть вслѣдствіе безсознательнаго отвращенія къ разврату и пороку, которое природа вкладываетъ иногда въ сердца дѣтей, рожденныхъ отъ порочныхъ родителей? А можетъ быть по врожденному вкусу къ прекрасному и изящному, заставлявшему его невольно сравнивать баронессу съ Пигальской? Какъ бы то ни было, но съ тѣхъ поръ, какъ Лидія Васильевна перестала у нихъ бывать, мальчикъ сталъ чувствовать къ ней нѣжность и часто надоѣдалъ матери вопросомъ: почему она къ нимъ больше не приходитъ?

Разъ даже онъ набрался смѣлости предложить этотъ вопросъ отцу и этотъ со смѣхомъ ему отвѣтилъ:—А ты самъ у нея про это спроси.

Мальчикъ задумался надъ этой шуткой много серьезнѣе, чѣмъ можно было бы себѣ представить и кто знаетъ, какъ подѣйствовали бы его мысли на отца, еслибъ онъ въ состояніи былъ формулировать ихъ въ доступныхъ пониманію выраженіяхъ даже самому себѣ.

Эти двѣ недѣли и князь тоже не заходилъ къ Лидіи Васильевнѣ, хотя его и тянуло къ дому Фишхаута такъ сильно, что онъ часто дѣлалъ большой крюкъ, чтобъ не попасть на эту площадь и не поддаться искушенію зайти къ баронессѣ Рейфельдъ.

Онъ зналъ, что она дома: почти каждый день встрѣчался онъ съ Ганскимъ въ театрѣ, на гуляньѣ, на музыкѣ въ публичномъ саду, или въ модныхъ ресторанахъ, куда онъ теперь всегда являлся съ той женщиной, съ которой былъ въ театрѣ въ тотъ вечеръ, когда князь имѣлъ неудовольствіе съ нимъ познакомиться, и при этомъ убѣдиться, какъ несчастна баронесса Рейфельдъ.

Сталкиваясь съ нимъ въ публикѣ, князь избѣгалъ, не только разговаривать съ нимъ, но даже старался пройти мимо него незамѣченнымъ, но это не всегда ему удавалось: замѣтивъ его, Ганскій такъ демонстративно съ нимъ раскланивался, что волей неволей приходилось отвѣчать на его привѣтствіе, на его замѣчанія о музыкѣ или о погодѣ.

Но и такого рода сношенія съ „новымъ“ человѣкомъ были князю въ тягость и приводили его въ скверное расположеніе духа, и онъ часто, съ изумленіемъ себя спрашивалъ: какъ это общество терпитъ въ своей средѣ такого нахала, не давая ему при каждомъ удобномъ случаѣ чувствовать, какое отвращеніе внушаетъ онъ каждому сколько нибудь порядочному человѣку? Съ какимъ наслажденіемъ присоединился бы онъ къ такому протесту противъ этого оскорбителя общественной нравственности, которому доставляло особенное удовольствіе публично проявлять свой развратъ и полнѣйшее презрѣніе къ общественному мнѣнію. Но если первое время здѣсь и

нашлись люди, которые съ отвращеніемъ отъ него отвертывались, то это длилось не долго; мало по малу всѣ къ нему привыкли, къ циничнымъ его выходкамъ стали относиться съ улыбкой, какъ къ своего рода чудачеству, и съ каждымъ днемъ находилось у него все больше и больше подражателей между распущенною молодежью, которой, до его появленія на здѣшнемъ горизонтѣ и въ голову бы не пришло выставлять на показъ свои отношенія къ дамочкамъ полусвѣта.

Здѣшнее общество всегда отличалось свободой нравовъ, благодаря смѣшенію національностей, русской, польской и еврейской, изъ которыхъ оно состоитъ. Нѣтъ болѣе удобной почвы для разврата, во всѣхъ его проявленіяхъ, какъ космополитизмъ, при которомъ такъ легко перейти отъ неуваженія чужихъ нравовъ и обычаевъ, къ презрѣнію самого себя. Чувство собственнаго достоинства не можетъ не умаляться въ средѣ людей, отъ которыхъ нельзя ждать признанія этого достоинства, а отъ постоянной необходимости подавлять въ себѣ чувство отчужденія и обиды, притворяться равнодушнымъ къ скрытой злобѣ, плохо прикрываемой условными гримасами европейской цивилизаціи, душа растлѣвается и пріобрѣтается привычка къ притворству и передъ самимъ собой. Благодаря этимъ пагубнымъ условіямъ, мало кто изъ русскихъ въ этомъ краѣ остается, въ полномъ смыслѣ этого слова, русскимъ, но такіе есть и самая исключительность ихъ представляетъ изъ себя блестящее подтвержденіе правила.

А терпятъ эти люди здѣсь такъ много отъ преслѣдованія чужеземцевъ и отъ равнодушія своихъ, что ихъ любовь къ родинѣ и сознаніе своего долга передъ нею, часто принимаютъ размѣры настоящаго героизма, передъ которымъ нельзя не преклоняться и не благоговѣть. Услуги же, оказываемыя ими Россіи, велики, но чтобъ оцѣнить ихъ по справедливости, надо быть, какъ они, проникнуты, до мозга костей и до глубины души, понятіемъ о ея міровомъ значеніи и любить ее превыше всего на свѣтѣ.

Такихъ людей, разумѣется, мало: природа не щедра на такіе дары, какъ величіе души, самоотверженіе, гражданское мужество, терпѣніе и послѣдовательность въ достиженіи цѣли, такой отдаленной, что нѣтъ человѣка, который могъ бы надѣяться достигнуть этой цѣли при жизни, но истинныхъ піонеровъ русскаго самосознанія это не смущаетъ и обаяніе ихъ такъ сильно, что съ каждымъ днемъ число ихъ растетъ, а вліяніе ихъ распространяется все дальше и дальше.

Къ сожалѣнію, тоже самое можно сказать и относительно зла: всегда найдутся среди людей, оторванныхъ отъ почвы и мотающихся между двумя противуположными очагами добра и зла, правды и лжи, слабовольные и съ поверхностнымъ умомъ субъекты, не способные ни мыслить, ни бороться со своими слабостями и страстями, которымъ несравненно пріятнѣе и удобнѣе прилипать къ проповѣдникамъ разнузданности и эгоизма, подъ личиной свободы любви и космополитизма, чѣмъ воевать словомъ, дѣломъ и примѣромъ за величіе и благо родины и за спасеніе собственной души.

Это и удобнѣе, да и во всѣхъ отношеніяхъ безопаснѣе.

Съ отвращеніемъ отвертываясь отъ Ганскаго, князь ничего подобнаго не сознавалъ, ему просто претило хамство этого человѣка, а такъ, какъ Лидія Васильевна ему и раньше очень нравилась, а здѣсь онъ отъ скуки даже въ нее влюбился немножко, то онъ ненавидѣлъ Ганскаго за то, что она имѣла несчастье выбрать именно его объектомъ своего увлеченія модными теоріями свободной любви. Не могла она развѣ увлечься порядочнымъ человѣкомъ, который бы ее берегъ, цѣнилъ и платилъ бы беззавѣтной любовью и преданностью за принесенную ему жертву? Самую великую жертву, какую женщина можетъ принести мужчинѣ...

А этотъ хамъ ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобъ ее оскорблять и огорчать. Быть не

можетъ, чтобъ она не знала про его ухаживаніе за такой дрянью, какъ это размалеванная кукла...

И представляя себѣ, какъ она должна страдать, если имѣетъ слабость до сихъ поръ любить этого негодяя, князь въ безсильной злобѣ сжималъ кулаки, чувствуя всѣмъ своимъ существомъ, что представься только случай отомстить за нее, онъ случая этого не пропуститъ.

Въ постоянныхъ мысляхъ объ этой несчастной, потерявшейся женщинѣ, князь невольно возвращался мысленно къ воспоминаніямъ о толкахъ и сплетняхъ, возникшихъ въ-Петербургѣ, по поводу скандальнаго романа, разыгравшагося въ семьѣ барона Рейфельда.

Романомъ этимъ занимались долго. Въ Петербургѣ хорошо знали баронессу Рейфельдъ и многіе восхищались ея граціей и красотой. Находили ее эксцентричной и забавлялись ея маніей водиться съ людьми не изъ ея общества и придумывать себѣ занятія и развлеченія, не имѣющія ничего общаго съ времяпрепровожденіемъ женщинъ изъ высшаго общества. Странности эти придавали ей пикантность въ глазахъ легкомысленнаго большинства.

Ганскаго въ высшемъ столичномъ обществѣ мало кто зналъ, но за то его знали въ министерствахъ, гдѣ были такого мнѣнія, что онъ далеко пойдетъ, не взирая на недостатокъ воспитанія, дурныя манеры и полнѣйшее презрѣніе къ какимъ бы то ни было нравственнымъ правиламъ.

Такимъ именно и везетъ въ послѣднее время и надо быть слѣпымъ, чтобъ этого не видѣть.

Новые люди! Они, мало по малу, все себѣ завоевываютъ, почести, деньги, женщинъ, а что еще опаснѣе—вліяніе на складъ общественной жизни.

За обыкновеннымъ русскимъ человѣкомъ и христіаниномъ, Лидія Васильевна, врядъ ли бы пошла, а за этимъ бросилась очертя голову въ омутъ...

Князь слышалъ здѣсь, что къ Ганскому просятся на службу молодые люди изъ порядочныхъ русскихъ семействъ. Соблазняются жалованьемъ, а главное подачками, которыя онъ имѣетъ возможность раздавать

изъ казенныхъ денегъ. Къ этому, пожимая плечами, прибавляли подробности о придуманныхъ имъ пріемахъ для закрепленія чиновниковъ своей власти. „Принимая ихъ на службу, онъ заставляетъ ихъ, одновременно съ прошеніемъ о мѣстѣ, подавать другое прошеніе объ отставкѣ, безъ обозначенія года и числа, такъ что онъ ихъ каждую минуту можетъ выгнать по ихъ же собственному прошенію, и они, такимъ образомъ, находятся отъ него въ крѣпостной зависимости. Надо быть негодяемъ, чтобъ придумать такой гнусный фортель".

И эти же самые люди, громко его осуждавшіе, присылали къ нему съ рекомендательными карточками, юношей и дѣвицъ, жаждущихъ поступить къ нему на службу!

Да, Ганскій былъ до высочайшей степени противенъ князю, которому въ первый разъ въ жизни доводилось близко сталкиваться съ этимъ представителемъ новой породы людей, а между тѣмъ, его тянуло все больше и больше убѣждаться въ пошлости и гнусности этого человѣка, собрать побольше фактовъ, которые могли бы служить иллюстраціей для его характеристики и у него являлось желаніе узнать поближе міросозерцаніе этого нравственнаго урода, его мысли и чувства. Чтобъ разгадать причину таинственнаго вліянія, которое онъ имѣлъ на Лидію Васильевну, можетъ быть?

Такъ или иначе, но когда онъ сегодня зашелъ, чтобъ убить время, въ публичный садъ и увидѣлъ въ публикѣ Ганскаго съ Пигальской, онъ со всевозможными предосторожностями, чтобъ не быть ими замѣченнымъ, слѣдилъ за этой интересной парочкой, наблюдая, при этомъ, впечатлѣніе, производимое ею на окружающихъ. Такимъ образомъ онъ видѣлъ, что вице-губернаторъ отвелъ свою жену подальше отъ столика, къ которому направлялся со своей дамой Ганскій, что къ удалявшимся отъ этого послѣдняго присоединилось еще нѣсколько женщинъ и мужчинъ изъ общества, и съ какимъ жаднымъ любопытствомъ глазѣла на наглыхъ нарушителей приличія толпа мо-

лодежи, перекидываясь шопотомъ замѣчаніями и смѣхомъ, на польскомъ и русскомъ языкахъ. Князь не могъ также не замѣтить высокой, сутуловатой и развинченной фигуры Пинаржевскаго, зорко слѣдившаго за этими разговорами и появлявшагося всегда тамъ, гдѣ слишкомъ громко позволяли себѣ вспоминать о прошломъ новой кохаики его господина или вообще, гдѣ можно было опасаться какихъ нибудь непріятныхъ для этого послѣдняго осложненій. А опасаться чего либо подобнаго основаніе было: между слушательницами, тѣснившимися къ эстрадѣ, были и дѣвицы изъ управленія и между ними страстно влюбленная въ пана презуса, Стефанія Богуцкая, объявившая на дняхъ во всеуслышаніе въ канцеляріи, что она ждетъ только случая разбить морду Жозефинкѣ, а также хорошенькая Михалинка Розинская, поклявшаяся Маткой Бозской, что она отобьетъ у этой самой Жозефинки пана презуса. Отъ такихъ отчаянныхъ поклонницъ можно всего было ждать, даже шумнаго скандала, со вмѣшательствомъ полиціи. Пинаржевскій держалъ ухо востро, ни на секунду не спуская глазъ съ того столика, за который усѣлся его начальникъ со своей дамой.

Если взять въ соображеніе, что къ этимъ заботамъ, на бѣднаго Пинаржевскаго была еще возложена обязанность развлекать супругу презуса, служить ей кавалеромъ всюду, куда ей вздумается поѣхать или пойти, и исполнять ея порученія, то нельзя было не сознаться, что на его долю выпала весьма сложная и затруднительная служба, и что упрекать его въ томъ, что онъ даромъ получаетъ жалованье, съ явными и тайными прибавками, было бы несправедливо.

Помощниковъ въ этомъ дѣлѣ у него не было; всѣ хорошо понимали, что конкуренціи онъ не потерпитъ, и никто не совался предлагать ему свои услуги; онъ оставался единственнымъ наперстникомъ и хранителемъ тайнъ своего повелителя, съ каждымъ днемъ дѣлаясь все больше и больше необходимымъ, какъ ему, такъ и Пигальской, предпринявшей удач-

ный походъ на сердце пана презуса по его совѣту и по его указаніямъ, въ самое удобное время, когда Ганскій заскучалъ въ обществѣ баронессы и почувствовалъ желаніе освѣжиться новыми ощущеніями и впечатлѣніями.

Жаркое это было время для Пинаржевскаго и преопасное. Отъ малѣйшей неосторожности Пигальской, отъ каприза пани презусовой, отъ улыбочки Михалинки Розинской, отъ вздоха и слезинки Стефаніи Богуцкой, и отъ одного слова баронессы, вся хитро сплетенная интрига могла разсѣяться безъ слѣда, какъ утренній туманъ отъ перваго солнечнаго луча. Сколько надо было ловкости и находчивости, чтобъ благополучно лавировать промежъ всѣхъ этихъ подводныхъ камней, чтобъ не сѣсть на мель у самой пристани!

У Пинаржевскаго была жена и, разумѣется, первою его мыслью было привлечь ее въ помощницы къ затѣянному имъ предпріятію, но это не удалось: при первыхъ его намекахъ, что не дурно было бы ей сдѣлать визитъ супругѣ его начальника, дабы подкрѣпить выгодное положеніе, которое ему удалось занять въ домѣ пана презуса, пани Пинаржевская выругала его подлецомъ и объявила, что никогда нога ея не будетъ въ домѣ москалей, хотя бы ей и дѣтямъ ея грозило бы отъ этого разореніе и смерть.

— Ты можешь предавать отчизну и губить твою душу, сколько тебѣ угодно, а мое дѣло замаливать твои грѣхи, чтобъ проклятіе церкви не постигло черезъ тебя нашихъ дѣтей, объявила она ему на отрѣзъ.

— Это тебя аббатъ Лишинскій такъ настроилъ?

— А хотя бы онъ, тебѣ то что за дѣло? Что я отъ тебя имѣю за протекцію и за состояніе, которое я тебѣ принесла? Ты мнѣ далъ двоихъ дѣтей, благодаря которымъ я связана съ тобою на долго, потому что ихъ надо воспитывать, а капиталъ мой ты растратилъ; ты меня лишилъ приличнаго положенія въ нашемъ обществѣ, благодаря твоему подхалимству передъ русскими, а аббатъ Лишинскій меня поддерживаетъ: онъ такъ много говорилъ про меня графинѣ

Лещинской, что она прислала мнѣ приглашеніе участвовать въ базарѣ, который она устраиваетъ для дѣтей нашихъ сосланныхъ...

Возражать на это было нечего. Пинаржевскій понялъ, что теперь, когда сама графиня Лещинская обратила свое милостивое вниманіе на пани Пинаржевскую, пану Пинаржевскому остается только молчать и стушеваться. Что онъ и сдѣлалъ, и на вопросъ Варвары Петровны: почему онъ не привезетъ познакомить съ нею свою жену? отвѣчалъ безъ запинки, что жена у него совсѣмъ больная женщина, страдаетъ какимъ то неизлѣчимымъ нервнымъ недугомъ, отъ котораго, по временамъ, впадаетъ въ состояніе, близкое къ помѣшательству.

Онъ былъ такъ золъ на свою Антосю,—что выставлять ее сумашедшей ему даже доставляло удовольствіе.

А между тѣмъ, преграды, со всѣхъ сторонъ представлявшіяся его воображенію противъ затѣянной интриги, сами собою, одна за другой, пали: во первыхъ баронесса оказалась много глупѣе, чѣмъ онъ воображалъ, и не дѣлала ни единаго шага, чтобъ вернуть себѣ расположеніе Ганскаго: на предложеніе презусовой заѣхать за нею кататься, отвѣчала отказомъ и не только не подумала написать презусу приглашеніе къ обѣду или къ ужину, котораго онъ ждалъ цѣлый день, послѣ первой размолвки, но и до сихъ поръ, цѣлую недѣлю, упорно оставляетъ безъ вниманія проявленія его охлажденія: во вторыхъ Пигальская не упустила случая этимъ воспользоваться и завлекла презуса въ такую явную и любовную игру, что прервать эту игру съ каждымъ днемъ становится труднѣе. О, учить ее крѣпко держать въ рукахъ запутавшагося въ сѣти ея грубаго кокетства, не было надобности: въ искусствѣ этомъ она дошла до совершенства и, какъ оказывалось, Ганскій такой заядлой бабы на своемъ пути еще не встрѣчалъ.

Передъ этими двумя утѣшительными явленіями, глупыя выходки влюбленныхъ дѣвченокъ могли бы и не безпокоить вѣрнаго наперстника Ганскаго, но

Пинаржевскій и пустяки безъ должнаго вниманія не оставлялъ и часто оглядывался къ тому мѣсту, гдѣ сидѣли Богуцкая съ Розинской, и тогда только успокоился на ихъ счетъ, когда къ нимъ подошли, помахивая тросточками, въ галстучкахъ яркаго цвѣта и съ цвѣтками въ петличкахъ, два кавалера, въ пріятномъ обществѣ которыхъ, онѣ, по мнѣнію Пинаржевскаго, должны были забыть про разочарованія, причиненныя имъ панамъ презусомъ.

Коніертъ былъ въ полномъ разгарѣ. Электрическіе разноцвѣтные фонарики ярко сверкали промежъ темной зелени деревьевъ, публики прибывало съ каждой минутой все больше и больше, такъ что мѣстъ за столиками не хватало и гарсоны, какъ угорѣлые, метались отъ одной группы посѣтителей къ другой, съ подносами пива и кофе; шумъ оживленныхъ разговоровъ и взрывы веселаго смѣха, по временамъ, заглушали оркестръ, кое гдѣ завязывались споры, грозившіе перейти въ ссоры, однимъ словомъ все было въ этотъ вечеръ, какъ всегда, и князю такъ прискучило присутствовать при этомъ проявленіи общественной жизни незнакомаго города, въ который онъ былъ закинутъ судьбою случайно и который онъ долженъ былъ недѣли черезъ три покинуть, что онъ намѣревался уже уѣхать домой и убить остатокъ вечера за книгой или за просматриваніемъ бумагъ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя человѣка, показавшагося ему съ перваго взгляда знакомымъ, и въ которомъ, подойдя къ нему ближе, онъ узналъ своего пражскаго спутника, Боброва.

Встрѣчѣ этой князь такъ обрадовался, что ужъ одна эта радость могла бы служить доказательствомъ нервнаго раздраженія, подъ гнетомъ котораго онъ находился съ того вечера, когда онъ встрѣтился съ Ганскимъ у Лидіи Васильевны и долженъ былъ выслушать его безчеловѣчныя теоріи о правѣ сильнаго угнетать слабаго, оскорблять вѣрованія цѣлаго христіанскаго народа и лишать его свободы воспитывать дѣтей въ религіи отцовъ. Теоріи эти, выраженныя громко и нахально, произвели на него странное впе-

чатлѣніе: онъ чувствовалъ себя въ положеніи глубоко оскорбленнаго человѣка, сознающаго, вмѣстѣ съ обидой, полнѣйшую безпомощность отомстить, постоять за свою поруганную душу и, можетъ быть, онъ въ первый разъ въ жизни, понялъ значеніе этой безсмертной души и созналь ея присутствіе, какъ нѣчто хотя и отдѣльное отъ своего видимаго существа, но тѣмъ не менѣе такъ тѣсно съ нимъ связанное, что отрѣшиться отъ ея требованій, равнялось отреченію отъ самой жизни.

И вотъ, въ минуту самого остраго душевнаго смятенія, когда онъ въ безотчетной тоскѣ спрашивалъ себя: что съ нимъ такое? Почему не чувствовалъ онъ никогда, ни къ кому, такого отвращенія, какъ къ этому Ганскому, человѣку безъ сомнѣнія дурному, но далеко не представлявшему изъ себя нѣчто исключительное, даже въ средѣ знакомыхъ ему людей и почему онъ не можетъ выносить равнодушно его присутствія, почему сердце его заливается злобой при одномъ о немъ воспоминаніи, тогда какъ другіе дурные люди ничего подобнаго въ немъ не возбуждаютъ, судьба сводитъ его съ единственнымъ человѣкомъ на свѣтѣ, который можетъ просвѣтить его на этотъ счетъ...

— Василій Дмитріевичъ! Какъ вы сюда попали? На долго ли? Какъ я радъ васъ видѣть! вскричалъ онъ, торопясь перехватить Боброва въ ту минуту, когда онъ выходилъ въ аллею, которая вела къ выходу изъ сада.

— Я тоже очень радъ этой встрѣчѣ, князь, и собирался завтра идти васъ отыскивать, отвѣчалъ Бобровъ, крѣпко пожимая протянутую ему руку.

— Куда вы теперь? Гдѣ остановились?

— Остановился я въ отелѣ по близости желѣзной дороги, сюда затащилъ меня одинъ изъ моихъ спутниковъ изъ Вѣны, а собирался я уйти отсюда, потому что слишкомъ ужъ мнѣ здѣсь не нравится. Я здѣсь съ утра, убѣдился, что ничего здѣсь не измѣнилось и спѣшу въ Москву. А остановился я здѣсь по просьбѣ одного изъ моихъ пріятелей, чтобъ по-

видать одну личность... Да я вамъ про нее говорилъ въ Прагѣ.

— Баронессу Рейфельдъ? съ живостью подсказалъ князь.

— Вы отгадали. Не знаете ли вы, гдѣ она живетъ?

— Очень даже хорошо знаю, я съ нею познакомился... или лучше сказать, возобновилъ съ нею знакомство...

— Да, вы мнѣ говорили, что бывали у нихъ въ домѣ, когда она жила съ мужемъ въ Петербургѣ. Такъ вы ее здѣсь видѣли? Ну, какъ она себя чувствуетъ въ томъ новомъ положеніи, которое она себѣ создала?

— Страшно несчастна!

— Да?

Разговоръ этотъ происходилъ между ними на пути къ выходу изъ сада и, произнося свой вопросъ, Бобровъ остановился и пристально посмотрѣлъ въ лицо своего собесѣдника.—Такъ она уже несчастна, продолжалъ онъ раздумчиво.—Это непремѣнно должно было случиться, но я не думалъ, чтобъ такъ скоро. Вѣдь нѣтъ еще года, какъ она вступила въ новую жизнь.

— Мнѣ кажется, что для того, чтобъ разгадать такого нравственнаго урода, какъ Ганскій, достаточно и одного дня. Я провелъ съ нимъ только полчаса и вспомнить не могу безъ отвращенія этихъ тридцати минутъ, съ волненіемъ произнесъ князь.—Когда вы хотите у нея быть?

— Да чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, особенно послѣ того, что вы мнѣ сказали...

— Хотите ѣхать къ ней сейчасъ? Она, безъ сомнѣнія, дома и вы у нея никого не встрѣтите. Она—какъ въ пустынѣ, знакомыхъ у нея здѣсь нѣтъ да и быть не можетъ въ ея положеніи...

— Ну, разумѣется.

— А Ганскаго вы вѣрно здѣсь видѣли?..

— Нѣтъ не видѣлъ. А развѣ онъ здѣсь? Признаюсь вамъ откровенно, что знай я, что мнѣ грозитъ

съ нимъ встрѣча, я бы ни за что сюда не пришелъ, сказалъ Бобровъ.—Человѣкъ этотъ производитъ на меня отвратительное впечатлѣніе, у меня болитъ отъ него душа.

И у меня тоже! Какъ я радъ, что вижу человѣка, который меня въ данномъ случаѣ понимаетъ! вскричалъ князь.

Они дошли до воротъ.

— Вотъ что князь, я долженъ вамъ сказать, что желалъ бы имѣть свиданіе съ Лидіей Васильевной наединѣ, объявилъ Василій Дмитріевичъ.

— Ну чтожъ, я вамъ мѣшать не стану, позвольте мнѣ только проводить васъ до дома, въ которомъ она живетъ.

Они сѣли въ дрожки и князь приказалъ ѣхать на площадь въ домъ Фишхаута.

— Такъ она произвела на васъ впечатлѣніе очень несчастнаго существа? спросилъ Бобровъ, послѣ небольшого молчанія, когда они проѣхали улицу, граничащую съ городскимъ садомъ.

— Вотъ вы сами увидите... Впрочемъ, вдругъ этого не увидишь, надо, во первыхъ увидать ее съ Ганскимъ, а во вторыхъ послушать, что здѣсь про него разсказываютъ, а также про его жену. Вотъ еще экземпляръ, эта жена! Самый что ни на есть послѣдній продуктъ современной цивилизаціи! До сихъ поръ ее можно было всюду встрѣчать съ баронессой Рейфельдъ, а теперь она вездѣ показывается съ другой любовницей своего мужа...

— А ужъ есть другая?

— Онъ уже вторую недѣлю совсѣмъ афишируется съ какой то Жозефинкой. Вотъ сейчасъ сидитъ съ нею на музыкѣ. Одна изъ его служащихъ. Въ городѣ смѣются, говорятъ: отлично устроился, даже на казенный счетъ держитъ любовницу... Нравы здѣсь распущенные и не разберешь, гдѣ находишься—въ Россіи или въ Польшѣ. Поляки выставляютъ на показъ все, что въ нихъ самаго сквернаго: легкомысліе, фальшь, коварство, чванство передъ низшими, низкопоклон-

ство передъ высшими, а русскіе—распущенность въ словахъ и дѣйствіяхъ, безтактность... недомысліе...

— Непониманіе долга передъ родиной и религіозный индифферентизмъ, подсказалъ Бобровъ.

— Именно такъ. Здѣсь очень тяжело дышать и я жду не дождусь, когда мнѣ можно будетъ отсюда уѣхать. Вы представить себѣ не можете, какое вредное вліяніе имѣетъ здѣсь такой человѣкъ, какъ этотъ Ганскій, который можетъ служитъ олицетвореніемъ человѣческой гнусности и на бѣду—русскій!

— Да, онъ здѣсь принесетъ больше зла родинѣ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, согласился Бобровъ.

— Вотъ ея окна, указалъ князь на открытый на площадь балконъ, изъ котораго виднѣлась часть гостиной, слабо освѣщенной въ глубинѣ лампой подъ розовымъ абажуромъ.—Войдите въ ворота, поднимитесь нѣсколько ступенекъ и позвоните у двери съ дощечкой съ ея именемъ. Я убѣжденъ, что вамъ отворятъ и будутъ очень рады васъ видѣть.

— До свиданія, завтра я непремѣнно у васъ буду и поговорю съ вами, объ услугѣ, которую хочу васъ просить мнѣ оказать, сказалъ Бобровъ, слѣзая съ дрожекъ и пожимая руку своего спутника.

— Пожалуйста, счастливъ буду исполнить ваше желаніе.

Они разстались. Бобровъ прошелъ въ калитку, которую растворилъ ему сидѣвшій у воротъ стражъ, а князь расплатился съ извощикомъ и пошелъ къ себѣ пѣшкомъ. Но прежде, чѣмъ завернуть въ переулокъ съ площади, онъ остановился, чтобъ взглянуть на растворенный балконъ баронессы Рейфельдъ, пытаясь представить себѣ, что тамъ происходитъ,—изумленіе Лидіи Васильевны при появленіи неожиданнаго посѣтителя... Кто знаетъ, можетъ быть звонокъ въ такой поздній часъ заставилъ ее вспомнить про князя... Онъ такъ долго у нея не былъ, что въ его посѣщеніи не было бы ничего страннаго, ни неожиданнаго... А можетъ быть, сердце ея радостно забилось при мысли о томъ, что это Ганскій явился просить у нея прощенія... О чемъ Боброву надо съ нею переговорить

на единѣ? Онъ сказалъ, что исполняетъ этимъ чье то порученіе... Во всякомъ случаѣ свиданіе это не пройдетъ для нея безъ послѣдствій,..

Но какъ не залеталъ далеко въ своихъ предположеніяхъ князь, онъ былъ очень еще далекъ отъ истины, представляя себѣ изумленіе, испугъ и волненіе Лидіи Васильевны при появленіи Боброва.

Фельки, по обыкновенію, не было дома: она, какъ стемнѣло, такъ ушла на шпацеръ съ Влодекомъ, съ которымъ помирилась окончательно, съ тѣхъ поръ, какъ разсказала ему о предложеніи презусовой и подала ему надежду на полученіе мѣста въ канцеляріи г-на Ганскаго. Въ порывѣ благодарности за такую блестящую надежду, онъ подарилъ ей бѣлыя туфли и обѣщалъ серебряные вызолоченные часы, если ей удастся его пристроить на такое завидное мѣсто. Въ ожиданіи блестящаго положенія, онъ порвалъ съ тѣми изъ своихъ пріятелей, которые казались ему теперь не достаточно приличными, купилъ себѣ новый галстукъ, ходилъ завиваться къ парикмахеру французу и даже сталъ приторговывать у жида Айзенштата почти совсѣмъ новую визитку свѣтло сѣраго цвѣта, всего только раза три одѣванную первымъ франтомъ въ городѣ, чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ.

Убѣдившись по опыту, что, когда наступитъ вечеръ, Фельку сколько не зови, она все равно явиться не можетъ, потому что ея въ домѣ нѣтъ, Лидія Васильевна сама пошла отворять входную дверь въ прихожей, когда раздался у этой двери звонокъ.

Увидавъ Боброва, котораго она не вдругъ узнала, баронесса такъ удивилась, что въ недоумѣніи отступила назадъ, въ испугѣ, точно передъ призракомъ изъ другаго міра.

— Вы меня не ждали, баронесса? Я здѣсь проѣздомъ и позволилъ себѣ воспользоваться случаемъ, чтобъ васъ навѣстить. А къ тому же, мнѣ дали къ вамъ порученіе, которое я обѣщалъ попытаться передать вамъ лично... Вѣдь вы одни?

Пока онъ это говорилъ, такъ спокойно, точно они

видѣлись въ послѣдній разъ не восемь мѣсяцевъ тому назадъ, а наканунѣ, она мало по малу приходила въ себя отъ нечаянной встрѣчи, подавляла въ себѣ тревожное любопытство и зловѣщія предчувствія, охватившія все ея существо, и любезно попросила его войти въ гостиную.

Еслибъ у нея спросили въ эту минуту: что именно она чувствуетъ и чего страшится? она затруднилась бы на это отвѣтить. Появленіе Боброва было такъ неожиданно, человѣкъ этотъ былъ отъ нея такъ далекъ, что самое воспоминаніе о немъ отошло въ область преданія, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ лицъ, почти безслѣдно стушевавшихся изъ ея памяти, подъ наплывомъ новыхъ жгучихъ впечатлѣній. У нея даже не хватало силъ вспомнить, чѣмъ былъ для нея этотъ человѣкъ, въ одну изъ важнѣйшихъ минутъ ея жизни, когда она стояла на перепутьи между двумя дорогами на жизненномъ пути и когда онъ, однимъ своимъ присутствіемъ, заставлялъ ее колебаться, идти ей ли направо или опрометью кидаться въ пропасть, манящую ее прелестями любви и неизвѣстности налѣво...

Все это ей въ эту минуту, не то чтобъ вспомнилось, а какъ то почувствовалось душой и сердце ея продолжало сжиматься безотчетной тоской, ожиданіемъ чего то жуткаго, чего то такого, о чемъ она до сихъ поръ старалась всѣми силами не думать... И вотъ пришло это страшное... точно для того, чтобъ доказать ей, что существуетъ цѣлый таинственный міръ, за тѣмъ міромъ, въ которомъ она живетъ, готовый каждую минуту вторгнуться въ ея жизнь, чтобъ сдѣлать ее еще невыносимѣе, еще мучительнѣе...

Озадаченный ея молчаніемъ и испуганнымъ выраженіемъ ея лица, Бобровъ въ смущеніи не зналъ, съ чего начать разговоръ, который онъ рѣшилъ непремѣнно съ нею имѣть и, оглядываясь по сторонамъ, невольно искалъ, среди окружавшей обстановки, связь съ тѣмъ прошлымъ, къ которому онъ долженъ былъ хотя бы на нѣсколько минутъ ее вернуть. Остановившись взглядомъ на письменномъ столѣ, съ разбросанными на немъ въ безпорядкѣ листами бумаги,

ему показалось, что онъ нашелъ эту связь, онъ и спросилъ: пишетъ ли она, по прежнему, стихи?

— Разумѣется пишу. Я не могу бросить этого занятія, даже еслибъ хотѣла, это теперь представляетъ для меня единственное средство къ существованію, съ холодною сдержанностью отвѣчала она, не спуская съ него полнаго злобной подозрительности, взгляда.

— Но вѣдь первое время, мнѣ кажется, что даже при талантѣ и навыкѣ, много стихами не заработаешь, замѣтилъ онъ, невольно отвертываясь отъ ея взгляда, такъ непріятно онъ на него дѣйствовалъ.— Особенно въ провинціи, гдѣ и печатать то стиховъ негдѣ, поспѣшилъ онъ прибавить.

„Ужь не явился ли ты съ предложеніемъ мнѣ вернуться къ барону“? мелькнуло у нея въ головѣ. И предложеніе это такъ ее взволновало, что чувство недовѣрчивости и раздраженія въ ней усилилось.

— Все это я отлично знаю, но такъ какъ выбора у меня нѣтъ, то приходится трудиться даже безъ надежды на успѣхъ. Въ томъ обществѣ, въ которомъ я имѣла несчастье родиться, женщинъ не готовятъ къ такому труду, которымъ обезпечивалось бы ихъ существованіе, когда имъ становится не въ терпежъ жить на чужой счетъ, объявила она.

— Вы, можетъ быть, правы. Хотя я знаю женщинъ, которыя умѣютъ извлекать пользу изъ того воспитанія, о которомъ вы отзываетесь съ такимъ презрѣніемъ, возразилъ съ улыбкой, смягчавшей смыслъ его словъ, Василій Дмитріевичъ.—И безъ сомнѣнія, вамъ удалось бы то, что имъ удается, еслибъ вы напали на свое призваніе.

— Вы, значитъ, не признаете во мнѣ поэтическаго таланта? спросила она съ натянутой усмѣшкой, отъ которой отдавало горечью уязвленнаго самолюбія.

— Боже меня сохрани отрицать то, о чемъ я не имѣю ни малѣйшаго понятія! Я только позволилъ себѣ вамъ посовѣтывать не очень разсчитывать на вашъ трудъ, какъ на средство къ существованію и не пренебрегать другими, болѣе вѣрными, средствами

для достиженія того, чѣмъ вы такъ дорожите, самостоятельностью.

— Чтоже мнѣ для этого дѣлать?

— Педагогика васъ не прельщаетъ?

— Никогда не давала я дѣтямъ уроки, даже своимъ.

— Попробуйте. Дѣломъ этимъ можно серьезно увлечься, серьезнѣе чѣмъ поэзіей. И для этого особеннаго таланта не нужно, надо только выработать въ себѣ терпѣніе. Любовь къ дѣтямъ у васъ есть... всѣ женщины любятъ дѣтей... Кстати, продолжалъ онъ, не дожидаясь ея возраженій,—я вамъ привезъ извѣстія о вашихъ дѣвочкахъ.

— О моихъ дѣвочкахъ? переспросила она измѣнившимся голосомъ и съ трудомъ произнося слова отъ волненія.— Вы ихъ видѣли? Давно?

— Я ихъ почти также давно не видѣлъ, какъ и вы ихъ, но я съ ними въ перепискѣ и могу вамъ сказать, что Нелли давно бы и вамъ написала, еслибъ... еслибъ она была увѣрена, что вамъ это доставитъ удовольствіе.

— А сестра ея? съ живостью спросила Лидія Васильевна.

— Ну, та сдержаннѣе и глубже.., Я съ ними подружился послѣ вашего отъѣзда, когда на нихъ обрушилось такъ много бѣдъ заразъ. Отецъ ихъ былъ при смерти и я почти у нихъ жилъ впродолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль. Было время сойтись и узнать другъ друга. Потомъ я уѣхалъ за границу, но сношенія наши не прерывались и, когда я имъ сообщилъ, что возвращаюсь изъ Вѣны въ Москву, вашъ мужъ и ваши дочери просили меня остановиться здѣсь на денекъ, чтобъ васъ навѣстить.

Онъ смолкъ. Молчала и Лидія Васильевна, блѣдная отъ смущенія, съ опущенными глазами и похолодѣвшими руками. Кровь съ такой силой прилила къ ея сердцу, что она была близка къ обмороку.

Размышляя о томъ, какъ приступить къ цѣли своего посѣщенія, онъ мелькомъ на нее взглядывалъ и все больше и больше убѣждался въ печальной

перемѣнѣ, происшедшей въ ней, съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ: прелестная баронесса превратилась въ старуху; съ осунувшимся лицомъ, вытянутыми чертами, съ характерной складочкой въ углу рта, придавшей горечь ея улыбкѣ, съ поблекшей кожей, она казалась не на десять лѣтъ моложе своихъ лѣтъ, какъ раньше, а лѣтъ на десять старше, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. А судя по тому, что онъ слышалъ о ней отъ князя, переломъ въ ея романѣ съ Ганскимъ только что еще начался. Не дальше какъ двѣ недѣли тому назадъ, она была съ нимъ въ театрѣ и весь городъ видѣлъ ее катавшейся въ его экипажѣ, съ его женой... Чтоже съ нею будетъ, когда положеніе обострится на столько, что всякая надежда къ примиренію и къ возврату прежнихъ отношеній, исчезнетъ?

А что это непремѣнно должно случиться и очень скоро, за это, между прочимъ, ручалась и перемѣна, происшедшая въ ней за такое короткое время. Ганскій не вернется къ постарѣвшей и подурнѣвшей женщинѣ и будетъ стараться какъ можно скорѣе отъ нея отвязаться... Значитъ, предложеніе, привезенное имъ, явится какъ нельзя болѣе кстати... Но какъ къ нему приступить, когда она такъ же мало сознаетъ свое положеніе, какъ и перемѣну въ своей наружности?

Его осѣнила благая мысль. Что если онъ ей оставитъ письмо, полученное имъ въ Вѣнѣ отъ барона, и предоставитъ ей право самой на него отвѣчать? Въ письмѣ этомъ затрогиваются такіе вопросы, о которыхъ постороннему человѣку очень трудно, даже невозможно касаться, особенно съ такой самолюбивой и далеко еще не отрѣшившейся отъ либеральныхъ бредней, женщиной, какою до сихъ поръ, не взирая на разочарованія, оставалась Лидія Васильевна?

Въ то время, какъ мысли эти кружились въ его головѣ, она продолжала сидѣть неподвижно, точно застывши въ созерцаніи образовъ, вызванныхъ передъ нею неожиданнымъ посѣтителемъ. Переждавъ съ минуту, чтобъ она вспомнила про него и не дождавшись

этого, онъ рѣшилъ самъ прервать неловкое молчаніе, грозившее затянуться на неопредѣленное время.

— Мнѣ помогъ васъ найти нашъ общій знакомый, князь Свѣтозаровъ, сказалъ Василій Дмитріевичъ.—Пріѣхалъ я сюда довольно поздно, да еще въ праздничный день, о томъ чтобъ разыскивать васъ въ адресномъ столѣ, нечего было и думать, а завтра я долженъ ѣхать дальше...

— А гдѣ теперь мои дочери? спросила она.

— Съ отцомъ, тамъ, гдѣ вы ихъ оставили.

— Неужели вы думаете, что баронъ позволитъ мнѣ съ ними переписываться?

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь.

— При нихъ все таже англичанка?

— Нѣтъ, миссъ Стоу уѣхала отъ нихъ еще весной. Теперь при нихъ родственница барона, которую онъ привезъ изъ Петербурга послѣ моего отъѣзда за границу. Я эту личность совсѣмъ не знаю и ничего вамъ не могу про нее сказать, кромѣ того, что дѣти къ ней очень привязаны и что она ведетъ ихъ гораздо больше по—русски, чѣмъ миссъ Стоу.

— Опять наступило молчаніе, которое онъ черезъ довольно продолжительное время прервалъ, чтобъ спросить у нее: извѣстно ли ей, что произошло въ ея домѣ, послѣ ея отъѣзда?

— Мнѣ разсказывали что то такое про болѣзнь барона, и будто бы онъ, отъ отчаянія, даже пытался лишить себя жизни, отвѣчала она съ презрительной усмѣшкой,—но я разумѣется, этому не повѣрила.

— Почему же вы этому не повѣрили?

Она съ досадой передернула плечами. Какъ это неделикатно съ его стороны затрогивать такіе вопросы! Не пора ли дать ему понять, что она не позволитъ говоритъ ей о томъ, чего она не желаетъ слушать?

— Очень просто, я слишкомъ хорошо его знаю, чтобъ вѣрить искренности разыгрываемыхъ имъ комедій, прибавила она вслухъ, съ возрастающимъ раздраженіемъ.

— Угодно ли вамъ знать всю правду? спросилъ онъ.

Въ глазахъ ея выразился испугъ и побѣлѣвшія отъ волненія губы зашевелились, но голосъ ей не повиновался и слова, рвущіяся съ языка, не выговаривались.

— Мнѣ кажется, что вы должны знать всю правду, продолжалъ онъ, невольно понижая голосъ и съ разстановками между фразами, какъ бы для того, чтобъ лучше запечатлѣть ихъ въ умѣ.—Какъ вамъ извѣстно, я христіанинъ, вѣрю въ Бога и въ непосредственное Его вмѣшательство во всѣ обстоятельства нашей жизни, даже и въ тѣ, которыя намъ кажутся по нашей близорукости, ничтожными и не стоющими вниманія. Я твердо убѣжденъ, что въ мірѣ все идетъ по назначенію свыше и что все къ лучшему...

— О! вскричала она.

Но какъ ни краснорѣчивъ былъ этотъ невольный протестъ, онъ его не смутилъ.—Да, все къ лучшему повторилъ онъ.—И я вамъ постараюсь это доказать фактами. Вы помните, какихъ убѣжденій придерживался вашъ мужъ, когда вы его знали?

Терпѣніе ея наконецъ лопнуло и раздраженіе взяло верхъ надъ приличіемъ и сдержанностью.

— Это былъ формалистъ съ ногъ до головы и кромѣ холодной, мертво пустой формы, у него въ душѣ ничего нѣтъ, объявила она съ несвойственной ей злобною рѣзкостью.—Онъ всегда былъ такъ же равнодушенъ къ добру, какъ и къ злу, къ правдѣ, какъ и къ лжи. Онъ не только не вѣритъ въ то, во что вы вѣрите, но даже не способенъ на одну минуту задумываться надъ тѣмъ, что онъ отрицаетъ. Религія, философія для него не существуютъ. То, до чего я дошла путемъ размышленія и изученіемъ сочиненій людей, извѣстныхъ своимъ глубокимъ умомъ и ученостью, т. е. до отрицанія всего сверхестественнаго, съ этимъ онъ родился, живетъ и умретъ, продолжала она съ возрастающею злобною раздражительностью.—У этого человѣка вмѣсто сердца—камень...

Нѣтъ, въ камнѣ есть нѣчто благородное и своеобразное, камень можетъ служить олицетвореніемъ стойкости, а стойкость сама по себѣ почтенна, даже въ заблужденіи. У него душа деревянная, она можетъ отъ времени подвергнуться гніенію и ничему больше... Если вы въ немъ видите нѣчто другое, это только доказываетъ, что вы его не знаете и что онъ васъ подкупилъ комедіей, которую онъ нашелъ нужнымъ разыграть по поводу моего отъѣзда...

— Вы ошибаетесь, это не была комедія, возразилъ Бобровъ.—Это была невозможность выносить жизнь безъ васъ, безъ надежды на то, что вы опомнитесь отъ вашихъ заблужденій и вернетесь къ вашему долгу. У него кромѣ васъ тогда никого не было на свѣтѣ, онъ васъ такъ любилъ, что въ сердцѣ его не оставалось мѣста даже для его дѣтей, вы были для него все, въ настоящемъ, въ прошломъ и въ будущемъ... Когда человѣкъ имѣетъ несчастье такъ всецѣло предаться страсти къ земному существу, ему, разумѣется, кажется, что жить ему нечѣмъ, когда сокровище это у него, такъ или иначе, выскользаетъ изъ рукъ...

— Все это было, но теперь, онъ безъ сомнѣнія, нашелъ себѣ новое сокровище, которое замѣнило ему потерянное? усмѣхнулась она.

— Онъ нашелъ такое сокровище, выше котораго нѣтъ ничего на свѣтѣ, онъ нашелъ Бога.

Онъ въ краткихъ словахъ разсказалъ ей то, что произошло послѣ ея отъѣзда въ покинутомъ ею домѣ и по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, язвительная усмѣшка сходила съ ея губъ, чтобъ замѣниться напряженнымъ вниманіемъ и жалостью.

Но кого она жалѣла: мужа, дѣтей или себя—въ этомъ она, безъ сомнѣнія, и сама еще не отдавала себѣ отчета.

— Все это очень грустно, сказала она, когда Бобровъ смолкъ,—но ктоже въ этомъ виноватъ, кромѣ безобразія нашихъ общественныхъ условій? Недостатокъ культуры всегда порождаетъ грубость нравовъ и страданія, неизвѣстныя въ средѣ истинно цивилизованныхъ людей. Посмотрите въ Америкѣ, тамъ такъ

привыкли къ свободѣ, тамъ личность такъ самостоятельно поставлена силой жизненныхъ условій и отношенія общества къ личному труду таковы, что тамъ никогда не можетъ происходить такихъ раздирательныхъ семейныхъ драмъ, какъ у насъ, тамъ находятъ вполнѣ естественнымъ то, что у насъ считаютъ преступленіемъ, тамъ никто не нашелъ бы чудовищнымъ, что я рѣшила покинуть мужа и дѣтей потому что не въ силахъ была выносить постояннаго глумленія надъ моими убѣжденіями и отрицанія моего права на духовную свободу, прибавила она, озадаченная молчаніемъ своего слушателя и устремляя на него взглядъ, полный тревожнаго ожиданія.

Что могъ онъ ей отвѣтить? Не для того пришелъ онъ къ ней, чтобъ вести праздные диспуты, надоѣвшіе ему уже въ Москвѣ, когда они велись при подходящей къ пустому переливанію изъ пустаго въ порожнее обстановкѣ. Разводить же сухія теоріи съ женщиной, непоправимо испортившей свою жизнь, поставившей себя въ такія тиски безвыходнаго положенія, что, навсегда утративъ свободу дѣйствій, попавъ въ кабалу темнаго, зависимаго труда, сопряженнаго со всевозможными униженіями и лишеніями, объяснить ей, какъ ей надо было поступать раньше, къ чему стремиться, когда у нея была возможность выбора, прибавлять къ страданіямъ настоящаго горькое воспоминаніе безвозвратнаго прошлаго, казалось ему не только безполезнымъ, но и жестокимъ.

Молча поднялся онъ съ мѣста, и вынувъ изъ боковаго кармана письмо, подалъ ей его.

— Если вамъ интересно знать, къ чему привела вашего мужа вѣра въ Бога и какъ онъ теперь къ вамъ относится, прочтите это письмо и сами на него отвѣтьте, сказалъ Бобровъ.—Но пожалуйста не торопитесь, продолжалъ онъ подъ впечатлѣніемъ состраданія, которое ему внушало это несчастное, полураздавленное существо, въ ослѣпленіи своемъ, упорно отвертывавшееся отъ всего, что могло облегчить ея муки.—Какъ другъ вашей семьи я позволю себѣ вамъ замѣтить, что вашъ отвѣтъ будетъ имѣть весьма важныя

послѣдствія. Не увлекайтесь самолюбіемъ, ради Бога, и не прельщайтесь фальшивыми утѣхами громкихъ фразъ, а вникните въ ихъ суть прежде, чѣмъ загораживать ими вашъ разумъ отъ Истины, которая такъ проста и ясна, что не нуждается ни въ какихъ комментаріяхъ, чтобъ быть понятной. Еслибъ вы вѣрили въ Бога, я бы опять вамъ повторилъ, что все отъ Него исходитъ и движется по Его законамъ и вы убѣдились бы, что безъ Его воли, вы не были бы здѣсь и я бы теперь не стоялъ передъ вами, съ этимъ письмомъ, которое и надобности не было бы писать, прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Я вашего Бога не признаю, вымолвила она съ усиліемъ.

— Я это знаю.

И взявъ шляпу, онъ протянулъ ей руку на прощаніе.

— Какъ? Вы уходите! вскричала она, съ такимъ искреннимъ ужасомъ въ голосѣ и во взглядѣ, что у него сердце сжалось отъ жалости и банальныя фразы о позднемъ часѣ, о нежеланіи ее дольше безпокоить, замерли не высказанными на его губахъ.

Да она бы ихъ и не слышала. Ничего изъ того, что онъ ей сказалъ, она не слышала и не въ силахъ была слышать, подъ наплывомъ чувствъ, нахлынувшихъ ей на душу въ такомъ множествѣ и съ такой силой, что все существо ея безпомощно въ нихъ билось, не находя исхода.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не уйдете, вы меня такъ не оставите... Это было бы слишкомъ жестоко, слишкомъ безчеловѣчно... вы,.. вы не можете даже себѣ представить, что вы со мною сдѣлали... я не могу вамъ этого объяснить, такихъ словъ нѣтъ на человѣческомъ языкѣ... Ради Бога, не уходите, не оставляйте меня одну... вы мнѣ такъ нужны, такъ нужны, безсвязно лепетала она, схватывая его руки и до боли крѣпко сжимая ихъ въ своихъ похолодѣвшихъ пальцахъ.—При одной мысли, что я васъ больше не увижу, что васъ здѣсь не будетъ, что я опять останусь одна... совсѣмъ одна, я съума схожу, я не могу понять, что

со мною дѣлается, ничего не могу съ собою подѣлать, не могу васъ не умолять... сжальтесь, сжальтесь...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ.

— Успокойтесь, я завтра не уѣду, успокойтесь, поспѣшилъ онъ сказать.—Позвать вамъ горничную? Дать вамъ воды? Вы можетъ быть принимаете какія нибудь успокоительныя капли? Скажите, чѣмъ могу я васъ успокоить, помочь вамъ?

На все это она только отрицательно качала головой и крѣпче прежняго сжимала его руку. Сквозь судорожно стиснутые зубы звуки не проходили.

— Это ничего... сейчасъ пройдетъ... не въ первый разъ, произнесла она, наконецъ, съ усиліемъ, въ то время, какъ крупныя и частыя слезы текли по ея щекамъ.

Слезами этими закончился истерическій припадокъ, длившійся довольно долго, и за все это время тишина, царившая въ сосѣднихъ комнатахъ, ничѣмъ не нарушалась. Лидія Васильевна была права, утверждая, что она одна на свѣтѣ, кругомъ нея все чужіе, и въ домѣ, и въ городѣ, и на всемъ свѣтѣ не осталось у нея ни одной родной, близкой души. Никому она не была нужна, никому не было дѣла до ея страданій.

Оставлять ее въ такомъ безотрадномъ одиночествѣ, разбитую болѣзненнымъ припадкомъ, съ мукою въ сердцѣ и мрачными мыслями въ умѣ, Боброву было такъ тяжело, что онъ провелъ бы съ нею всю ночь, еслибъ она сама не стала бы просить его уйти.

— Вы обѣщали мнѣ остаться здѣсь еще на день, я васъ завтра опять увижу и отъ этой мысли мнѣ ужъ стало легче, спасибо вамъ. Идите домой, не бойтесь за меня, я привыкла къ одиночеству и мнѣ не въ первый разъ переносить безъ посторонней помощи такіе припадки нервнаго раздраженія. Не бойтесь за меня, я къ этому привыкла, объявила она съ горькой улыбкой.

И испугавшись, чтобъ онъ не придалъ нежелательный оборотъ ея словамъ, она поспѣшила прибавить:— Здѣсь такой городъ, что настоящей прислуги невозможно найти, всѣ эти польки думаютъ объ удовольствіяхъ

Здѣсь поневолѣ привыкнешь дѣлать все самой. Идите себѣ домой, я буду ждать васъ завтра весь день... Въ какое время можете вы ко мнѣ придти? Днемъ? Вечеромъ? Я всегда дома и всегда, всегда одна...

Онъ обѣщалъ придти вечеромъ и чтобъ доказать ему, что она совсѣмъ оправилась, она напрягла всѣ силы, чтобъ бодро подняться съ мѣста и выйти съ нимъ въ прихожую, а спускаясь по лѣстницѣ, онъ слышалъ, какъ она запирала за нимъ дверь и закладывала ее тяжелымъ желѣзнымъ крюкомъ.

— Да, опростилась, бѣдная, подумалъ онъ.— Дошла отъ теоріи къ практикѣ ужъ во многомъ и длинный тернистый предстоитъ ей еще пройти путь прежде, чѣмъ на вѣки успокоиться!

Было ужъ поздно, на башнѣ ближайшаго костела пробило двѣнадцать, когда Бобровъ вышелъ на площадь, но городъ все еще веселился. Со всѣхъ сторонъ долетали до него звуки музыки, въ публичномъ саду еще гремѣлъ оркестръ, гдѣ то громко распѣвали хоромъ, изъ раскрытыхъ оконъ и балконовъ вырывался смѣхъ, звуки скрипки, рояля, ревъ граммофоновъ. На каждомъ шагу, подъ каждымъ навѣсомъ натыкался онъ на влюбленныя парочки; въ аллеѣ, на которую онъ свернулъ для сокращенія пути, на каждой скамейкѣ сидѣли обнявшись, мужчины съ женщинами и слышался страстный шепотъ, прерываемый звонкими поцѣлуями...

Веселый городъ. Стъ самыхъ стѣнъ здѣсь вѣетъ баззаботностью и легкомысліемъ.

Домой, въ ту гостинницу, гдѣ онъ остановился, Бобровъ не пошелъ, а завернулъ на телеграфъ. Обѣщаніе, данное имъ Лидіи Васильевнѣ отсрочить отъѣздъ свой на день, разстраивало весь его маршрутъ и надо было, немедля ни минуты, послать нѣсколько депешъ, съ извѣщеніемъ, чтобъ его въ назначенный день не ждали.

Еслибъ Лидія Васильевна знала, какъ онъ стремился въ Москву и какъ его тамъ ждутъ, она можетъ быть, отказалась бы отъ жертвы, которую онъ ей приносилъ. Пока бѣгали за дежурной дѣвицей,

заболтавшейся за угломъ дома, въ темномъ переулкѣ, съ коханкомъ, Бобровъ сталъ перечитывать при свѣтѣ газоваго рожка, уныло горѣвшаго въ пустой комнатѣ обставленной банальными принадлежностями телегафной камеры, депешу, заставившую его поспѣшить отъѣздомъ изъ Вѣны.

„Пріѣзжай какъ можно скорѣе, узнала бѣду на счетъ дома. Елена".

Чтобъ послать такую депешу надо было быть очень растревоженной, и не безъ важной причины.

Тотчасъ же отвѣчалъ онъ что будетъ въ Веселомъ въ субботу. Сегодня былъ четвергъ, но имѣніе Рамазановыхъ находилось въ десяти верстахъ отъ станціи и чтобъ не заставлять Елену понапрасну его ждать, надо было телеграфировать ей немедленно. А также предупредить барона, чтобъ онъ не безпокоился его встрѣчать.

Этотъ догадается о причинѣ отсрочки, увидавъ откуда депеша.

V.

Всю эту ночь Лидія Васильевна провела безъ сна, но мысли и чувства, не дававшія ей на минуту сомкнуть глазъ, не имѣли ничего общаго съ тѣми, которыми она терзалась раньше, до встрѣчи съ Бобровымъ.

Письмо барона повергло бы ее въ глубокое недоумѣніе даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ ему не предшествовалъ разговоръ съ Василіемъ Дмитріевичемъ. Впрочемъ, не будь этого разговора дойди до нее это письмо случайно и безъ подписи, она ни за что не догадалась бы, что писалъ его тотъ человѣкъ, съ которымъ она прожила, какъ съ мужемъ, цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Такихъ чувствъ и мыслей она у него не знала.

Начиналось письмо подробностями о дѣтяхъ, о ихъ занятіяхъ, о благотворномъ вліяніи на нихъ семьи Ночневыхъ, а въ особенности Вѣры Николаевны и Натальи Александровны. Дѣвочки къ нимъ такъ при-

вязались, что ждутъ не дождутся воскресенья, чтобъ къ нимъ ѣхать. Наталья Александровна начала съ ними заниматься музыкой и для этого пріѣзжаетъ къ нимъ три раза въ недѣлю. Послѣ завтрака, дѣти отвозятъ ее домой. Викторъ Павловичъ даетъ имъ уроки русской литературы...

Письмо было испещрено именами людей, о которыхъ Лидія Васильевна никогда раньше не слышала и съ которыми мужъ ея успѣлъ, за послѣдніе восемь мѣсяцевъ, не только познакомиться, но и очень близко сойтись.

Все это такъ мало было похоже на чопорнаго барона Рейфельда, что Лидія Васильевна не могла придти въ себя отъ изумленія. Новое общество, повидимому, перевернуло вверхъ дномъ всѣ его прежнія убѣжденія и понятія о жизни и ея задачахъ. Съ живѣйшимъ интересомъ распространялся онъ о томъ надъ чѣмъ прежде глумился и что не признавалъ достойнымъ вниманія серьезнаго и интеллигентнаго человѣка. По характеру сообщеній, которыми онъ считалъ нужнымъ дѣлиться съ Бобровымъ и по мелкимъ фактамъ, которыми изобиловало его письмо, можно было заключить, что переписка между ними ведется очень аккуратно и съ откровеннымъ изложеніемъ, не однихъ только внѣшнихъ жизненныхъ явленій, проходившихъ передъ ихъ глазами, но и мыслей и чувствъ субъективнаго свойства, которыми оба они одинаково ощущали потребность дѣлиться другъ съ другомъ. Такъ переписываются только люди, связанные не одной дружбой, а чувствомъ глубже и сильнѣе дружбы, но чѣмъ именно—этого Лидія Васильевна даже и представить себѣ не могла.

Впрочемъ, лично до нее, все это не касалось и ей не дали бы этого письма, еслибъ не послѣдняя, восьмая страница, посвященная цѣликомъ ей.

„Буду васъ убѣдительно просить, мой добрый другъ, писалъ баронъ, остановиться на денекъ въ X, чтобъ попытаться повидать Лидію Васильевну и постараться узнать, если не отъ нее лично, то отъ другихъ, какъ ей живется съ негодяемъ, такъ низко

злоупотребившимъ ея легкомысліемъ и моимъ непростительнымъ довѣріемъ. Мысль что она на содержаніи у Г. приводитъ меня въ ярость, а между тѣмъ, если этого до сихъ поръ еще нѣтъ, то непремѣнно будетъ, когда деньги, вырученныя ею за вещи, которыя она увезла съ собою и которыя составляютъ ея неотъемлемую собственность, будутъ издержаны. Она понятія не имѣетъ о жизни и о томъ, что жизнь стоитъ. Виноватъ въ этомъ я. Мнѣ доставляло такое наслажденіе ограждать ее отъ всякихъ заботъ, что она и не имѣла случая съ ними ознакомиться. Объясните ей, пожалуста, на сколько честнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ приличнѣе, жить на счетъ отца ея дѣтей, чѣмъ на средства любовника, и скажите ей, что я во всякое время готовъ выплачивать ей ту сумму въ годъ, которую она сама назначитъ. Вамъ извѣстны мои доходы и какъ искренно хотѣлось бы мнѣ устроить это дѣло для нее какъ можно удобнѣе. Дай Богъ, чтобъ вамъ удалось заставить ее васъ выслушать и согласиться съ вашими доводами! Уповаю на васъ и въ этомъ какъ и во всемъ, что касается до меня и до моей семьи. Много оказали вы намъ неоцѣнимыхъ услугъ и мнѣ невыразимо отрадно сознавать, что я на всю жизнь вашъ неоплатный должникъ, но то, о чемъ я васъ прошу теперь, не менѣе для меня важно чѣмъ все остальное. Успокоюсь я душой тогда только, когда буду знать, что она матеріально не зависитъ отъ дурного человѣка и мнѣ кажется, что она, никогда меня не понимавшая до сихъ поръ, въ данномъ случаѣ меня поймётъ. Словъ не нахожу вамъ выразить, какъ бы мнѣ хотѣлось не разочаровываться въ этомъ упованіи!..

Онъ не ошибся, она его поняла.

Странное впечатлѣніе произвели на нее эти строки. Онѣ одновременно и отрезвили и ободрили ее, но далеко не въ томъ смыслѣ, какъ того желалъ писавшій ихъ. Если раньше она не понимала мужа, то теперь и онъ бы ее не понялъ, еслибъ ему было дано заглянуть ей въ душу. И сознаніе это доставляло ей особенное наслажденіе. Никогда никто, а онъ въ особенности,

не узнаетъ чѣмъ платится она за свои заблужденія, и силъ у нее хватитъ исправить послѣдствія этихъ заблужденій, одной, безъ всякой посторонней помощи.

Ночь эта разогнала миражи, за которыми она продолжала упорно гнаться давно ужъ не вѣря въ ихъ осуществленіе. Завѣса сотканная изъ софизмовъ, разодралась передъ ея духовными очами и истина предстала передъ нею во всей своей омерзительной наготѣ. Да, мужъ ея правъ: Ганскій дурной человѣкъ и давать поводъ думать, что она у него на содержаніи—верхъ позора для интеллигентной женщины. Правъ и Бобровъ, не допуская, чтобъ она могла когда нибудь существовать стихами. У нее нѣтъ таланта. Давно ужъ убѣжденіе это таится въ глубинѣ ея сердца и до сихъ поръ ей удавалось его отгонять, но теперь оно выползло наружу, безжалостно попирая на своемъ пути иллюзіи болѣзненно развитаго самолюбія: все вспомнилось, все стало ясно и дѣйствительность безжалостно вступила въ свои права.

А вмѣстѣ съ нею и рѣшительность не уступать, не покаряться злой судьбѣ, а бороться за свою свободу до послѣдняго издыханія.

Таланта у нее нѣтъ. Но развѣ мало женщинъ добывающихъ средства къ жизни, безъ всякаго таланта? Она будетъ искать, пробовать свои силы надъ всѣмъ, что доступно другимъ и найдетъ выходъ изъ положенія, которое кажется такимъ, какъ Бобровъ, какъ ея мужъ и какъ Ганскій, безвыходнымъ и безнадежнымъ. Она имъ всѣмъ докажетъ на что она способна. Они воображаютъ, что она не въ силахъ перенести ни бѣдности, ни униженій, ни темной работы... Она имъ докажетъ, что она все это можетъ перенести, оставаясь свободнымъ существомъ и никому не обязываясь...

Отъ наплыва новыхъ мыслей, впечатлѣнія навѣянныя на нее письмомъ барона, постепенно испарялись, уступая мѣсто одному только желанію: какъ можно скорѣе выяснить свое денежное положеніе, узнать колько должна она Ганскому, и что у нее останется

за уплатой этого долга. Ей такъ хотѣлось это скорѣе узнать, точно жизнь ея зависѣла отъ этого.

Она сорвалась съ постели, схватила съ письменнаго стола клочекъ бумаги и карандашъ. и снова улегшись въ постель. принялась, при свѣтѣ ночной лампы вычислять стоимость своихъ драгоцѣнностей, высчитывать изъ этой стоимости то, что она должна была Ганскому за издержанное на нее, съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала сюда и распредѣлять оставшуюся по ея расчету сумму, на жизнь, до пріисканія себѣ работы благодаря которой она будетъ жить никому не одолжаясь.

Утренняя заря застала ее за этимъ занятіемъ, которое она прервала не докончивъ его и. утомленная вынесенными впечатлѣніями и потрясеніями, она заснула. не узнавши сколько именно дней и мѣсяцевъ можетъ она просуществовать на остатки отъ капитала, который она выручитъ за браслетъ съ брилльянтами и съ крупнымъ сапфиромъ. за серьги изъ солитеровъ, за жемчужное колье съ изумрудными аграфомъ и за десятокъ вещей болѣе или менѣе крупной цѣнности, запертыхъ въ шкатулкѣ, отданной на храненіе Ганскому, ключъ отъ которой хранился у нее.

Послѣдней ея мыслью засыпая, была. что хозяйскій сынъ. студентъ Абрамка, ей можетъ быть въ этомъ дѣлѣ полезенъ и что она за нимъ пошлетъ, какъ только что шкатулка будетъ у нее въ рукахъ.

Надо будетъ для этого написать Ганскому и вмѣстѣ съ требованіемъ шкатулки, объявить ему, что все порвано между имъ и ею, навсегда.

Въ ту ночь мало спала и Фелька. Погода была чудная, ночь звѣздная, душистая, возвращаться домой изъ городскаго сада, гдѣ она слушала музыку и ужинала со своимъ коханькомъ, какъ настоящая пани, не хотѣлось, и выйдя въ каштановую аллею, со скамейками занятыми амурящимися парочками, они отыскали укромное мѣстечко у пруда, усѣлись тутъ на мягкую траву, обнялись и провели всю ночь, какъ и всѣ другіе, въ веселой болтовнѣ и въ поцѣлуяхъ

По временамъ, Фелька вспоминала про свою пани генералову, но во первыхъ, она ужъ рѣшила въ скоромъ времени ее покинуть, а во вторыхъ, пани не въ первый разъ самой раздѣваться и укладываться въ постель, тоже самое сдѣлаетъ она и сегодня, а если вздумаетъ разсердиться и выговаривать служанкѣ за дурную службу, ей можно будетъ зажать ротъ какой нибудь сказкой о заболѣвшей родственницѣ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ. а не захочетъ этимъ удовлетвориться ей же будетъ хуже, Фелька расплачется, раскричится что ее обижаютъ, и объявитъ, что у такой паскудной госпожи оставаться не желаетъ. И уйдетъ. Очень просто, заберетъ свои вещи и уйдетъ къ пани презусовой. которая ужъ потому дастъ ей убѣжище въ своей людской, что Фелька разскажетъ ей много забавнаго про свою бывшую госпожу...

Однако, когда солнце показалось изъ за горы и со всѣхъ скамеекъ стали подниматься растрепанныя парочки, чтобъ разбрестись въ разныя стороны города рѣшила и Фелька, что пора вернуться домой. Растолкавъ лѣнтяя Влодека, сладко прикурнувшаго у ея ногъ. положивъ голову на ея колѣни, она наскоро условилась съ нимъ о мѣстѣ ближайшаго свиданія и побѣжала со всѣхъ ногъ домой, чтобъ незамѣтно проскользнуть въ ворота въ то время, когда стружъ выйдетъ мести улицу и раньше, чѣмъ старая Швимья, которая всегда раньше всѣхъ поднимается съ кровати. выйдетъ за провизіей на желѣзную браму.

Все это ей удалось какъ нельзя лучше: стружъ, оставивъ калитку не запертой, а только притворенной, сгребалъ выметенный соръ въ помойную яму, старая жидовка. изъ своей кухни еще не выходила, на дворѣ не видно было ни души и она прошмыгнула къ себѣ никѣмъ не замѣчанной.

Убѣдившись по тишинѣ царившей въ квартирѣ и по вездѣ потушеннымъ лампамъ и спущеннымъ сторамъ и занавѣскамъ. что пани ея спитъ, Фелька стащила съ себя перемятое и перепачканное платье и тоже завалилась спать.

Долго она спала, такъ долго, что не вѣрила

своимъ ушамъ, когда часы, висѣвшіе надъ ея изголовьемъ въ кухнѣ звонко прозвонили одиннадцать, а въ дверь кто то постучалъ.

— Матка Божска! Да чтожъ это такое, неужто такъ поздно? Что же это пани до сихъ поръ не звонитъ? И кто это стучалъ?

Стукъ повторился энергичнѣе прежняго и спрыгнувъ съ постели, Фелька кинулась босикомъ къ двери.

— Кто тамъ? спросила она, прежде чѣмъ отворить.

— Свои, не бойся, отворяй скорѣе, вотъ ужь пять минутъ, какъ я тутъ стучу. Ни отвѣта ни привѣта. Хотѣла идти справляться про васъ у стружа...

Послѣднія слова панна Врончевская произнесла уже въ кухнѣ, въ то время какъ Фелька натягивала на себя юбчонку и надѣвала туфли.

— Ты это что же, до сихъ поръ не одѣта и не причесана? скоро двѣнадцать часовъ, продолжала говорить посѣтительница, кладя на столъ неизмѣнный свой саквояжъ и букетъ цвѣтовъ, съ которыми она проникла въ квартиру.—А пани твоя, нездорова вѣрно, что такъ долго спитъ?

— Пани всю ночь читала и писала, почему ей не спать въ свое удовольствіе, на то она и пани, чтобъ дѣлать все что ей хочется, отвѣчала довольно таки угрюмо Фелька, поспѣшно расчесывая свои волосенки и привычными пальцами, закручивая ихъ въ модную шишку на затылкѣ.

Туалетъ ея былъ готовъ. Мылась она только тогда, когда собиралась на шпацеръ. Тогда она дѣлала серьезно свой туалетъ, мыла не только лицо и руки, но также шею и уши душистымъ мыломъ, подвивала себѣ чолку и подправляла свою миловидную, помятую ночными бдѣніями и сильными ощущеніями рожицу, пудрой, и разными цвѣтными карандашиками; для постояннаго же обихода ничего этого не нужно было, тѣмъ болѣе, что послѣднее время, а именно съ тѣхъ поръ, какъ панъ презусъ пересталъ у нихъ бывать, пани ея такъ озабочена, что не замѣчаетъ

даже и того, что на ней самой надѣто и рѣшительно ни на что не обращаетъ вниманія.

— И фриштикъ у васъ еще не готовъ? спросила гостья, съ любопытствомъ оглядываясь по сторонамъ на холодную плиту и на пустой столъ.

— Какой тамъ фриштикъ! Надо еще самоваръ ставить, да все къ чаю готовить. Не знаю какія купить булки, все то ей не нравится, на все фыркаетъ и почти ничего не кушаетъ.

— Ты все таки сходи въ булочную за булочками и за крендельками, пустой чай госпожѣ подавать неприлично. Хочешь я схожу, если тебѣ не досугъ? продолжала Врончевская.

— Сходите пожалуй, а я пока гостиную уберу, обозлится если войдетъ въ неметеную и не провѣтренную комнату.

— Какъ не обозлиться, всегда отъ служанки требуется, чтобъ комнаты убирала пока господа спятъ. Давай деньги, я тебѣ всѣ покупки сдѣлаю. Чего еще кромѣ булокъ, къ завтраку то взять? Сарделекъ можетъ быть? Да сметанки для кавы?

— Каву она не пьетъ, но для васъ я пожалуй заварю.

— Завари, завари, я ужъ тебѣ услужу. Про обѣщаніе свое я не забыла и отличное присмотрѣла тебѣ мѣсто, да вотъ бѣда, у жидовъ не хочешь жить, распространялась посѣтительница, напяливая на корявые пальцы заштопанныя перчатки и забирая свой саквояжъ, съ которымъ она ни при какомъ случаѣ не разставалась.—Букетъ тутъ оставлю, ты бы его въ воду поставила, чтобъ не завялъ до тѣхъ поръ, пока пани твоя встанетъ, да позволитъ мнѣ ей его поднести...

— Хорошъ и такъ будетъ, проворчала сквозь зубы Фелька, выпровожая за дверь гостью и запирая за нею дверь.

И съ раздраженіемъ сдвинувъ въ сторону цвѣты она поставила на ихъ мѣсто зеркальце, вынула изъ комода ящичекъ съ пудрой и съ прочими принадлежностями туалета и принялась подвивать чолку и подводить брови.

Ордена Ленина

Влодекъ обѣщалъ повести ее сегодня вечеромъ смотрѣть фокусника въ графскій паркъ за городомъ, а день то еще Богъ знаетъ какой выдастся, можетъ не хватить времени какъ слѣдуетъ принарядиться, такъ ужъ пусть хоть волосы будутъ завиты, напудриться не долго.

Покончивъ съ этимъ важнымъ дѣломъ, она поставила самоваръ, зажгла газъ въ плитѣ и поставила варить кофе.

Пусть старая корга налопается до сыта, Фелькѣ господскаго добра не жалко, пани у нее такая глупая, что хоть по фунту кофе въ день изводи, она и не замѣтитъ. Чудныя эти москальки, правда говоритъ ксендзъ, что въ нихъ песья кровь течетъ, а не человѣчья...

Однако, что-же это она не просыпается до сихъ поръ? Пойти посмотрѣть, жива ли?

Она прошла въ гостинную, разставила сдвинутую съ мѣста мебель, при чемъ замѣтила, что какъ будто гости были и не останавливаясь на этомъ предположеніи, которое ничего для нее интереснаго не представляло, заглянула въ спальню и увидала свою пани, читавшую въ постели какое-то письмо.

— Я сейчасъ встану, приготовь мнѣ умываться, сказала Лидія Васильевна не отрывая глазъ отъ письма.

— Буду просить мою пани крошечку повременить, я не успѣла еще приготовить пани пеньуаръ, поставила утюги, заразъ выглажу. Бѣгала къ прачкѣ, приказала ей скорѣе принести столовое бѣлье, которое она держитъ больше мѣсяца...

— Хорошо, хорошо, иди себѣ, я позвоню, когда ты мнѣ будешь нужна.

Фелька не заставила себѣ этого повторить, ей послышался стукъ въ кухнѣ. Врончевская вѣрно вернулась изъ булочной.

Такъ и есть, стучала въ дверь Врончевская, со свертками, изъ которыхъ выглядывали булки и горячія зарделькы; подъ мышкой у нее была бутылка со сливками.

Начались приготовленія къ завтраку, очищая мѣсто

для прибора на кухонномъ столѣ, Фелька оттолкнула букетъ еще дальше къ окну.

— А ты цвѣты-то въ воду не поставила, укоризненно замѣтила посѣтительница и, наливъ въ стаканъ воды, бережно поставила въ него перевязанные красной ленточкой розы съ георгинами.—Видѣть не могу, когда цвѣточки вянутъ раньше времени безъ воды, мнѣ все кажется, что имъ пить хочется, какъ людямъ... У меня до твоей пани важное дѣло, продолжала она, наша Француся нашла себѣ жениха, племянника селедочницы, да безъ денегъ онъ ее не беретъ, достань хоть на обрученіе, а свадьбу ужъ моя матка справитъ, говоритъ. Вотъ мы и надумали хлопотать, чтобъ ей по этому случаю дали бы въ канцеляріи рубликовъ двадцать пять.

— И вы хотите объ этомъ мою пани просить? спросила Фелька, ставя кофейникъ съ горячимъ кофе на столъ и снимая съ плиты кипящія сливки. Булки и сардельки гостья сама потрудилась вывернуть изъ бумаги и принялась закусывать.

— Разумѣется твою пани, кого же больше? Она же презусова коханька, отвѣчала панна Врончевская, пережевывая сочныя колбаски съ булкой.

— Пфьюю! присвистнула Фелька, заразившись аппетитомъ гостьи, деликатно беря двумя пальчиками съ замасленной бумажки сардельку и откусывая отъ нее бѣлыми острыми зубами, кусокъ за кускомъ.— Если ваша Француся будетъ ждать, чтобъ моя пани сказала за нее словечко пану презусу, то вамъ долго не дождаться, чтобъ васъ позвали крестить ея перваго ребенка! Панъ презусъ отъ нашей пани генераловой совсѣмъ отсталъ и вотъ ужъ третью недѣлю, какъ глазъ къ намъ не кажетъ. Теперь тамъ всѣмъ ворочаетъ Пигальская.

— Пигальская? Жозефинка? Іозефъ Марія, какіе ты мнѣ чудеса разсказываешь, Фелька! Да какъ же это могло случиться? Въ первый разъ объ этомъ слышу? Откуда ты это знаешь?

Отъ изумленія, она даже отодвинула отъ себя

не допитую чашку и воззрилась полнымъ жгучаго любопытства взглядомъ на свою собесѣдницу.

— Всѣ это знаютъ. Панъ презусъ подарилъ Жозефинкѣ денегъ на модное манто, а старое она продала Люблинской за семь рублей, каждый вечеръ онъ съ нею въ концертѣ, мы съ Влодекомъ ихъ тамъ и вчера видѣли. Днемъ она катается съ пани презусовой и онѣ заѣзжаютъ на ферму Антоневой молоко пить, ну совсѣмъ такъ, какъ бывало раньше, съ моей пани генераловой.

— Такъ значитъ, за Францусю твою пани просить не стоитъ?

— Совсѣмъ не стоитъ, она ничего ужъ теперь не можетъ, съ важностью отвѣчала Фелька.—Я у нее больше жить не буду, меня беретъ къ себѣ пани презусова.

— Вотъ какъ! Такъ вотъ почему ты на жидовъ фыркаешь! Понятно, что у презусовыхъ тебѣ будетъ выгоднѣе жить.

— Еще бы не выгоднѣе! Я тамъ выпрошу и Влодеку мѣсто. Пани презусова очень меня полюбила. Послушали бы вы, какъ она меня упрашивала къ нимъ поступить! Жалованье предлагала вдвое, чѣмъ я здѣсь получаю, подарки, на новый годъ отъ пана презуса пять, да отъ пани презусовой пять, а это кромѣ того, что отъ гостей достанется.

— Такъ ты увѣрена, что твоя пани ничего для Француси не можетъ сдѣлать? спросила гостья, въ раздумьѣ своемъ не замѣчая, что она въ третій или въ четвертый разъ, повторяетъ тотъ же самый вопросъ.

— Ничего, рѣшительнымъ тономъ отчеканила Фелька.—И подумайте только, панна Врончевская, развѣ я бы отъ нее ушла, если-бъ все было по прежнему? Первое время я ею была очень довольна, каждый день къ намъ приходилъ панъ презусъ, уводилъ пани генералову къ нимъ обѣдать, мнѣ давали деньги на обѣдъ и я была до вечера свободна идти куда хочу и принимать кого пожелаю. Панъ презусъ присылалъ фрукты, конфекты, торты, отъ всего этого мнѣ больше половины доставалось, онъ дарилъ мнѣ деньги, каж-

дый день перепадало отъ него и отъ тѣхъ, которые приходили за протекціей моей пани, два три злотыхъ, а иногда и всѣ пять, а теперь давно ужъ нѣтъ никакихъ мнѣ профитовъ и чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже. У презусовъ разсказываютъ, что у моей пани генераловой, хотя она и баронесса, никакого состоянія нѣтъ, нѣтъ ни капитала, ни имѣнія, изъ чего же она мнѣ будетъ платить жалованья, сами подумайте, панна Врончевска?

— Если это такъ, то разумѣется, у тебя есть причина быть меконтетной мѣстомъ и чѣмъ скорѣе ты найдешь другое, тѣмъ будетъ лучше, согасилась посѣтительница, вставая изъ-за стола, забирая свой саквояжъ и букетъ,—Я, было, нашла тебѣ барзо хорошій домъ, богатый, сама пани щеголиха и подолгу платья не носитъ, но ты къ евреямъ не хочешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, только не къ евреямъ! Я лучше за какой нибудь грошъ поступлю къ пани презусовой, чѣмъ служить у евреевъ... А вы букетъ-то назадъ берете? Раздумали подарить его моей пани? спросила она, замѣтивъ что букетъ исчезъ со стола и очутился въ рукѣ панны Врончевской.

— Зачѣмъ ей дарить его, когда она ничего не можетъ сдѣлать для нашей Франуси? Я лучше подарю его паннѣ Пигальской или пани презусовой, отвѣчала совершенно спокойно панна Врончевская.

— Разумѣется, эти скорѣе вамъ могутъ помочь, чѣмъ моя пани.

— Ну, прощай, моя дрога, если у тебя не выгоритъ съ пани презусовой, зайди ко мнѣ, я постараюсь тебя пристроить.

— Прощайте, панна Врончевская, благодарю васъ за участіе.

Онѣ нѣжно обнялись и проводивъ свою гостью за дверь, Фелька отправилась готовить своей пани умываться и одѣваться.

Н. И. Мердеръ

(Продолженіе слѣдуетъ).

Парламентаризмъ и его оцѣнка на Западѣ [1].

Есть одна область, гдѣ недостатки организаціи государственной власти особенно рѣзко бросаются въ глаза—это область защиты дѣтей отъ эксплуатаціи ихъ труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Оказывается, что и тутъ, какъ и во множествѣ другихъ случаевъ, парламентаризмъ является формой правленія, безсильной предупредить самыя вопіющія нарушенія интересовъ цѣлаго народа.

Въ концѣ XVIII столѣтія въ Англіи началось движеніе въ пользу охраны здоровья дѣтей отъ губительнаго вліянія непосильнаго труда въ мануфактурахъ. До этого времени отношеніе англичанъ къ факту примѣненія дѣтскаго труда—было сплошнымъ самодовольствомъ: Дефоэ, напримѣръ, восхищался, что дѣти съ самаго ранняго возраста могутъ быть полезны своимъ родителямъ; въ оффиціальныхъ отчетахъ писались разсужденія—какъ полезно дѣтямъ заниматься работою, напримѣръ разщипываніемъ конопатки, смолистый запахъ которой дѣйствуетъ на нихъ освѣжающимъ образомъ, причемъ легкость работы позволяетъ занимать ею лицъ всякаго возраста; извѣстно, что за эту „легкую“ работу засаживали дѣтей съ пятилѣтняго возраста—по двѣнадцати и болѣе часовъ въ сутки; давать работу дѣтямъ считалось прекраснымъ, филантропическимъ дѣломъ, такъ какъ этимъ путемъ воспитывается-де серьезное, трудолюбивое поколѣніе (Ann., 1906, III, 56).

Наконецъ нашлись люди, которые поняли и осмѣлились во всеуслышаніе заявить, сколько жестокости въ этой „филантропіи“ и какими послѣдствіями грозитъ она подростающему поколѣнію: манчестерскіе врачи въ 1784 и 1796 годахъ постановили особыя резолюціи, посвященныя вопросу о дѣт-

[1] См. „Мирный Трудъ“ за 1906 г. № 9.

скомъ трудѣ. Началась агитація въ пользу огражденія дѣтей отъ подобной эксплуатаціи. Въ 1802 году былъ изданъ первый фабричный законъ, ограничившій работу дѣтей двѣнадцатью часами въ сутки, запретившій ночную работу дѣтей и поставившій извѣстныя требованія касательно посѣщенія школы. Законъ—не исполнялся, такъ какъ въ это время въ Англіи наступило гигантское развитіе хлопчатобумажнаго производства съ примѣненіемъ машинъ. Въ 1819 году вышелъ законъ, запрещающій принимать на работу дѣтей, моложе 9 лѣтъ, и занимать работой болѣе 12 часовъ въ сутки лицъ, моложе 16 лѣтъ. Въ 1825 году опять вышелъ законъ, запрещающій работу болѣе 12 часовъ въ сутки лицамъ, моложе 16 лѣтъ. Законъ 1831 года распространилъ это правило на лицъ моложе 18 лѣтъ; дальнѣйшія мѣры защиты дѣтей были приняты законами 1833, 1844, 1847, 1867, 1874, 1895 и 1901 годовъ (Ann, 1906, III, 59—63).

Такъ *быстро* работала парламентская машина... Но можно было-бы думать, что по крайней мѣрѣ хоть достигнуты прочные результаты?

Ничуть не бывало! Эксплуатація дѣтей и до днесь процвѣтаетъ въ Англіи. Нѣкто France Hird издалъ въ Лондонѣ въ 1898 году книжку подъ заглавіемъ „Вопль дѣтей“, „The cry of the children“, въ которой приводитъ рядъ ужасающихъ данныхъ. Въ большихъ мануфактурныхъ округахъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ частяхъ лондонскаго Истъ-Энда —дѣти являются работниками чуть-ли не съ момента, какъ только научатся ходить; дѣвочки попадаютъ въ положеніе мало чѣмъ лучшее рабскаго—какъ только ихъ нѣжные пальчики оказываются способными держать иголку или склеивать бумагу. Такъ какъ для дѣтей посѣщеніе школы въ Англіи обязательно, то ихъ заставляютъ работать четыре часа до школы и все время до глубокой ночи—послѣ школы, не говоря о томъ, что употребляются всяческія уловки, чтобы по возможности совсѣмъ не посылать дѣтей въ школу. Работа хотя и не тяжела—склеиваніе коробочекъ, дѣланіе искусственныхъ цвѣтовъ, сшиваніе дамскихъ поясовъ и т. д., тѣмъ не менѣе страшно обременительна для дѣтей, требуя постояннаго напряженнаго вниманія—и продолжается эта работа цѣлыми днями безъ перерыва, за самое ничтожное вознагражденіе; напримѣръ, одна семья, состоящая изъ ма-

тери и двоихъ дѣтей, работала ежедневно отъ 7 час. утра до половины двѣнадцатаго ночи безъ малѣйшаго перерыва даже для ѣды (ѣли за работой) и вырабатывала всего одинъ шиллингъ, три пенса, три фартинга (примѣрно 65 копеекъ); мать такъ устаетъ, что не имѣетъ времени убирать комнату, а дѣти нерѣдко засыпаютъ за работой, скорчившись, сидя (Hird., Cry., 9—16). Тысячи и тысячи дѣтей работаютъ по 14 часовъ въ сутки въ удушливомъ воздухѣ грязныхъ, тѣсныхъ не вентилируемыхъ помѣщеній, питаясь самой скудной пищей, какую только можно себѣ вообразить (Hird., Cry., 59).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ работа оказывается—помимо своей продолжительности—еще и прямо физически тяжелою, напримѣръ при шитьѣ парусовъ и джутовыхъ мѣшковъ; края сшиваемыхъ толстыхъ, грубыхъ тканей приходится плотно прижимать одинъ къ другому и въ то-же время натягивать, чтобы концы ихъ сошлись: если парусъ или мѣшокъ будетъ сшитъ такъ, что одно полотнище окажется выступающимъ противъ другого, то придется перешивать съизнова (Hird., Cry., 41).

Еще болѣе тяжела, страшно тяжела, работа дѣтей на лодкахъ, перевозящихъ товары по каналамъ Англіи (Hird., Cry., 79, 82—84).

Работа дѣтей въ Англіи—это кровавыя жертвы изъ тысячъ и тысячъ маленькихъ усталыхъ головокъ, слабыхъ ручекъ, хрупкихъ дѣтскихъ тѣлецъ, маленькихъ, безнадежно страдающихъ сердечекъ—кровавыя жертвы на алтарѣ Мамона (Hird.. Cry., 11—12).

Но какъ-же возможны подобные ужасы, когда существуютъ такіе-то и такіе парламентскіе акты, охраняющіе дѣтей, запрещающіе то и то, предписывающіе это и это?

Увы, трудъ дѣтей выгоденъ, Мамону нужны эти жертвы, а Мамонъ всесиленъ (Hird, Cry, 29) и къ его услугамъ является—„великій“, „конституціонный“ принципъ „неприкосновенности жилищъ“! На дѣтей, работающихъ внѣ фабричныхъ помѣщеній, фабричные законы не распространяются (Hird, Cry, 19, 46), каждый англичанинъ—хозяинъ въ своемъ жилищѣ и недосягаемъ для парламентскихъ актовъ (Hird, Cry, 66). И вотъ родители заставляютъ работать своихъ дѣтей, чтобы прибавить ничтожные гроши къ своему скудному заработку. Большею частью такъ заставляютъ ра-

ботать дѣтей—вдовы или тѣ, къ сожалѣнью—очень многочисленныя, женщины, у которыхъ мужья—пьяницы проводятъ свои досуги по кабакамъ и другимъ притонамъ (Hird, Cry, 35, 45, 56), а за послѣднее время усилившаяся иммиграція иностранцевъ, въ особенности евреевъ, сбивающихъ цѣны на трудъ, заставляетъ и порядочныхъ, трудолюбивыхъ англійскихъ работниковъ достигать пополненія бюджета цѣною жизни и здоровья своихъ дѣтей (Hird, Cry, 61—66)—подъ сѣнью конституціоннаго принципа „неприкосновенности жилища"!

Въ результатѣ цѣлой сотни лѣтъ парламентской охраны дѣтей получилось вырожденіе англійской расы; Джонъ Денисъ, въ статьѣ „Hooligan", помѣщенной въ февральской книжкѣ Everybody's Magazine, приводитъ множество интересныхъ указаній въ этомъ направленіи.

Въ одинъ прекрасный день, благодаря бурской войнѣ, англичане пришли къ ужасному открытію, что ихъ физическая сила подорвана—не оказалось человѣческаго матеріала для арміи, цифра забракованныхъ получилась поражающая; напримѣръ въ Манчестерѣ изъ 11000, осмотрѣнныхъ коммиссіей по пріему на военную службу, забракованныхъ оказалось около 10000... Воевали не англичане, а шотландцы, ирландцы и жители колоній. Традиціонный, историческій Джонъ Буллъ—широкоплечій, краснощекій, энергичный, выносливый великанъ—исчезъ; на смѣну ему явился малокровный, физически истощенный, слабый волею и умомъ—хулиганъ, сплошь и рядомъ типичный дегенератъ (Ann., 1906, III, 64).

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ эксплуатація дѣтскаго труда происходитъ въ еще болѣе ужасающихъ размѣрахъ, въ особенности въ Южныхъ Штатахъ. Въ бумаго-прядильныхъ фабрикахъ Южныхъ Штатовъ—по даннымъ 1904—1905 года работаютъ до 250 тыс. лицъ; изъ нихъ лишь 30 процентовъ старше 21 года; въ Сѣверной Каролинѣ 75 процентовъ рабочихъ на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ—въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ и ниже (Ann., 1906, III, 5, 8); въ Виргиніи, въ двухъ Каролинахъ, въ Алабамѣ работа дѣтей моложе 12 лѣтъ запрещена, но за отсутствіемъ фабричной инспекціи законъ не соблюдается, а въ Георгіи совсѣмъ нѣтъ законовъ, охраняющихъ дѣтей и регулирующихъ дѣтскій трудъ (Ann., 1906, III, 57, 67). Предѣльное ко-

личество труда для дѣтей въ Америкѣ въ настоящее время —66 часовъ въ недѣлю (Ann., 1906, III, 57).

Но и эти законы обходятся; подобно тому какъ это дѣлается въ Англіи, американскіе родители рабочаго класса заставляютъ дѣтей работать на дому; для Нью-Іорка констатированы случаи, когда, напримѣръ, изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ были заняты пятилѣтнія и четырехлѣтнія дѣти (Ann., 1906, III, 26); и находятся въ свободной Америкѣ врачи, которые рѣшаются утверждать, будто для дѣтей моложе 9 лѣтъ работать 15 час. въ сутки—не вредно (Ann., 1906, III, 60) [1]).

Результатомъ, какъ и въ Англіи, является вырожденіе англо-саксонской расы; въ Южныхъ Штатахъ уже выработался фабричный типъ—factory type—физически истощенныхъ людей. Огромная армія безработныхъ состоитъ главнымъ образомъ не изъ людей, ненаходящихъ работы, а изъ неспособныхъ къ работѣ, не выносящихъ суровыхъ условій труда вслѣдствіе потери силъ и здоровья на непосильной работѣ въ дѣтскомъ возрастѣ; статистика Пенсильваніи, напримѣръ, показываетъ, что кадры бродягъ и преступниковъ-рецидивистовъ пополняются главнымъ образомъ лицами, замученными работой съ самаго нѣжнаго дѣтскаго возраста (Ann., 1906, III, 9, 66, 59).

Правда, въ Соединенныхъ Штатахъ общественное мнѣніе возмущено этими фактами; возникъ національный комитетъ для защиты дѣтей и такіе-же комитеты въ отдѣльныхъ штатахъ (Ann., 1906, III, 67); но если Сѣверо-Американская парламентская машина будетъ работать такъ-же быстро и успѣшно, какъ англійская, то улучшенія участи дѣтей придется ждать до 2000 года.

Ознакомляя насъ съ злоупотребленіями и всяческими отрицательными и темными сторонами парламентаризма, нѣкоторые изъ авторовъ указываютъ при этомъ, что причиною парламентскихъ пестроеній является не просто деморализація народа, которую нужно во всякомъ случаѣ считать явленіемъ временнымъ и преходящимъ, и не какіе либо случайные, и слѣдовательно устранимые, недостатки той или

[1]) Интересующіеся найдутъ много подробностей о дѣтскомъ трудѣ въ Америкѣ—въ „Русской Мысли“, 1903 г., октябрь и ноябрь‘ статья „Дѣтскій трудъ въ Америкѣ“.

иной конституціи; но что корень зла лежитъ въ самой системѣ парламентаризма, основные принципы котораго по сущности своей враждебны идеѣ государства.

Въ современныхъ конституціяхъ, благодаря парламентаризму, общество беретъ верхъ надъ государствомъ,—а это представляется въ высшей степени нежелательнымъ (Off., Parl., 11).

Дѣйствительно—понятіе общества есть понятіе народа, разчлененнаго и раздробленнаго различіями въ обладаніи и способахъ пріобрѣтенія матеріальныхъ и духовныхъ благъ. Эгоистическія стремленія каждаго индивидуума являются для него, какъ члена общества, цѣлью всей жизни и самое общество онъ склоненъ представлять себѣ какъ средство для успѣшнѣйшаго достиженія своихъ интересовъ. Поэтому общество являетъ собою массу населенія, разъединенную взаимной противоположностью частныхъ интересовъ; и выйти изъ этой противоположности и борьбы отдѣльныхъ, частныхъ интересовъ—своими силами оно не можетъ.

Это различіе, эта взаимная противоположность частныхъ интересовъ преодолѣвается только государствомъ, которое является силою, стоящей выше общества, и подчиняетъ всѣ частные интересы одной общей цѣли и объединяетъ и примиряетъ ихъ въ стремленіи къ благу цѣлаго народа (Off., Parl., 7—8).

Между тѣмъ отдѣльные элементы общества, группируясь сообразно общности интересовъ въ классы и партіи, находятся въ постоянномъ антагонизмѣ и тѣ изъ нихъ, которые оказываются въ данную минуту наиболѣе могущественными, стремятся подчинить себѣ государство и направить его дѣятельность исключительно въ свою пользу; парламентаризмъ какъ разъ даетъ для этого наиболѣе простое, легкое и удобное средство—правленіе партій (Off., Parl., 8, 11, 54). Между тѣмъ въ интересахъ народа, какъ цѣлаго, былабы какъ разъ противоположная организація, гдѣ государство представляло-бы изъ себя внѣпартійную, регулирующую и примиряющую силу, обезпечивающую для всѣхъ равно благопріятныя условія существованія (Off., Parl., 68, 70—71).

Это мнѣніе Оффермана—достойное самаго глубокаго вниманія—остается пока далекимъ отъ всеобщаго признанія; до требованія—уничтожить парламентаризмъ—на Западѣ дѣло

еще не дошло; но мысль о необходимости болѣе или менѣе радикальныхъ реформъ парламентскаго строя можетъ считаться окончательно созрѣвшей.

Одни, напримѣръ, предлагаютъ возвысить авторитетъ верхней палаты; другіе—усилить королевскую власть; третьи все спасеніе видятъ въ учрежденіи пропорціональнаго представительства (Pell., Parl., 115—116, 125, 198).

Иные, признавая приведенныя мѣры простыми палліативами, отвергаютъ ихъ какъ безполезныя. Усиленіе королевской власти, во-первыхъ, непримѣнимо тамъ, гдѣ ея нѣтъ; во-вторыхъ—при сохраненіи основъ современнаго парламентаризма—далѣе абсолютнаго veto это усиленіе идти не можетъ, абсолютное-же veto монарховъ и теперь кое гдѣ существуетъ, но пользы не приноситъ. Возвышеніе авторитета верхней палаты—едвали даже вообще возможно; верхняя палата имѣетъ право абсолютнаго veto по отношенію къ рѣшеніямъ нижней палаты—какая-же реформа здѣсь возможна? Да кромѣ того—верхнія палаты такъ-же подвержены внутреннему разложенію, какъ и нижнія; напримѣръ французскій сенатъ совершенно подчинился палатѣ депутатовъ и идетъ пассивно за нею во всѣхъ дѣлахъ и вопросахъ—сверженіи министерствъ, утвержденіи бюджета и т. д. (Eichth., Souv., 255); въ Италіи жалобы на деморализацію (corruzione) Сената высказываются въ печати даже самими сенаторами, каковы напримѣръ Alfieri di Sostegno, Filippo Linati, Andrea Suarneri, Fedele Lampertico, Luigi Zini (Pell., Parl., 140—141 e nota).

Пропорціональные выборы такъ-же не могутъ считаться панацеею парламентскихъ недуговъ; какъ выше было сказано—размноженіе партій ведетъ лишь къ образованію временныхъ коалицій партій, блоковъ, которые путемъ взаимныхъ уступокъ проводятъ мѣры, выгодныя для всѣхъ, вступившихъ въ блокъ партій, но для государства и народа въ лучшемъ случаѣ безполезныя. И во многихъ парламентахъ есть такія группы, которыя за различныя льготы и подачки вступаютъ въ союзъ съ любой партіей—съ торговъ, кто больше дастъ. Таковы напримѣръ—центръ въ Германіи, поляки въ Австріи, оппортунисты во Франціи (Zenk., Ref., 44).

Въ виду этого многіе писатели требуютъ болѣе широкихъ, коренныхъ реформъ конституціоннаго строя и указы-

ваютъ на нѣкоторые принципы, какъ на совершенно ложные и подлежащіе безусловному отрицанію.

Самая основа парламентаризма—выборы депутатовъ и рѣшеніе вопросовъ *по большинству голосовъ*—покоится на ошибочномъ убѣжденіи, будто всякій вопросъ, всякое дѣло можно рѣшать по большинству голосовъ; это убѣжденіе есть возвращеніе къ философіи пифагорейцевъ, которыя думали, что числа управляютъ вещами; развѣ можно считать разумнымъ подчиненіе меньшинства большинству, если послѣднее стремится обезчестить, денаціонализировать, поработить меньшинство? (Zenk., Ref., 13, 40, 46—47; Pioger Vie Soc., 186); развѣ можно навязать кому нибудь по большинству голосовъ—религію? Можно-ли поставить оборону страны отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ—въ зависимость отъ рѣшенія большинства? (Off., Parl., 28—29). На нашихъ глазахъ національная оборона Франціи находится въ состояніи полнаго упадка и дезорганизаціи—и въ этомъ виноватъ парламентаризмъ съ его принципомъ большинства (Sén., Parl., 31; Schöff., Parl., 4). Неподготовленность Франціи къ войнѣ 1870 года и окончательная гибель арміи вслѣдствіе назначенія главнокомандующимъ маршала Базена—дѣло рукъ парламентаризма; въ 1866 году маршалъ Ніэль предлагалъ реформы военной организаціи—палата отказала; въ 1868 и 1869 году—палата опять отвергаетъ проекты реорганизаціи арміи; 30 іюня 1870 года, почти наканунѣ объявленія войны, палата понизила численность арміи на 20000 человѣкъ, несмотря на всѣ усилія правительства не допустить этого; по объявленіи войны палата назначила главнокомандующимъ Базена, извѣстнаго своею измѣною въ Мексикѣ: нѣкто Slais Bizoin, депутатъ закричалъ въ палатѣ—„Bazaine généralissime!“ и всѣ завопили—„oui, oui, Bazaine généralissime!“ и погубили армію, а съ нею и Францію (Sén., Parl., 5—6).

Не менѣе ложнымъ, чѣмъ безусловное преклоненіе передъ большинствомъ, передъ голой цифрой, является принципъ безотвѣтственности депутатовъ передъ избирателями (Zenk., Ref., 32, 35—36); этотъ принципъ зиждется на совершенно произвольномъ утвержденіи, будто каждый депутатъ есть представитель всего народа въ цѣломъ, это теоретически нелѣпо и фактически невѣрно—напримѣръ въ Австріи полякъ, чехъ, итальянецъ всегда будутъ представлять инте-

ресы поляковъ, чеховъ, итальянцевъ, а не какого-то воображаемаго австрійскаго народа (Zenk., Ref., 32—33, 34). А между тѣмъ безотвѣтственность депутатовъ ведетъ къ самымъ плачевнымъ послѣдствіямъ: никогда самый узкій абсолютизмъ не рѣшился-бы на такія насилія и несправедливости, какія на каждомъ шагу позволяютъ себѣ совершать прикрывающіеся своею безотвѣтственностью парламентаріи (Schöff., Parl., 19, 26; Sén., Parl., 20).

Нужно отвергнуть этотъ ложный принципъ безотвѣтственности депутатовъ. Депутаты должны представлять интересы своихъ избирателей, а такъ какъ вручение наказа депутату отъ избирателей безполезно, ибо заранѣе всего предвидѣть нельзя, то депутатъ долженъ пользоваться свободою дѣйствій, но при этомъ подлежитъ отвѣтственности передъ избирателями—хотя-бы въ формѣ права избирателей на отозваніе депутата; право отозванія являлось-бы совершенно естественнымъ королларіемъ избирательнаго права (Zénk., Ref., 87—89).

Далѣе, мы встрѣчаемъ многочисленныя указанія на непомѣрную, ни съ чѣмъ несообразную, всеобъемлющую компетенцію парламента.

Основная функція парламента есть законодательство. Затѣмъ не менѣе существенною стороною его дѣятельности является контроль надъ дѣятельностью правительственныхъ властей—главнымъ образомъ въ сферѣ финансовой: современное государственное хозяйство зиждется на кредитѣ, кредитъ предполагаетъ довѣріе, довѣріе предполагаетъ наличностью контроля, контроль осуществимъ лишь черезъ представителей народа (Zénk., Ref., 9—10, 12). Въ виду этого парламенту должны быть сохранены контрольныя функціи (Zénk., Ref., 67, 70); затѣмъ конечно законодательство должно остаться въ рукахъ парламента; все-же, что не относится до законодательства и контроля, должно быть изъято изъ компетенціи парламента (Zénk., Ref., 71—76; Off., Parl., 83), въ особенности-же должна быть закрыта и защищена отъ парламентскихъ посягательствъ область управленія.

Парламентарная идея, проведенная въ сферѣ управленія, есть въ высшей степени ложная концепція. Исходя изъ факта противоположности понятій общества и государства, мы должны признать, что въ отношеніи государственнаго

управленія современная конституціонная доктрина впадаетъ въ грубую ошибку: вмѣсто того, чтобы организовать связь между государствомъ и обществомъ именно въ сферѣ управленія, то-есть тамъ, гдѣ измѣнчивые общественные интересы ежедневно сталкиваются съ государствомъ и его требованіями, такъ что государство тутъ именно—въ тысячахъ отдѣльныхъ случаевъ—могло-бы примирять и регулировать сталкивающіеся общественные интересы; вмѣсто этого ложная парламентарная доктрина переноситъ грубую борьбу интересовъ прямо въ нѣдра законодательнаго учрежденія (Off., Parl., 74). Законодательство смѣшивается съ управленіемъ; партійная борьба переходитъ въ такую область, которая должна быть для нея совершенно закрыта—въ область управленія; благодаря этому при всякой перемѣнѣ министерства—а онѣ такъ часто въ парламентскихъ государствахъ—измѣняется все направленіе административной дѣятельности государственной власти; управленіе лишается устойчивости и отъ этого жестоко страдаетъ населеніе, т. е. само-же государство. Постоянная смѣна министерствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчныя колебанія политики управленія—ахиллесова пята конституціонализма (Hol., Ach., 10).

Въ виду сказаннаго возникаетъ мысль о коренныхъ реформахъ парламентскаго строя, именно о необходимости выдѣлить сферу управленія изъ компетенціи законодательныхъ учрежденій и построить управленіе на совершенно новыхъ самостоятельныхъ конституціонныхъ началахъ—напримѣръ введеніемъ выборныхъ представителей населенія во всѣ государственныя административныя учрежденія (Off., Parl., 79, 81, 82, 83, Chim Vita, 88—89); къ этому добавляются пожеланія реформировать самыя парламенты такъ, чтобы верхняя палата была законодательною палатой, а нижняя—палатою административной, Verwaltungskammer (Off., Parl., 88—90, 99), или чтобы верхняя палата была камерой политическаго законодательства, а нижняя—государственно-хозяйственныхъ мѣропріятій (Zénk., Ref., 78—79).

Нѣкоторые писатели идутъ еще далѣе и отвергаютъ совершенно выборное начало, которымъ такъ злоупотребляютъ парламентаріи; предлагается созданіе особаго правящаго класса изъ аристократовъ ума (Geistesaristokraten), пополняющаго свой составъ путемъ кооптаціи (Walck. Gef., 12 ff).

Наконецъ, американцы—какъ мы видѣли—отчаявшись въ парламентаризмѣ, склоняются къ выборной диктатурѣ и создаютъ въ своихъ городахъ должности всесильныхъ городскихъ головъ; современный американскій муниципальный идеалъ есть—царь-голова, the Tsar-Mayor!

Входить въ разборъ всѣхъ перечисленныхъ проэктовъ реформъ—мы не станемъ; мы задались цѣлью показать, какъ разочаровались на Западѣ въ томъ самомъ парламентаризмѣ, который мы оттуда только что рабски заимствовали, и поэтому мы считаемъ нашу задачу исполненной.

Что-же касается выводовъ и предположеній о предлежащихъ путяхъ практической дѣятельности, намѣчаемыхъ современнымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, то объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ.

Проф. В. Ф. Залѣсскій.

Августъ 1906.

СУЩНОСТЬ САМОДЕРЖАВІЯ.

Власть Королевская или Императорская, сложившаяся по образцу власти домовладыки и въ своемъ историческомъ ростѣ раскрывающая природу власти господина-рабовладѣтеля, или хозяина военноплѣнныхъ,—вольна въ отношеніи своихъ рабовъ-подданныхъ сама себя измѣнять по собственному усмотрѣнію: эта власть такова, какова прихоть ея носителя, каковъ plaisir du roi. Но власть Царя, сложившаяся въ глазахъ народа и своихъ собственныхъ по образу и подобію власти отеческой, не можетъ сознаваться *вольностію*, отъ которой во всякое время по собственному хотѣнію носитель ея воленъ отречься отчасти или даже вполнѣ.

„Царь-Отецъ“ не властенъ отрицать, лежащихъ на немъ, обязанностей къ своимъ дѣтямъ-подданнымъ потому-же, почему и всякій обыкновенный отецъ (по народному, „Государь-батюшка“) нравственно не въ правѣ освобождать себя отъ лежащаго на немъ, долга родительскаго. Безгосударствіе на Руси всегда почиталось *сиротствомъ Земли*.

Гдѣ власть Монарха устанавливается завоеваніемъ или вообще насиліемъ, гдѣ самъ такой Монархъ является установителемъ своего государства, тамъ всюду этотъ абсолютный Монархъ или деспотъ, можетъ съ плѣненной имъ, такъ сказать, властію дѣлать все, что вздумается. Но такъ не можетъ поступать Самодержецъ, носитель власти самимъ народомъ Землѣ на защиту и управу мирно выращенной; такъ не можетъ поступать Царь, почитающій свою власть не за добытую силой привилегію, а за бремя, ради попеченія о людяхъ, Самимъ Богомъ на него возложенное.

Вильгельмъ, напримѣръ, Завоеватель есть вмѣстѣ и завоеватель и учредитель своего государствованія, а власть, напримѣръ, Царя Михаила Романова есть власть всенароднымъ Великимъ Земскимъ Соборомъ, или (выражаясь язы-

комъ коренныхъ конституціоналистовъ-Англичанъ), „конвенантерами“ [1]) 1613 года установленная.

Всякое установленіе можетъ быть отмѣнено властію его установившею и никакое установленіе, какъ таковое, само себя *законно* отмѣнять не можетъ.

Самоотмѣна (или, что то-же, самоуничтоженіе) со стороны учрежденія его совершающаго, есть актъ превышенія имъ своихъ правъ и захватъ чужихъ; это—мятежъ противъ власти въ отношеніи его учредительной, это преступленіе противъ его собственнаго бытія, это—съ его стороны актъ настоящаго самоубійства. Каждый Русскій, который не желаетъ стать участникомъ въ грѣхѣ налаганія правительствомъ на себя рукъ, обязанъ предъ Богомъ и совѣстью удерживать руку Власти всякій разъ, какъ видитъ ее занесенною для самоуничтоженія.

Въ роковую для жизни Россіи минуту нашъ великій патріотъ-исторіографъ въ своей знаменитой запискѣ, поданной имъ Александру I-му такъ прямилъ своему Государю: „Если-бы Александръ, вдохновенный великодушною ненавистью къ злоупотребленіямъ Самодержавія, взялъ перо для предписанія себѣ иныхъ законовъ, кромѣ Божескихъ и совѣсти, то истинный гражданинъ Россійскій дерзнулъ-бы остановить Его руку и сказать: „Государь, Ты преступаешь границы своей власти. Наученная долговременными бѣдствіями, Россія предъ святымъ Алтаремъ вручила Самодержавіе Твоему Предку и требовала, да управляешь ею верховно, нераздѣльно. Сей завѣтъ есть основаніе Твоей власти. Иного не имѣешь. Можешь все, но не можешь *законно* ограничить ее“ [2]).

Черезъ сто лѣтъ послѣ этихъ словъ мы снова стоимъ передъ тѣмъ-же роковымъ переворотомъ, предъ возможностію коего захватывало духъ у Н. М. Карамзина. Что-же? Перемѣнился-ли съ той поры свѣтъ? Стало-ли черное бѣлымъ, уравнялась-ли кривда съ правдою? Получило-ли право законодательное учрежденіе 1906 года отмѣнять установленіе Учредительнаго всенароднаго русскаго Великаго Совѣта 1613 года?

Пріобрѣлъ-ли право Самъ Государь законно измѣнять

[1]) Употребляемъ этотъ терминъ ради невѣжества нашихъ конституціоналистовъ въ разумѣніи отечественной исторіи. *Авт.*

[2]) Записка Н. М. Карамзина.

природу русской Верховной Власти, врученной Ему черезъ предковъ самодержавною и единымъ Богомъ только и совѣстью, но не людьми подобострастными ограниченною?

На эти вопросы съ истинно-русскою прямотою вотъ какой отвѣтъ дастъ современный намъ публицистъ:

„Государь! Твои предки приняли отъ Земскаго Собора Самодержавную власть. Если Ты въ нее не вѣруешь, или не въ силахъ ее удержать, сдай ее тому-же Земскому Собору, но не умаляй ее, не уступай тому, *кого на это народъ Твой не уполномачивалъ*“ [1]).

Итакъ, можетъ-ли Царь замѣнить русскій государственный укладъ иноземнымъ и, отмѣнивъ самодержавный строй, даровать вмѣсто него строй иноземный, строй въ западно-европейскомъ смыслѣ конституціонный?

И. С. Аксаковъ отвѣчаетъ на это въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ:

„Конституція это вѣнецъ денаціонализаціи Россіи—слѣдовательно, ея гибель. Даровать конституцію Царь не можетъ. Это съ его стороны было-бы измѣною, предательствомъ“ [2]).

Это совершенно вѣрно. Да, ежели-бы врагамъ Россіи и удалось когда вырвать у одного изъ нашихъ Самодержцевъ какую-либо конституціонную хартію, то этимъ еще самое Самодержавіе вовсе не было-бы упразднено. То, что рукою тысячелѣтней исторіи написано въ сердцахъ и умахъ сотни милліоновъ Русскихъ людей не можетъ быть уничтожено изъ ихъ сознанія однимъ почеркомъ, хотя-бы и царственнаго пера.

Итакъ, все сводится къ одному вопросу: можетъ-ли Православный Русскій Самодержецъ, какъ таковой, отмѣнить въ Россіи значеніе Православія, или Самодержавія, или коренной Народности? Разумѣется, отвѣтъ на это можетъ быть только отрицательный.

Въ своемъ Манифестѣ при восшествіи на престолъ Александръ III говорилъ, что „Богу въ неисповѣдимыхъ судьбахъ Его благоугодно было... на Насъ возложить священный долгъ самодержавнаго правленія. Повинуясь волѣ Провидѣнія и закону наслѣдованія государственнаго, Мы приняли бремя сіе въ страшный часъ всенародной скорби

[1]) „Русское Дѣло“ 1905 годъ № 40. Курсивъ автора статьи.

[2]) Письма И. С. Аксакова 1882 года.

и ужаса, предъ лицомъ Всевышняго Бога, вѣруя, что, предопредѣливъ намъ дѣло власти въ столь тяжкое и многотрудное время, Онъ не оставитъ Насъ своею всесильною помощью" [1].

Итакъ, самодержавное правленіе — это „священный долгъ", „великое служеніе" и „бремя", самимъ Богомъ возлагаемое. Такимъ образомъ это высшій видъ обязанности, а не право и вольность или привилегія. Отъ права каждый воленъ отказываться, но никто не въ правѣ отказываться отъ лежащаго на немъ долга или повинности; таковыя онъ обязанъ нести, не взирая на сопряженныя съ этимъ несеніемъ тягость и опасности. Несеніе власти есть, по православному вниманію,—одинъ изъ видовъ несенія жизненнаго креста.

Самодержавіе въ своемъ истинномъ и только что указанномъ значеніи находится въ неразрывномъ союзѣ съ Русской народностью, со стомилліоннымъ Русскимъ народомъ, а такъ какъ народъ, по вѣрному слову Шеллинга, есть то, во что онъ вѣруетъ (ибо все дается ему по вѣрѣ его), то Самодержавіе тѣснѣйше связано и съ Православіемъ. Безъ Православія и Народности Самодержавіе практически невозможно, ибо религія и національность—это два, ограничивающія Царскую власть начала. Безъ нихъ Самодержавіе перестало-бы быть таковымъ и обратилось-бы въ простое *самовластіе, въ абсолютизмъ или деспотію.*

Склонность Государя Александра I поступаться своими обязанностями, какъ-бы нѣкими сомнительной справедливости собственными своими привилегіями, породила къ концу его царствованія нестроенія, завершившіяся послѣ его кончины декабрьскимъ бунтомъ и тѣмъ масонско-революціоннымъ движеніемъ, которое принудило самого Николая I впадать едва-ли не, въ столь несродный его возрѣніямъ,—*абсолютизмъ.* Подобное-же склоненіе къ поступательству обязанностями Самодержца привело правленіе Александра II къ смутѣ и было имъ искуплено мученическою кончиной 1 марта; политика нашего недавняго Виттевскаго правительства, не смотря на многократныя провозглашенія самимъ Государемъ завѣтовъ Александра III, не переставала выстав-

[1] Высочайшій Манифестъ 1881 г. 29 апрѣля.

лять предъ страною бремя царскаго служенія какъ-бы нѣкою, оставшеюся отъ первобытныхъ временъ, привилегіей или свойственною младенчествующему народу опекой. Такое противустояніе своему Царю и компрометтированіе Самодержавія бюрократіей, руководимой ея архибюрократомъ-премьеромъ графомъ Витте, втянуло Россію въ переживаемыя нами безпримѣрныя опасности.

Свидѣтель смуты конца царствованія Александра II—М. Н. Катковъ былъ глубоко правъ, когда говорилъ: „Самъ Монархъ не могъ-бы умалить полноту правъ своихъ. Онъ властенъ не пользоваться ими, подвергая тѣмъ себя и государство опасности, но онъ не могъ-бы отмѣнить ихъ, если-бы и хотѣлъ".

Да, самъ Царь этого не можетъ сдѣлать и потому, когда обманывавшіе его довѣріе, его невѣрные слуги, еще продолжали умалять полноту его правъ, Государь на привѣтствіе Московской Монархической партіи отвѣтилъ: „Самодержавіе-же Мое остается такимъ, какимъ было встарь". А встарь оно было строго православнымъ и народно-Русскимъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что если Государь законно не властенъ отмѣнить православное русское Самодержавіе, то еще меньшее право имѣетъ отмѣнять его какое-либо самодержавною-же властію учрежденное установленіе, будь это Сенатъ, Государственный Совѣтъ, Государственная Дума или Совѣтъ всѣхъ Министровъ, хотя-бы во образѣ самого прожектора или премьера представленный.

Православное русское Самодержавіе можетъ быть законно отмѣнено не властію имъ учрежденною, но властію его учредившею. Поэтому все, что въ противность сему со временъ Петра I и доселѣ было у насъ самовольно введено, подлежитъ отмѣнѣ и замѣнѣ новымъ, основному нашему общественно-государственному укладу соотвѣтствующимъ. Дѣло возрожденія нашего православнаго строя и очищенія его отъ всего несогласнаго со святыми канонами уже рѣшено въ возможно скорое время предоставить Помѣстному Собору Россійской Церкви; дѣло-же освобожденія нашего Самодержавнаго строя отъ его бюрократическаго искаженія, или, вѣрнѣе, дѣло возстановленія абсолютизмомъ нарушеннаго истиннаго Самодержавія можетъ въ полности подлежать только *полномочному вѣдѣнію Русскаго Земскаго Собора.*

Только всенародный Земскій Русскій Соборъ способенъ возстановить, по всей справедливости, полноту обязанностей, присущихъ искони государство-созидавшей народности, только общерусскій Соборъ способенъ раскрыть истинный смыслъ и значеніе обязанностей, нынѣ преступно расхищаемыхъ и обращаемыхъ себѣ въ привилегіи носителями разрушительныхъ началъ.

Въ итогѣ при такой постановкѣ дѣла подлежатъ отмѣнѣ:

1) Законы, низводящіе Вѣру Православную съ высоты исповѣдуемой Истины на чреду чего-то лишь терпимаго наравнѣ съ опознанными заблужденіями и завѣдомыми суевѣріями.

2) Подлежатъ отмѣнѣ какъ законы, лестію, якобы, возносящіе Самодержавіе на высоту ни Богомъ, ни совѣстью неограниченнаго владычества, на дѣлѣ-же этимъ самымъ роняющіе его до незаслуживающаго уваженія своеволія, такъ равно подлежатъ отмѣнѣ и законы, низводящіе живую нравственную личность Самодержца до порабощенія ея механическому началу численнаго большинства, какъ-бы нѣкоему жизнеправящему этическому принципу [1]).

3) Подлежатъ отмѣнѣ законы, возстановляющіе государственное значеніе инородцевъ, вопреки и наперекоръ національнымъ грѣхамъ коихъ, созидалось Русское Государство, а равно и законы, безъ всякаго основанія лишающіе коренной народъ Россіи значенія хозяина своей собственной земли.

Г. Шечковъ.

---

[1]) Эти строки, чтобы не нарушить ихъ строя, необходимо, думается дополнить слѣдующимъ примѣчаніемъ: подлежатъ отмѣнѣ законы, которые пытаются обосновывать нашъ русскій порядокъ уже не на началѣ долга, не за страхъ, а за совѣсть исполняемаго, а на началѣ правъ и вольностей, всѣми и каждымъ, одною силою лишь большинства добываемыхъ; подлежатъ упраздненію всѣ узаконенія, пытающіяся обосновать нашъ Государственный строй не на совѣстливой правдѣ, а на правдѣ формальной, казуистической, и стремящіяся не избавить отъ шатанія внутренній *правдо-порядокъ*, а замѣнить его лишь внѣшне-показаннымъ *правопорядкомъ*. *Авт.*

Памяти Софіи Александровны Леонтьевой-Левицкой.

Галицко-Русское Благотворительное Общество въ началѣ трудоваго 1903—4 года, уважило избраніемъ въ почетные свои члены глубокочтимую дѣятельницу, галицко-русскаго сближенія, многоопытную руководительницу и благотворительницу старицу, какъ она сама себя называла, *Софью Александровну Леонтьеву-Левицкую.*

Почти наканунѣ (т. е. 24 января 1904 г.) вѣроломнаго нападенія желтолицыхъ язычниковъ на Православную Россію—того событія міроваго народожизненнаго порядка, которому, быть можетъ, суждено стать гранью между Петровскою ученическою Русью и возрожденною совершеннолѣтнею Россіею—отошла незабвенная Софія Александровна въ лучшій міръ.

Преклонная годами, но духомъ сильная до послѣднихъ дней жизни, она была бойцомъ, вооруженнымъ стальною непреклонностью воли и неустрашимостью, въ латахъ православной истины, въ доспѣхахъ русской правды, въ шлемѣ восточно-русскаго просвѣщенія и съ мечемъ христіанскаго добра; всегда воинствующая ратовала она за торжество и могущество славной Всея Руси, боролась за духовное освобожденіе подъяремной, предкарпатской и закарпатской, ея части и ратоборствовала за мощное братское единеніе всего славянскаго міра.

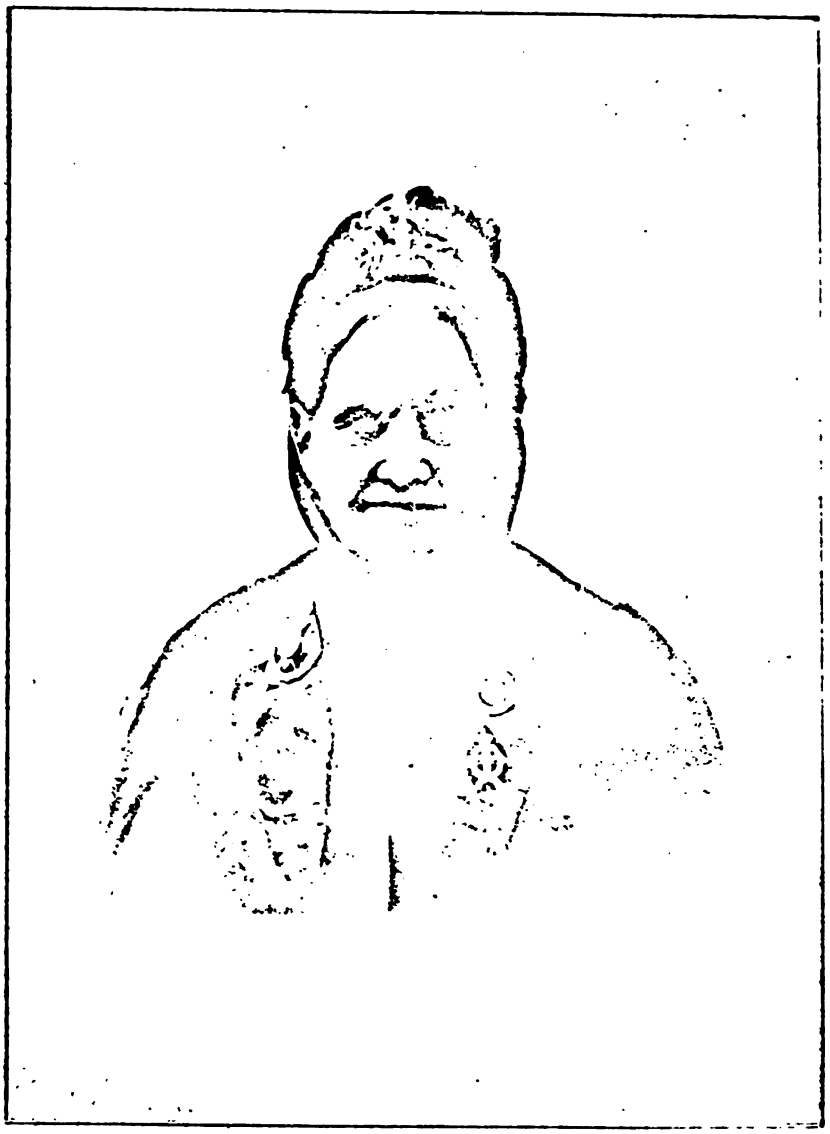
Теперь, когда ея могила еще свѣжа, не настало время для полной оцѣнки ея долголѣтней дѣятельности, такъ какъ описать ея жизнь, значитъ дать цѣльную исторію русской Варшавы, даже болѣе того, и всего Привислянскаго края, возсоединенія уніатовъ съ Православіемъ Холмской Руси и

возрожденія Галицкой Руси. Но да позволено будетъ мнѣ, одному изъ ея горячихъ почитателей, ученику-единомышленнику, получившему ея сердечно-любовное и духовное благословеніе на служеніе вѣрою и правдою обще-любимой Святой Руси, сообщить весьма неполныя свѣдѣнія и краткія данныя о ея жизни, взятыя главнымъ образомъ изъ статьи нашей писательницы Над. Пв. Мердеръ-Северинъ: *„Русская Женщина“* (Московскія Вѣдомости, 44—45), а также и другихъ современныхъ изданій и изъ личныхъ моихъ воспоминаній.

„Эта замѣчательная личность“, пишетъ Н. П. Мердеръ, коротко знавшая Софію Александровну, „беззавѣтно любила Россію, была предана ей до самоотверженія, болѣла ея несчастіями и неудачами, ошибками и заблужденіями, всѣмъ своимъ существомъ страстно жаждала ея просвѣтленія и твердо уповала на освобожденіе русскаго духа отъ томительнаго плѣненія подъ нравственнымъ гнетомъ чужеземной цивилизаціи и культуры“.

Русское самосознаніе у нея было неразрывно связано съ Православіемъ. Одно безъ другого безжизненно и даже немыслимо у русскаго. Торжество Православной Церкви и слава русская и русское величіе—вотъ средоточіе, куда направлены были всѣ ея мысли, вся ея дѣятельность. Она каждому русскому проповѣдывала необходимость жить исключительно для Россіи, всѣмъ жертвовать для Родины, не пренебрегать никакими мелочами и видимыми пустяками въ пользу ея служенія.

Приверженность къ Православной церкви и великое христіанское смиреніе были всегда ея неразлучными спутниками. Въ своихъ стремленіяхъ она была прямолинейна и не допускала ни малѣйшаго отклоненія въ сторону, ни сдѣлокъ съ совѣстью, ни уступокъ и поблажекъ, вызываемыхъ иногда такъ называемою житейскою необходимостью. Въ этомъ она была такъ похожа на удивительнаго духовнаго мыслителя, столпа русской богословской науки 19 столѣтія, котораго она, рѣдкая изъ современниковъ, высоко цѣнила и твореніе котораго: *„Что есть духовная жизнь“* было настольною ея книгою. Я говорю объ Епископѣ Ѳеофанѣ, затворникѣ Вышенскомъ, умершемъ ровно десять лѣтъ тому назадъ въ день Богоявленія.



Софья Александровна

ЛЕОНТЬЕВА-ЛЕВИЦКАЯ

1819–1904

Убѣжденная вдохновительница цѣлаго поколѣнія русскихъ въ Варшавѣ, русская, православная и политическая дѣятельница, оцѣненная многими правительственными сановниками, умная и осмотрительная руководительница въ общественныхъ дѣлахъ, добрая совѣтница и благотворительница въ житейскихъ и частныхъ невзгодахъ воспитанниковъ и многочисленныхъ крестниковъ ея, самоотверженная помощница и выручательница изъ бѣды „*вѣрныхъ*“, какъ она называла, русскихъ и славянскихъ друзей—вотъ отличительныя коренныя черты ея дѣятельности.

Полемъ ея трудовъ была не одна Варшава, куда она попала дѣвочкой и осталась до смерти русской старожилкой, не только вся Польша, не только вся необъятная Россія, и ея галицкая зарубежная часть, гдѣ Православная Русь, подъ другимъ видомъ, закрыта отъ глазъ временнымъ торжествомъ враговъ нашей церкви, но и весь греко-славянскій міръ. Поборница русскихъ началъ, она какъ солдатъ высоко держала русскій стягъ и какъ передовая сила вѣрною рукою глубоко обдуманно вела свое дѣло возрожденія въ польскомъ краѣ славянскаго самосознанія. Не даромъ она подписывала свои стихотворныя произведенія „*Русская солдатка*“. Софія Александровна была убѣждена, что только возрожденіемъ трехъ частей Польши въ славянскомъ духѣ можно сплотить славянъ всѣхъ для отпора врагамъ и растлителямъ славнаго племени.

Она была воинствующей и боевой просвѣтительною силой, а потому ея приговоры часто казались рѣзкими и иногда обнаруживали большую нетерпимость, но, не будь этого пристрастія и даже нѣкоторой суровости, она не принесла бы столь ощутительной пользы. Рѣзкая непреклонность была необходима въ ея борьбѣ, ибо она знала хорошо характеръ враговъ своихъ. Лично она сама безъ твердой этой вѣры не устояла бы въ годины двухъ кровавыхъ жесточайшихъ измѣнническихъ возстаній и постоянно окружавшаго ее вѣроломнаго предательства, ибо сила змѣинаго коварства и до сего дня тамъ велика. Кровавыя событія развертывались на ея глазахъ, въ ея присутствіи, нанося ей тяжелые уроны и причиняя большія потери. Поэтому-то она не пренебрегала ни одной мелочью, которая могла хотя немного

уничтожить зло, направленное противъ Россіи, или когда дѣло шло о малѣйшей пользѣ Россіи.

У Софіи Александровны были друзья и враги. Первымъ она помогала, вторые ея боялись, но были и колеблющіеся новички ея дѣла, утомленные жизнію и непрестанною борьбою. Эти особенно пользовались ея защитой, заступничествомъ и нравственною поддержкою. Но необычайно нѣжно ухаживала она и за поляками, которые были на пути къ братскому единенію съ русскими, также не забывала она всѣхъ принявшихъ православіе (еврея или поляка—ей было безразлично). Ей казалось, что слѣдуетъ скорѣе всего поддержать колебающагося поляка и новообращеннаго православнаго, ибо ихъ положеніе всегда трудное и часто становится невыносимо трагическимъ. Русскіе отъ малаго довѣрія—такого не защищаютъ, а поляки и евреи, мстя за обрусѣніе, жестоко преслѣдуютъ.

За всѣми друзьями или „вѣрными", какъ она ихъ называла, безпрестанно слѣдила Софія Александровна и всегда радовалась успѣхамъ и удачамъ ихъ дѣятельности, а знала она обо всѣхъ или изъ печатныхъ источниковъ, или изъ частной переписки, которая у нея была громадна. Успѣхъ друзей считала какъ бы своимъ собственнымъ успѣхомъ.

У нея и у ея единомышленниковъ задачи поставлены были ясно и опредѣленно, а шатанія и колебанія у нихъ быть не могло. О новомъ дѣятелѣ въ краѣ она судила безошибочно: если враждующіе поляки принимали его благосклонно и радушно—а она была всегда хорошо освѣдомлена—значитъ, не будетъ онъ полезенъ Россіи; если же польское общество заволновалось и встревожилось, а тѣмъ болѣе, если посыпалась на этого дѣятеля ругань и клевета, значитъ русское дѣло въ отличныхъ рукахъ. Единственнымъ мѣриломъ для оцѣнки людей и событій въ ея глазахъ *была любовь и польза Россіи*. Оторванный отъ почвы космополитъ, по ея мнѣнію, способенъ на всякое зло. „Чего ждать отъ человѣка, который не признаетъ Родины?, говорила Софія Александровна.—„Сегодня хорошъ, завтра дуренъ, смотря по обстоятельствамъ".

Софія Александровна Левицкая была писательница, но своеобразная. Ея стихотворенія, подписанныя „Русской солдаткой", печатались въ изданіяхъ И. С. Аксакова: „День"

„Русь“, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, „Варшавскомъ Дневникѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ Каткова и заграничныхъ русскихъ изданіяхъ: „Слово“, „Наука“, „Просвѣщеніе“ и др.

Примѣромъ настроенія и глубокаго сочувствія Софіи Александровны ко всякому проявленію славянскаго возрожденія и почина можетъ служить ея стихотворное привѣтствіе вѣнскимъ студентамъ изъ русскихъ славянъ—Буковины,—учредившимъ послѣ многихъ хлопотъ маленькій кружокъ единоплеменниковъ въ Вѣнѣ, австрійской столицѣ нѣмецко іудейскаго закабаленія и коварнаго преслѣдованія всего славянскаго. Не забудемъ, что Софія Александровна, будучи полькой по рожденію и воспитанію, усвоила русскій языкъ довольно поздно, что не могло не отразиться на ея слогѣ. Стихотвореніе относится къ 1886 г. Привѣтъ вѣнскимъ студентамъ славянамъ слѣдующій: *„Русскому Академическому Обществу Буковина“* на добрую память отъ всецѣло преданной Святому Русскому Дѣлу Софіи Левицкой-Леонтьевой.

„Честь и слава Вамъ, Родные!
Шагъ Вашъ смѣлъ и трудъ великъ...
Онъ далъ Вамъ плоды благіе.
Слышенъ зовъ!... Отчизны кликъ
Призываетъ къ полю брани
Дѣльныхъ родины сыновъ
Вы съ мечемъ святымъ во длани
Дружно гряньте на враговъ!
Собирайтесь твердо, славно
Честью довершить труды.
Васъ хранитъ Орелъ Державный
Отъ злыхъ козней и бѣды. [1])

Русская Солдатка.

Варшава
мая 23-го 1886 года.

Во вдохновенныхъ горячихъ спорахъ и рѣчахъ она умѣла облекать въ осязательные образы самыя отвлеченныя мысли, особенно когда предметъ спора или проповѣди относился къ излюбленнымъ ею задачамъ и предначертаніямъ Россіи и всего Славянства.

[1]) Тутъ допущены нѣкоторыя редакторскія поправки, вслѣдствіе явныхъ неисправностей, вкравшихся въ текстъ стиха. *М. Ф. Т.*

Ея историческія познанія были обширны и глубоки. Софія Александровна изучила подробно исторію Православной церкви, римскаго католицизма и уніатства, такъ-же тщательно, какъ и исторію Россіи, Литвы и Польши. Но наиболѣе страстно занималась она политикой, и тутъ обнаруживала не только глубоко-обдуманное знаніе, но высказывала зачастую удивительную остроту соображенія и замѣчательную проницательность, часто оказывающуюся пророчествомъ.

Особенную ненависть питала она къ ксендзамъ. Вообще ксендзовство было для нея чернымъ пятномъ. Все зло, по ея мнѣнію, происходило отъ нихъ. Они тлетворно разжигаютъ фанатизмъ въ сердцахъ женщинъ, заставляютъ ихъ угрозами вѣчныхъ мукъ, отстраненіемъ отъ Св. Причастія и отлученіемъ отъ церкви, искусственно поддерживать въ мужчинахъ ненависть къ Русскимъ и коварно наталкиваютъ ихъ на безумныя выходки и нелѣпыя авантюры. Вотъ почему примиреніе Польши съ Россіей полагала она возможнымъ только при возсоединеніи поляковъ римско-католиковъ со Святымъ Православіемъ и эти положенія доказывала убѣжденно и научно.

Софія Александровна не сомнѣвалась въ неизбѣжномъ и окончательномъ торжествѣ Православія и Славяно-Русскаго просвѣщенія, ибо прежде конца свѣта Славяне должны слиться въ одно духовное цѣлое. Это обѣщано и должно исполниться. „Въ силѣ зла я часто вижу“, говорила она „пробужденіе добра“. Въ такомъ направленіи Софія Александровна прилежно и безъ устали работала полъ вѣка. Мы же зная, что она была дочь иновѣрческой семьи—отецъ лютеранинъ, а мать католичка—и сама даже долго послѣ замужества оставалась ревностной исповѣдницей вѣрованія матери—не можемъ не радоваться силѣ Русскаго просвѣщенія и благодати Православной церкви, явленныхъ въ ней.

Въ короткихъ словахъ внѣшнее теченіе жизни Софіи Александровны было слѣдующее:

Родилась въ городѣ Минскѣ, нѣкоторые полагаютъ въ 1812 или 1813 году, другіе отмѣчаютъ 1819 годъ, какъ годъ ея рожденія. Этотъ послѣдній вѣрнѣе, ибо стихотвореніе, написанное мнѣ и приложенное къ ея свѣтописному снимку, отмѣчено слѣдующими словами:

„Восьмидесяти-трехлѣтняя старица Софія Леонтьева-Левицкая. Варшава. Ноября—1902 г.“.

Отецъ ея лютеранинъ—Александръ Фердинандовичъ фонъ-Генрици итальянскаго происхожденія. Мать католичка Дельфина Бургельская.

Въ Варшаву Софія Александровна попала до польскаго возстанія 1830 года, потеряла мать на 12 году, т. е. въ 1831 г., и получила дальнѣйшее воспитаніе въ семьѣ родственника отца по причинѣ его постоянныхъ разъѣздовъ и походовъ, а именно въ семьѣ Ивана Ивановича Ильяшевича, человѣка чисто русскаго, православнаго. Софія Александровна пережила всѣ ужасы и звѣрства, которымъ подвергались русскіе во время двухъ бунтовъ въ 1830 и 1863 годахъ, какъ напримѣръ случай, когда въ пасхальную ночь въ храмѣ Божіемъ во время богослуженія были вѣроломно перерѣзаны русскіе солдаты, застигнутые врасплохъ во время пѣнія „Христосъ Воскресе“. Въ ея глубоко вѣрующей душѣ такое коварство не могло не оставить неизгладимыхъ слѣдовъ.

На ея памяти началъ управлять краемъ намѣстникъ Фельдмаршалъ Князь Паскевичъ. Софія Александровна помнила также, когда утверждалась въ Варшавѣ Православная епископская каѳедра.

Въ 1842 году она вышла замужъ за русскаго военнаго, дежурнаго генерала при намѣстникѣ—Петра Яковлевича Леонтьева-Левицкаго, который въ 1763 году былъ назначенъ предсѣдателемъ военно-судной комиссіи, и ему приходилось утверждать смертные приговоры вѣроломнымъ повстанцамъ. Примѣрно въ это время, послѣ долгихъ сомнѣній, терзаній и мученій, убѣдившись въ превосходствѣ Православія надъ католицизмомъ, какъ то разомъ рѣшилась Софія Александровна присоединиться къ церкви мужа и дѣтей.

Со времени перехода въ Православіе Софія Александровна посвятила себя Русскому дѣлу, но дѣятельность ея особенно усилилась и стала извѣстною только 1871 г. когда она, потерявъ мужа, желала по ея собственнымъ словамъ, „вдовство свое наполнить добрыми дѣлами“. Въ то время приготовлялось возсоединеніе Холмскихъ уніатовъ съ Православіемъ, которое воспослѣдовало въ 1875 г. Софія Алек-

сандровна много содѣйствовала успѣху этого дѣла, оставаясь до конца жизни дѣятельною собратчицею Холмскаго Православнаго Св. Богородицкаго Братства, золотой знакъ котораго съ образомъ Божіей Матери любила носить на правомъ плечѣ. Софія Александровна приняла также участіе въ возникновеніи въ Варшавѣ Русскаго Благотворительнаго Общества и Отдѣленія Краснаго Креста, гдѣ она лично трудилась, ухаживая за ранеными и больными и утѣшая ихъ во время Русско-турецкой войны 1877—78 г. Она также содѣйствовала устройству санитарнаго поѣзда и лично собирала съ кружкою въ рукахъ копейки, обходя базары, улицы, площади и людныя мѣста города.

Въ 1880 году при учрежденіи въ Варшавѣ церковнаго Свято-Троицкаго братства, она была избрана товарищемъ предсѣдателя братства. Она всегда старалась содѣйствовать и духовно и своими личными средствами успѣхамъ Православія въ Холмщинѣ и Подляшьѣ и укрѣпляла русское самосознаніе въ Галицкой Руси. Особенно любила она помогать выходцамъ изъ зарубежной Руси, когда они попадали въ стѣсненныя обстоятельства. Вообще скромная до крайности въ своихъ личныхъ потребностяхъ, она много жертвовала на монастыри и на всякое русское общественное благотворительное дѣло. Она была также членомъ многихъ Обществъ внѣ Варшавы. Въ 1896 г. она ѣздила въ Петербургъ, гдѣ Славянское Благотворительное Общество избрало ее въ свои почетные члены и чествовало обѣдомъ.

Софія Александровна считалась благотворительницею почти всѣхъ галицко-русскихъ зарубежныхъ Обществъ. Многіе выдающіеся русско-славянскіе дѣятели состояли съ Софіей Александровной въ перепискѣ, нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали къ ней въ Варшаву.

Въ 1885 году гостили у нея Славяне, возвращавшіеся съ Кирилло-Меѳодіевскихъ празднествъ въ Петербургѣ. Въ числѣ ихъ находился бывшій сербскій министръ Ристичъ, словацкій поэтъ Гурбанъ-Ваянскій и галицкіе дѣятели: протоіерей Наумовичъ, В. М. Площанскій, адвокатъ Добрянскій, о. А. Марковъ, о. А. Мончаловскій и другіе [1]).

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ сообщенія В. Д. № 76 Московскихъ Вѣдомостей.

Холмскому братству пожертвовала она значительную часть своего цѣннаго собранія книгъ, состоявшаго изъ 1000 томовъ, другую половину передала въ книгохранилище Народнаго Дома во Львовѣ и завѣщала передать послѣ ея кончины портретъ, написанный художникомъ Демковымъ, альбомы, свѣтописные снимки, нѣкоторыя книги и часть переписки нашему Галицко-Русскому Благотворительному Обществу, часть которыхъ уже доставлена намъ.

Софія Александровна принимала личное участіе въ 1889 году въ празднованіи 50-лѣтія возсоединенія сѣверо-западныхъ уніатовъ въ Вильнѣ, а въ 1892 г. участвовала въ торжествѣ празднованія 900-лѣтія учрежденія волынской епархіи въ Владимірѣ-Волынскомъ.

Когда генералъ А. Ф. Риттихъ, членъ правленія Русскаго Собранія, обратился ко мнѣ съ просьбою способствовать устройству отдѣленія въ Варшавѣ, то друзья мои въ Варшавѣ прямо направили меня къ Софіи Александровнѣ, съ чего и началось наше знакомство. Она своими совѣтами положила основаніе этому дѣлу и оставалась до конца жизни, какъ-бы невидимой, но возбуждающей руководящей силою вновь возникающаго отдѣла. Какъ извѣстно, это начинаніе не заглохло, уставъ выработанъ и въ него включили слова „Православіе, Самодержавіе и Народность", на чемъ особенно настаивала Софія Александровна, чтобы сразу удалить всѣ космополитическіе элементы, которые къ сожалѣнію втерлись-таки при самомъ началѣ дѣла въ среду русскихъ дѣятелей. Она приняла такъ-же посильное участіе во вновь образовавшемся въ Варшавѣ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православія. Принимала она участіе еще въ многочисленныхъ другихъ обществахъ, перечень которыхъ слишкомъ длиненъ, чтобы можно было передать полностью.

Софія Александровна Леонтьева-Левицкая такимъ образомъ представляетъ изъ себя явленіе необыкновенное и совершенно исключительное. И. С. Аксаковъ, считая ее инороднаго происхожденія, выражалъ сожалѣніе, что нѣтъ такихъ русскихъ *женщинъ-дѣятелей*, какъ Софія Александровна. Для просвѣщенной женщины настоящаго первнаго времени непонятна даже ея почти шестидесятилѣтняя кипучая боевая общественная дѣятельность, такъ какъ въ послѣдніе только

годы старчества и болѣзни ограничивалась она кабинетными занятіями. Въ ней самой былъ источникъ живой силы и горячей вѣры, въ ней самой былъ запасъ разумной энергіи, она была женщина строгихъ опредѣленныхъ правилъ и возвышеннаго духовнаго и творческаго настроенія. Весь смыслъ ея жизни былъ въ благѣ Россіи. Слово „Русскій“ принимало въ ея устахъ священное значеніе и было мѣриломъ всего хорошаго, достойнаго и добродѣтельнаго.

Дополнимъ наше краткое изложеніе ея жизненнаго пути воспоминаніемъ Н. И. Мердеръ, нѣсколько подымающимъ завѣсу съ тайны ея удаленія изъ католицизма.

„Въ городѣ ходили странные слухи про ея прошлое. Я слышала отъ многихъ старожиловъ, будто по рожденію, воспитанію и религіи она была Полька, вышла въ очень молодыхъ годахъ за русскаго офицера и, раздѣляя всѣ труды и опасности во время польскихъ смутъ и честно воспитывая своихъ дѣтей въ вѣрѣ ихъ отца, сама и не помышляла измѣнять католической Церкви. На переходъ къ Православію и на пробужденіе въ ея душѣ страстной, беззавѣтной любви и преданности къ Россіи повліялъ, будто-бы, ея духовникъ, возымѣвшій дерзкое и гнусное намѣреніе злоупотребить ея общественнымъ положеніемъ, какъ жены выдающагося русскаго дѣятеля въ краѣ, чтобы заставить ее совершить преступленіе на пользу возстанія, а именно—*отравить мужа.*

Если въ этой легендѣ нѣтъ и тѣни правды, она, тѣмъ не менѣе, знаменательна, какъ потребность найти въ чемъ-бы то ни было объясненіе изумительной стойкости ея убѣжденій, страстности ея симпатій и антипатій и неуклонности въ преслѣдованіи цѣли, которой она посвятила всю свою жизнь. Если-же прибавить къ этому ея, поистинѣ, изумительное знаніе всѣхъ оттѣнковъ и особенностей польской натуры и замѣтный польскій акцентъ въ ея рѣчи, а такъ-же не русскій типъ лица, то еще понятнѣе будетъ, какъ правдоподобна была окружавшая ее легенда.

Какъ она сама относилась къ этой легендѣ, и была-ли она ей извѣстна,—я сказать не могу. Тайну эту она унесла въ могилу. Никогда не касалась она ея въ длинныхъ интимныхъ разговорахъ, которые вела со мною, и одинъ только разъ услышала я отъ нея нѣчто въ родѣ намека на это обстоятельство, но намека столь отдаленнаго и смутнаго, что

я не въ правѣ основывать на немъ никакихъ предположеній.

Однажды, лѣтнимъ вечеромъ, или лучше сказать темною душною ночью, сидѣла она со мною у растворенной на балконѣ двери, прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ музыки и глухого гула толпы, веселящейся въ садикахъ при многочисленныхъ цукерняхъ, которыми изобилуетъ городъ. Разговоръ не клеился, она была задумчива, точно послѣ дурного извѣстія. И вдругъ, навѣяла-ли на нее эта ночь особенно тяжелыя воспоминанія, которыми явилась потребность подѣлиться, или захотѣлось ей воспользоваться случаемъ познакомить меня поближе съ таинственными особенностями чуждаго мнѣ края, въ который судьба забросила меня на время,—особенностями чисто духовнаго свойства и недоступными перу никакого историка—такъ или иначе, но, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, она объявила, что во всемъ, что происходитъ въ настоящее время на землѣ она усматриваетъ начало конца.

— Конца свѣта? спросила я.

— Нѣтъ, до этого Славяне должны слиться въ одно цѣлое. Это обѣщано и должно исполниться. Въ силѣ зла я часто вижу пробужденіе добра...

И она разсказала мнѣ гнусную, преступную драму, разыгравшуюся здѣсь много лѣтъ тому назадъ, въ самый разгаръ возстанія, въ одномъ изъ здѣшнихъ костеловъ, съ женщиной изъ высшаго общества, женой русскаго общественнаго дѣятеля, которую ксендзъ публично отстранилъ отъ Св. Причастія, громогласно объявивъ, что она такъ-же недостойна причащаться Тѣла и Крови Христова, какъ и Іуда Предатель.—Это была месть за ея отказъ исполнить приказаніе, данное ей на исповѣди.

Когда она это говорила, я не въ силахъ была спустить глазъ съ ея лица, постепенно блѣднѣвшаго отъ волненія; голосъ ея обрывался, глаза сверкали злобнымъ блескомъ. Невольно заразившись ея волненіемъ, у меня тоже дрожь пробѣжала по тѣлу отъ ужаса и негодованія предъ кощунственнымъ шантажемъ, предъ гнуснымъ насиліемъ, совершеннымъ надъ вѣрующею душой, которой, безъ сомнѣнія, предлагали совершить нѣчто чудовищное, если она рѣшилась ослушаться приказанія, не взирая на угрозы вѣчныхъ мукъ и проклятія верховнаго повелителя Церкви...

— Это съ вами было, Софія Александровна? затрепеталъ у меня на губахъ вопросъ.

Но, къ счастью, слова эти не выговорились, и, кажется она была благодарна мнѣ за то, что я не коснулась той изъ многочисленныхъ ранъ ея сердца, которую даже и само время безсильно было заживить.

Простилась она со мной нѣжнѣе обыкновеннаго и убѣдительно просила скорѣе ее навѣстить... для того можетъ быть, чтобы досказать начатый разсказъ и не оставлять меня въ недоумѣніи на счетъ важнѣйшей минуты въ ея жизни, столь богатой страшными приключеніями и тяжелыми испытаніями.

Но этому не суждено было случиться, на той-же недѣлѣ я уѣхала въ деревню, а по возвращеніи должна была неожиданно и навсегда покинуть Варшаву.

Прощаясь съ Софіей Александровной, я обѣщала ей непремѣнно пріѣхать на будущій годъ ее навѣстить, но она на это отвѣчала только печальной улыбкой: въ ея лѣта жизнь считается не мѣсяцами, и даже не недѣлями, а днями, а дни ея были сочтены".

Въ заключеніе мнѣ остается привести нѣсколько мыслей Софіи Александровны изъ моихъ воспоминаній о ея глубоко захватывающихъ душу бесѣдахъ.

Часто наши разговоры касались чисто духовныхъ предметовъ, причемъ знакомство ея съ трудами Епископа Θеофана, затворника Вышенскаго, доставляло мнѣ истинную отраду: такъ мало еще знаютъ и цѣнятъ этого великаго ученаго богослова, оцѣненнаго Софіей Александровной. Она вообще высоко ставила духовность, какъ самый сильный побудитель исторической народной и личной жизни каждаго. Тутъ спора у насъ не возникало и моя исповѣдь, по предметамъ этой области, встрѣчала сочувственное одобреніе въ ея своеобразномъ короткомъ утвержденіи: „такъ, такъ". Но въ чемъ я встрѣчалъ несогласіе и живое даже страстное опроверженіе—это въ моей снисходительности къ полякамъ и увѣренности близкаго ихъ кореннаго братанія съ русскими и вообще славянами. Софія Александровна, зная мои воззрѣнія изъ русскаго изданія „Славянскаго Вѣка", выходящаго въ Вѣнѣ, о всеславянскомъ примиреніи, непрестанно уберегала меня отъ увлеченія поляками. Она, тонко изучив-

шая смертельную болѣзнь польской психики, старалась выяснить мнѣ не только значеніе обычной польской лжи, но и понятіе польскаго коварства и измѣны,—то, что принято называть по имени героя поэмы Мицкевича *валенродизмомъ*. Это—злобное предательство, и змѣиное лукавство, дѣлающее самого творца валенродизма „поэта измѣны и предательства“ гнуснымъ рабомъ, подкрадывающимся, какъ змѣя, къ своему господину“ [1]).

Впослѣдствіи, познакомившись съ возмутительнымъ стихотвореніемъ Мицкевича „До матки Польски“—„Польскимъ матерямъ“, написаннымъ имъ въ 1830 г., со взглядомъ на Мицкевича д-ра Ивана Франка, изложеннымъ въ книжкѣ „Поэтъ измѣны“, съ критико-біографическимъ очеркомъ Л. Волкова, одного изъ друзей Софіи Александровны, а главнымъ образомъ—съ произведеніемъ такъ-же ближайшаго ея друга К. О. Де-Скроховскаго „Отъ мрака къ свѣту“ и его-же „Начало конца Римскаго католицизма и папства“, я сталъ понимать то, о чемъ предупреждала меня Софія Александровна.

„Помни“, говорила она мнѣ не разъ, „самый злѣйшій и притомъ скрытый, внутренній врагъ Россіи и Славянства „ксендзъ и полякъ“.—Россія, объясняла она мнѣ, какъ-бы на почвѣ пропитанной взрывчатымъ веществомъ, какъ-бы на постоянномъ вулканѣ: измѣнническій взрывъ, коварное изверженіе произойдетъ тамъ, гдѣ всего меньше опасаются.

Самая тонкая, но всегда безжалостная іезуитская измѣна—характерная черта ксендза и враждебнаго намъ поляка. Только торжество Православія измѣнитъ духовность нашихъ враговъ, но С. А-на не предвидѣла скораго наступленія этого перерожденія. Видимое примиреніе русскихъ съ поляками—искренно со стороны первыхъ, но не существуетъ у вторыхъ. Игра поляковъ въ примиреніе всегда вредна русскому, а имъ полезна, ибо при этомъ поляки, не уничтожая въ себѣ ненависти къ русскимъ, выговариваютъ и выманиваютъ себѣ новыя значительныя льготы, которыхъ лишены русскіе въ краѣ.

Софія Александровна смотрѣла такъ-же неодобрительно на стремленіе русскихъ къ возстановленію народной одежды

[1]) Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Варшава, 1897 стр. 68.

для образованнаго класса: она понимала это такъ, какъ смотрѣлъ на это Петръ Первый. Поляки воспользуются всецѣло этимъ возрожденіемъ народной одежды и охотно нарядятся въ кунтуши, а русскіе воспользуются слабо и непослѣдовательно и выйдетъ въ концѣ концовъ то, что полякъ и по наружности еще болѣе отдѣлится отъ русскихъ вмѣсто того, чтобы слиться. Только руссификацію чиновничьихъ мундировъ допускала повидимому она, подобно военнымъ мундирамъ, которые по почину Императора Александра III начали принимать народный видъ, что уже принесло большую пользу въ крестьянскомъ сословіи края, наряду съ развитіемъ русской грамотности у солдатъ.

Послѣдняя наша бесѣда коснулась одной польской статьи, появившейся въ польскомъ журналѣ, въ которомъ съ упоеніемъ перечислялись фактическіе успѣхи постепеннаго ополяченія внутреннихъ губерній Россіи. Всѣ положенія статьи кончались восторженнымъ припѣвомъ „Отъ Варшавы до Тобольска, будетъ сплошь одна лишь Польша“— „Бендзе вшендзе една Польска“. Софія Александровна, читая глазами по польскимъ строкамъ, свободно передавала содержаніе по русски, и на этотъ разъ, защищая русское дѣло и русскія права, была настоящимъ краснорѣчивымъ витіей и строгой обличительницей поляковъ. Да, она не любила, ненавидѣла польскую ложь...

Но многіе, въ свою очередь, ненавидѣли и ее, скажемъ мы словами Н. И. Мердеръ: „ненавидѣли за нетерпимость, упрекали въ жестокости, въ пристрастіи, въ суровой требовательности подвиговъ подъ видомъ долга и служенія Родинѣ. Многіе ее боялись, сознавая, что она ни передъ чѣмъ не остановится, когда дѣло идетъ о томъ, что она считала пользой для Россіи; но на всѣхъ безъ исключенія производила она впечатлѣніе существа, стоящаго выше толпы и смотрѣвшаго на нее сверху внизъ. Тѣ-же, кому выпало счастье коротко ее узнать и кого она удостоивала своею дружбой, не могли не любить ея всѣмъ сердцемъ и не сожалѣть, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ, и что она ушла именно въ ту минуту, когда такъ усердно раздуваемая ею искра (русскаго самосознанія) внезапно разгорѣлась яркимъ пламенемъ по всей Россіи, благодаря нападенію язычниковъ на Православную Русь“.

„Такого великаго счастья она не предвидѣла, но безъ сомнѣнія радуется ему на небесахъ, изъ блаженной обители, уготованной ей Богомъ за вѣрное, доблестное, и безстрашное служеніе Родинѣ".

Вѣчная память Тебѣ, дорогой, многолюбимой старицѣ Софьѣ Александровнѣ—Тебѣ, великой незабвенной поборницѣ и защитницѣ Святого Русскаго дѣла и всеславянскаго духовнаго объединенія!

Свои книги и свой портретъ, писанный масляными красками художникомъ изъ числа нашихъ братьевъ славянъ, Софія Александровна завѣщала Галицко-русскому благотворительному обществу въ Петроградѣ и они сохраняются нынѣ у секретаря общества В. С. Драгомирецкаго Демидовъ пер., домъ № 2.

Баронъ М. Ф. Таубе.

Молитва.

Эту ночь я не спалъ. Я сидѣлъ за столомъ,
Весь объятый безбрежной тоской,
Безъ надежды, безъ вѣры, глядѣлъ я кругомъ,
Впереди мнѣ казалось все тьмой.
Лучъ лампады дробился, дрожалъ по стѣнамъ,
Колебался тѣни въ углахъ,
И усталый свой взоръ я возвелъ къ образамъ
Съ безотчетной мольбой на устахъ.
Я не зналъ и не знаю, о чемъ я молилъ,
Я не зналъ, чего ждать и просить,
Я лишь жаждалъ, чтобъ въ сердце покой мнѣ
Онъ влилъ,
Я искалъ лишь тоску утолить.
И я видѣлъ, какъ съ тѣнью сомнѣнья слились
И, склубившись, исчезли въ углу,
И лампады лучи мнѣ на сердце лились,
Разгоняя печаль и тоску.
И когда лучъ зари заглянулъ мнѣ въ окно,
Разлетался туманъ впереди,
Въ сердцѣ было свѣтло, сердцу было легко,
Сила жизни дрожала въ груди...

В. Ермоловъ.

НОЧЬ ПОСЛѢ ХРАМОВОГО ПРАЗДНИКА.

(Происшествіе 1812 года).

Отецъ Симеонъ Соколовъ вернулся домой съ пирога и обѣда у помѣщицы, по случаю храмоваго праздника престола Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Матушка попадья встрѣтила его съ ребенкомъ на рукахъ.

— Разсказывай, батя, кого видѣлъ, что слышалъ, что о французѣ говорятъ?

— Постой, постой, мать моя, не все сразу. Дай прежде разоблачиться да прическу повольнѣе себѣ устроить. Сбитень горяченькій есть?

— Ключемъ кипитъ! Дай Шурочку положу, а тамъ несу. У нея должно быть зубки идутъ; что-то неспокойна она все.

— Вотъ за сбитнемъ и побесѣдуемъ съ тобою. Слыхалъ то я у барышни воистину много занятнаго и поучительнаго, а ты со своимъ женскимъ любопытствомъ потерпи малую толику.

И не спѣша отецъ Симеонъ снялъ рясу, вычистилъ ее щеткою и повѣсилъ въ шкапъ, перемѣнилъ новый подрясникъ на старый, слегка протертый на локтяхъ; затѣмъ, ставъ передъ зеркаломъ, расчесалъ себѣ густые бѣлокурые волосы и заплелъ ихъ въ толстую длинную косу. Все это дѣлалось не спѣша. Покончивъ всѣ дѣла свои, онъ сѣлъ за столъ, на которомъ уже стояла баклага, полная горячаго сбитня, и сказалъ усмѣхаясь:

— Ну теперь, мать, спрашивай о всемъ, что хочешь. Я буду отвѣтствовать.

Отецъ Симеонъ и жена его были оба молоды. Ему было тридцать три года, а ей менѣе тридцати. Оба были невысоки ростомъ, бѣлокуры и голубоглазы, плотнаго кругленькаго тѣлосложенія. Но жена отличалась суетливою подвижностью,

мужъ—невозмутимостью нрава и ненарушимымъ хладнокровіемъ. Семь лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ они обвѣнчаны и какъ онъ священствуетъ въ селѣ, и каждый день жена куда-то торопится, о чемъ-то хлопочетъ, что-то выпытываетъ, а мужъ возмущаетъ ее своимъ неприступнымъ спокойствіемъ и привязанностью къ неизмѣнному порядку, который она называетъ мертвечиною.

— Глупенькій ты попишка, полусмѣясь, полусердясь сказала попадья. Только томишь меня и терзаешь.

— А ты не томись и не терзайся, внушительно сказалъ попъ. Допрашивай и, на каждый вопросъ твой, послѣдуетъ сообразный отвѣтъ съ моей стороны.

— Много гостей было?

— Все тѣ-же, какъ и ежегодно.

— Что о французахъ говорятъ?

— Да новаго почти ничего, кромѣ того, что мы сами знаемъ. На той еще недѣлѣ имъ жестокое избіеніе подъ Малоярославцемъ Кутузовъ, Милорадовичъ, Дохтуровъ и Платовъ учинили. Бонапартъ едва ушелъ отъ русскаго плѣна. Онъ двинулся къ Вереѣ, гдѣ къ нему присоединились и другія французскія силы. Значитъ, попали они на прежнюю столбовую Московскую дорогу, которая отъ нихъ же самихъ уже подверглась самому страшному опустошенію, когда они шли на Москву. Они и безъ того проголодались весьма изрядно, а теперь они не встрѣтятъ ни крова, ни пищи. Изъ Вереи они прошли на Можайскъ, Гжатскъ и третьяго дня заняли Вязьму.

— Ахъ какіе ужасы! воскликнула матушка.

— А наши то-же не теряютъ времени. Всѣ, которые были въ Кременскомъ, черезъ Кузово, Сулейку, Дуброву и Быково подошли къ Вязьмѣ; тѣ, которые въ Егорьевскомъ, на Головино перешли къ Гжатску и прошли такъ-же вдоль дороги, по которой слѣдуетъ французъ. Значитъ, ловятъ мгновеніе, когда напасть на него и разбить его на этотъ разъ уже на голову. Теперь вотъ что сказываютъ: передовой отрядъ французовъ вчера ушелъ въ Семлево, другой въ Федоровскомъ, значитъ 12 верстъ не дошелъ до Вязьмы. А отъ Царева Займища еще ихъ движется множество. А наши: Кутузовъ изъ Медыни дошелъ до Дубровы 27 верстъ не доходя Вязьмы по Ельненской дорогѣ, Евграфъ Даниловичъ Озе-

ровъ самъ третьяго дня, гдѣ-то близъ Дубровы былъ. Съ Семеномъ Даниловичемъ да дядюшкою Семеномъ Петровичемъ видѣлся. Они вѣдь оба у Кутузова и много поучительнаго ему разсказывали, о чемъ онъ и намъ сообщалъ. Милорадовичъ въ Спаскомъ, 7 верстъ влѣво отъ Федоровскаго. Казаки идутъ изъ Царева Займища позади всѣхъ французовъ. У нихъ лихой генералъ Платовъ. Да еще около самаго города, говорятъ Фигнера да Сеславина видали. Это завѣдомо удалые молодцы-партизаны. Они безъ дѣла никуда не являются.

— А сюда придти не могутъ? спросила со страхомъ жена.

— Не такія здѣсь дороги, мать моя, чтобъ польстились по нимъ идти, увѣренно отвѣчалъ отецъ Семеонъ. Пойдутъ всѣ по большаку на Семлево.

Вдругъ на улицѣ передъ поповскимъ домомъ раздался густой басъ, разсыпающійся отборною бранью. Отецъ Симеонъ прислушивался и сказалъ:

— А вѣдь это нашъ Тимофей такъ въ неблагопристойномъ краснорѣчіи изощряется. Что съ нимъ? Вышли мы изъ барскаго дома вмѣстѣ. Онъ былъ ничего, весьма благопристоенъ, въ полной трезвости.

Недоумѣнію священника не было повода долго смущать его. Дверь открылась и вошелъ дьячокъ, Тимофей Докучаевъ, черный, смуглый, коренастый мужчина медвѣжьяго склада и нѣсколько цыганскаго облика. За нимъ шелъ рослый, сухожильный, костлявый, но крѣпкосложенный мужикъ лѣтъ за пятьдесятъ съ короткою и узкою темнорусою бородою клиномъ и блестящими темносѣрыми глазами. Все лицо его выражало крайнее волненіе. Онъ подошелъ къ священнику подъ благословеніе.

— Кирѣй! За что это тебя такъ Тимофей поносилъ? спросилъ отецъ Симеонъ.

— Не то что поносилъ, батюшка, вступился Тимофей, а по просту ругательски ругалъ. Да и какъ не ругать мерзавца окаяннаго? скачетъ на конѣ, какъ оголтѣлый, да прямо на меня. Чуть меня съ ногъ не сшибъ, озорникъ.

— Виноватъ! Очень ужъ спѣшилъ къ батюшкѣ да къ барышнѣ. Оповѣстить надо! Бѣда, разореніе, смертушка наша пришла.

— Что такое?

— Вязьма горитъ. Французъ басурманитъ. Дерутся и

въ Федоровскомъ и въ самой Вязьмѣ. Хрянцузины проклятые въ дома залѣзли, изъ оконъ по прохожимъ стрѣляютъ. И въ Кропивнѣ и у Ржавца и у Лобопера [1]) вездѣ дерутся. Въ городѣ краснаго пѣтуха съ четырехъ угловъ пустили, въ Кропивнѣ мостъ черезъ улицу-рѣчку сожгли, чтобъ наши въ Улицкое болото угодили и тамъ увязли. Цѣлый часъ изъ пушекъ безъ умолку палили.

— Это должно быть и мы слышали, вмѣшалась попадья. Только мы думали, что громъ вдали, гдѣ нибудь гремитъ. Еще удивлялись, что въ осеннюю Казанскую да въ такой холодъ можетъ гроза быть.

— Пушки, пушки, матушка, ей Богу, пушки! увѣрялъ мужикъ.

— А изъ всего сказаннаго выше, ничто тебѣ не могло во хмѣлю показаться? спросилъ священникъ. Дохни-ка на меня. Чѣмъ пахнетъ?

— Дышать на тебя, батюшка, нечего. Водку пилъ, водкою и пахну. Но ни въ одномъ глазѣ пьянъ не былъ. А если-бъ и былъ, то, послѣ сегодня виданныхъ страстей, всякій-бы хмѣль изъ головы выскочилъ. Сдѣлайте, батюшка, милость, оповѣстите барышню, уговорите ее куда уѣхать да и сами вы съ матушкою и малыми дѣтками утекайте. Завтра разореніе начнется. Хрянцузъ нагрянетъ, одна бѣда выйдетъ.

— Да ты мнѣ, Кирѣй, прежде всего повѣствуй, какъ ты въ городъ попалъ и почему въ столь великій праздникъ въ храмѣ Божіемъ не былъ? строгимъ голосомъ спросилъ отецъ Симеонъ.

— Въ городъ то я, батюшка, попалъ еще вчера. Ленъ продать хотѣлось да съѣстного и гостинцевъ и обновокъ дѣткамъ да внучатамъ купить. А заночевалъ не по своей волѣ. Коня отняли, телѣгу отняли, всѣ покупки отобрали.

— Кто? Гдѣ?

— Да все они, злые супостаты.

— Неужели въ городѣ?

— Нѣ! Вчера въ городѣ они всѣ смирно себя держали. Сегодня, какъ сраженіе началось, грабить и разорять только и принялись. А за городомъ, на выѣздѣ! Какіе-то оборвыши, видно бѣглые, а все-же изъ нихъ-же, изъ францу-

[1]) Рибопьера. Такъ искажаетъ народъ въ той мѣстности эту фамилію, нынѣ титулованную.

зовъ. Ружей у нихъ нѣтъ, а пистоли и ножи у всѣхъ. Вижу ограбили; пѣшій на Бѣльскій выѣздъ прошелъ. Тамъ у меня кумъ есть. Хотѣлъ у него грошами позаимствоваться. А у него на постоѣ хрянцюзины есть. Одинъ, полячокъ, по русски говоритъ. Онъ мнѣ совѣтуетъ: „ты, братику, обратись къ нашему начальству. Если запримѣтилъ ихъ рожи да, какъ одѣты, мы ихъ разыщемъ. У насъ набольшій маршалъ Ней. Онъ не велѣлъ обывателя грабить. На базарѣ мы все за чистыя деньги покупаемъ. А это бѣглые, міродеры [1]) прозываются. Самая сволочь! Ихъ мы сами разыскиваемъ и строго ихъ наказываютъ. Кого въ кандалы заковываютъ, а кого и разстрѣливаютъ“. Такъ я и заночевалъ у кума. Утромъ хотѣлъ къ хрянцузскому енаралу Нею жаловаться идти съ полячкомъ вмѣстѣ. А на зарѣ ихъ подняли почитай всѣхъ и въ Федоровское погнали. Я было до мойки собрался. Такая сутолока, что ни конному ни пѣшему не пробраться. Толкался, толкался. Много ушло подъ Федоровское, да много и въ городѣ при обозахъ и всякомъ иномъ дѣлѣ осталось. Дождался, какъ опять хрянцюзомъ всю Вязьму запрудило. Вернулся къ куму, выпросилъ у него лошадь, онъ меня на Бѣльскій большакъ проводилъ, а оттуда я вскачъ разными проселками да лѣсочками домой. Большаками уже боялся. Полячокъ говорилъ, что дуже по всѣмъ большакамъ міродеръ развелся. А какъ выѣхалъ къ Кручѣ, такъ вскачь и пустилъ коня, чтобъ васъ оповѣстить. Такъ какъ-же батюшка? Идти-ли къ барышнѣ? А сами то вы укладываться въ отъѣздъ будете?

— Къ барышнѣ пойду я одинъ, отвѣчалъ отецъ Симеонъ, и разскажу ей все, что отъ тебя узналъ. Тебѣ-же да Тимофею дамъ другое дѣло. Ты, Кирѣй, садись опять на своего коня да скачи прежде всего домой да разошли сыновей и внуковъ во всѣ деревни прихода, Радищевскія, и Потуловскія, и Озеровскія. На колокольнѣ забьютъ набатъ. Чтобъ всѣ собирались на погостъ, вооруженные, кто чѣмъ можетъ. Ружье-ли, вилы, косы, топоры, если у какого кузница добрая кувалда потяжелѣе—все тащи съ собою. Во храмѣ Божіемъ совокупно и единодушно Заступницѣ нашей Пресвятой Богородицѣ помолимся и Она, ради усердія молитвъ нашихъ, въ день празднованія святой иконѣ Ея Казанской, по-

[1]) Мародеры.

милуетъ насъ и отъ всѣхъ бѣдъ избавитъ. Спаси тебя Богъ. Садись на коня и отправляйся.

— А вы же, батюшка, какъ? спросилъ Кирѣй.

— Это не твоя забота, голубчикъ мой. Мы съ вами всѣми не разстанемся и никуда я не уйду отъ Престола Господа Всевышняго, къ служенію-Коего и къ охранѣ котораго я приставленъ священнымъ рукоположеніемъ епископскимъ. Особенно позорно было-бы бѣжать въ день празднованія храмоваго Престола. А ты, Тимофей, бѣги сейчасъ, пока я переодѣнусь, на погостъ. Вели Ивану сторожу идти на колокольню и, какъ только я прикажу, бить набатъ. Пусть его Филька станетъ подъ окномъ у барышни, подъ среднимъ въ гостинной. Какъ только я пойду къ окну и постучу пальцами по стеклу, Филька побѣжитъ къ колокольнѣ и закричитъ отцу: „звони“. Тогда пусть Иванъ звонитъ во всю силу. Съ Богомъ! Бѣги скорѣе!

Отецъ Симеонъ одѣлся, вышелъ изъ дома, спустился съ горы, на которой стояли жилища церковнаго причта, почему она и называлась Поповой горой, перешелъ черезъ мостъ на рѣчкѣ, впадающей въ озеро, вѣрнѣе мельничную запруду, которая отдѣляла Попову гору отъ другой горы, застроенной помѣщичьей усадьбою. Дорога сперва поднималась по лощинкѣ между двумя крутыми горками, увѣнчанными небольшими но старыми березовыми рощицами. Тамъ гдѣ обѣ горы соединяются въ одно плоскогорье, дорога идетъ по просѣкѣ въ рощѣ и наконецъ примыкаетъ къ длинной липовой аллеѣ, по правую сторону которой стоялъ погостъ съ церковью, а по лѣвую барская усадьба. Помѣщичій домъ приходился прямо противъ церкви. Отъ него въ одну линію и въ обѣ стороны тянулись всѣ хозяйственныя постройки. За домомъ былъ садъ, а за амбарами огородъ. Усадьба кончалась долиною съ другимъ ручьемъ, величаемымъ рѣчкою, совершенно сходнымъ съ тѣмъ, который только что перешелъ отецъ Симеонъ. За этою рѣчкою—обширный Потуловскій лѣсъ, владѣніе другихъ помѣщиковъ. Таково было село Дяшлево, Бунаково то-жъ, владѣніе изъ дворянъ дѣвицы Маріи Николаевны Радищевой девяносто лѣтъ тому назадъ. Гористы и изобилуютъ водами почти всѣ окрестности Вязьмы. Во время оно онѣ были богаты и лѣсами и многіе уголки въ нихъ вполнѣ заслуживали прозваніе: „Швейцарія въ ми-

ніатюрѣ". Хищная рука человѣка и небрежное хозяйничаніе многихъ владѣльцевъ значительно измѣнили картину къ худшему. Но тогда она была въ полной красѣ.

Помѣщичій домъ былъ деревянный, одноэтажный въ шесть комнатъ, на низкомъ кирпичномъ подвалѣ. Хозяйка еще не садилась ужинать. Былъ въ началѣ седьмой часъ, а она ужинала въ семь и ложилась въ десять. Узнавъ о приходѣ священника, она приказала подать скорѣе еще приборъ, а его просить въ гостинную, гдѣ она проводила большую часть дня. Мебель въ гостинной была, какъ и во всемъ домѣ, работы домашнихъ столяровъ. Диванъ и кресла были березоваго дерева, окрашенные въ черный цвѣтъ, съ совершенно прямыми спинками, безъ всякихъ украшеній. Обито было только сидѣніе волосяною тканью. Спинки-же были изъ камышеваго плетенія, натянутаго въ прямоугольныя рамки. Такое плетеніе употребляется нынѣ только для стульевъ въ столовыхъ. Въ такихъ-же березовыхъ рамкахъ были и зеркала. Въ одномъ углу былъ кіотъ съ иконами Смоленской Божіей Матери Одигитріи и святыхъ Анны Пророчицы и Маріи Магдалины. Въ другомъ углу стояла стеклянная горка съ бездѣлушками, фарфоровыми, бронзовыми и серебряными. На стѣнѣ надъ диваномъ висѣли портреты арміи секундъ-маіора съ красными лацканами артиллеріи, капитана временъ Екатерины II и особы въ красной шали и чепцѣ, которую по сходству лица нельзя было не признать за родную сестру сидящей на диванѣ хозяйки дома.

Помѣщица была уже не молода. Ей стукнуло пятьдесятъ шесть лѣтъ. Но она казалась гораздо моложе. Высокаго роста, стройная, всегда затянутая въ корсетъ, держащаяся прямо, какъ-бы на вытяжку, ходящая рѣшительною хотя и легкою походкою, круглолицая, съ всегда поднятою головою и смотрящими прямо въ лицо говорящему, большими выразительными глазами, она могла-бы сойти за тридцатипяти или сорокалѣтнюю, хотя расходящіяся отъ угловъ глазъ по вискамъ „гусиныя лапки", легкія складки у рта и поблекшій цвѣтъ лица, изобличали ея довольно почтенный возрастъ. Одѣта она была въ плотно облекающее станъ, весьма просто отдѣланное, темнофіолетовое платье. На плечи была накинута зеленая узорчатая кашемировая шаль. На головѣ кру-

жевной чепецъ съ фіолетовыми лентами. Она раскладывала пасьянсъ.

— Здравствуйте, батюшка, привѣтствовала она молодого священника, вставая и дѣлая ему шагъ на встрѣчу. Благословите.

— Благослови васъ Господь. Я къ вамъ, Марія Николаевна, по весьма важному дѣлу.

— А я только часъ, какъ проводила гостей, и вы меня застаете за дѣломъ самымъ пустячнымъ. Немножко устала, скоро ужинать, ни за какое дѣло браться не стоитъ. Со скуки самымъ старушечьимъ дѣломъ занимаюсь, на картахъ пасьянсъ раскладываю. А вы со мною поужинайте, я приказала вамъ и приборъ поставить. Пока намъ доложатъ, вы мнѣ и разскажете, въ чемъ ваше важное дѣло.

— Не пугайтесь, если сейчасъ услышите набатъ. Надо народъ собрать въ усадьбѣ.

— Зачѣмъ?

— Подъ Вязьмою происходитъ сраженіе, видимо не маловажное. Могутъ набѣжать какіе нибудь враги въ наши мѣста. Надо быть готовыми къ защитѣ. А мой вамъ совѣтъ, Марія Николаевна, велѣть людямъ сейчасъ укладываться и, какъ только будетъ все готово, то уѣзжать. За ночь до Днѣпра доѣдете. Тамъ переночуете, а завтра съ Богомъ продолжайте путь къ кому угодно изъ вашихъ родственниковъ въ Бѣльскій уѣздъ. Возьмите охрану крестьянъ, изъ охотниковъ на птицу и звѣря. Мы же ваше добро здѣсь и безъ васъ побережемъ. Все сохранно будетъ.

— И вы сражаться собираетесь? удивленно спросила Марія Николаевна.

— Принося Господу Богу жертву безкровную, пастырь церкви не можетъ проливать кровь, кольми паче человѣческую! отвѣчалъ ей отецъ Симеонъ. Но я долженъ поддерживать ихъ мужество передъ опасностью, угрожающею алтарямъ Господнимъ и беззащитнымъ старцамъ, женамъ и младенцамъ. Не допущу я, чтобъ и вы были беззащитны среди изверговъ, пока я живъ. Сражаться даже съ врагомъ я не могу. Но руководить дѣйствіями вашихъ людей, наставлять ихъ, чтобъ они распоряжались разумно и успѣшно, я не только могу, но и долженъ.

Отецъ Симеонъ подошелъ къ среднему окну гостинной

и забарабанилъ по стеклу. Филька побѣжалъ къ колокольнѣ съ громкимъ крикомъ. Тотчасъ раздался набатъ, по которому весьма скоро началъ стекаться народъ на сельскій погостъ вокругъ церкви. Между тѣмъ Марія Николаевна и отецъ Семеонъ сѣли ужинать. Разговоръ ихъ продолжался.

— Не думаете ли вы, батюшка, что имѣніе мое можетъ потерпѣть кару Божію за грѣхи прежнихъ владѣльцевъ? спросила помѣщица.

— Правосуденъ и многомилостивъ Богъ! отвѣчалъ священникъ. Были говорятъ, такіе толки въ народѣ въ старину. Но я полагаю то были толки и мнѣнія грѣховные.

По ученію христіанскому отвѣчаетъ каждый передъ Богомъ и людьми лишь за свои поступки. Можетъ быть такъ-же грѣхомъ принятіе завѣдомо неправеднымъ путемъ пріобрѣтеннаго имѣнія.

Ничего же такого для васъ не существуетъ. Вамъ и покойной Аннѣ Николаевнѣ братецъ вашъ Андрей Николаевичъ правильно и законно передалъ записью имѣніе сіе, такъ какъ хозяйничать по службѣ ему не досугъ. А пріобрѣлъ всю эту недвижимость дядюшка вашъ Михаилъ Авдѣевичъ еще въ 1770 году у дѣвицъ Вяземскихъ, Екатерины, Маріи и Анны Никифоровны, весьма правильною покупкою. Значитъ и въ семьѣ вашей грѣха ни на комъ не лежитъ. А дѣдушка Вяземскихъ, Никифоръ Кондратьевичъ, точно былъ грѣшенъ Богу, Царю и Отечеству—сіе весьма правильно. Царь Петръ Великій довѣрилъ ему воспитаніе единороднаго сына своего царевича Алексѣя Петровича, а покойникъ, прости ему Господи, сказался рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ, не добру а злу научалъ царевича и воспиталъ въ немъ не наслѣдника великихъ дѣлъ отца своего, а злого супостата Царю и Отечеству. За сіе Богъ жестоко покаралъ царевича, а Никифоръ Кондратьевичъ пострадалъ, окончивъ дни живота своего въ ссылкѣ въ Архангельскѣ. Имъ по дѣламъ ихъ уже воздано. И легко догадаться, что купилъ имѣніе подъ Вязьмою Никифоръ Конратьевичъ ради суетнаго тщеславія, чтобъ прослыть потомкомъ князей Вяземскихъ, о чемъ онъ и иными способами давно хлопоталъ. А и про Никифора Кондратьевича хранится память, что былъ онъ человѣкъ хотя неразумный, а добрый, къ малымъ людямъ милостивый и къ церкви Божіей усердный.

А братъ его Петръ Кондратьевичъ, что въ Смоленскѣ дьякомъ въ помѣстномъ приказѣ служилъ, много порадѣлъ для церкви села нашего. Много иконъ благолѣпныхъ и утвари дорогой пожертвовано имъ, о чемъ имѣемъ записи въ книгахъ и даже надписи на самыхъ предметахъ. А внучка отъ другого сына Никифора Кондратьевича, Екатерина Андреевна, когда старая церковь сгорѣла, построила нынѣ существующую уже на два придѣла. Прежде былъ одинъ лишь престолъ Введенія во Храмъ Пресвятой Богородицы, а съ 1760 года воздвигнутъ и второй Казанской Божіей Матери, отъ усердія Екатерины Андревны. Петръ Кондратьевичъ былъ еще опекуномъ, пока братъ находился въ ссылкѣ, а въ числѣ дѣтей находились малолѣтніе. Екатерина же Андреевна селу нашему совершенно постороній человѣкъ—лишь двоюродная сестра помѣщицъ. Всѣмъ имъ отъ избытковъ своихъ хотѣлось искупить пожертвованіями грѣхъ покойнаго Никифора Кондратьевича и донынѣ записанъ онъ у насъ въ вѣчное поминовеніе. Грѣхъ его не можетъ лежать ни на семьѣ его, ни на имуществѣ, когда то принадлежавшемъ ему. Да и вѣрьте Марія Николаевна, что правосудіе и милость Божія не допустятъ, чтобъ невинный пострадалъ за виновнаго. Моя забота не о томъ. Людей у насъ мало. У васъ девяносто душъ, у Озерова генерала, Семена Петровича, въ нашемъ приходѣ столько же, да у Елизаветы Яковлевны Потуловой сто душъ. Всего 280 мужеска пола на весь приходъ. Щелинскіе да графа Сапѣги люди за рѣкою конечно такъ-же будутъ сторожить, но ихъ дѣло особливое. Итакъ у насъ 280 человѣкъ. Есть и старые и малые, и немощные. Да еще при деревняхъ придержать надо годныхъ, если не для обороны, то хоть для надзора за крестьянскимъ добромъ. Да Елизаветѣ Яковлевнѣ съ дѣтками охрану надо отдѣлить. Да вамъ въ дорогу провожатыхъ. Значитъ человѣкъ сто двадцать можно собрать и оставить въ селѣ, не больше. Да не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ—слова святаго Благовѣрнаго князя Александра Невскаго, когда онъ шелъ воевать со шведами. А, какъ вамъ извѣстно, онъ ихъ одолѣлъ и они бѣжали отъ береговъ Невы съ великимъ срамомъ и изряднымъ уономъ".

Набатъ прекратился. Вошелъ дьячекъ Тимофей и объявилъ:

— Батюшка! Люди всѣ собрались. Сказываютъ больше не будетъ.

— Много?

— Изъ Барышниныхъ деревень 43, но народъ все хорошій, изъ Озеровскихъ 38, а Потуловскихъ 40, всего 111.

— Маловато! Одиннадцать будутъ провожать Марію Николаевну до Ложкина на Днѣпрѣ, а мы ровно съ сотнею управимся. По пятидесяти человѣкъ на каждую дорогу, если не дай Богъ съ двухъ сторонъ нагрянутъ. Идемъ и Господу помолимся.

— И я иду! сказала Марія Николаевна. Напутственный молебенъ отслужите.

Церковь была освѣщена и наполнена народомъ. Отецъ Семеонъ съ народомъ молились усердно объ избавленіи отъ нашествія врага, о побѣдѣ и одолѣніи, если придется съ нимъ встрѣтиться, объ исцѣленіи тѣхъ, кому суждено пострадать, объ упокоеніи душъ тѣхъ, кто долженъ положить животъ за други свои. Послѣ молебна всѣ другъ у друга просили прощенія въ грѣхахъ и обидахъ, какъ умирающіе. Затѣмъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ помѣщицѣ. Вещи ея были уложены въ карету, вывезенную изъ сарая, и лошадей вели поить передъ запряжкою. Отецъ Семеонъ обратился къ прихожанамъ съ короткимъ словомъ. Онъ объяснилъ имъ объ угрожающей опасности и необходимости защищать церковь Господню и дома свои до послѣдней крайности и заключилъ словами: „Насъ мало, но Господь Богъ будетъ за наше правое дѣло. За то и мы должны порадѣть, чтобъ оно осталось правымъ. Мы не воины— безсмѣнные защитники отечества. Малое число насъ, не допускаетъ возможности нападать и карать за обиды, нанесенныя братьямъ нашимъ и за грѣхи передъ Богомъ и Отечествомъ нашимъ. Ихъ покараетъ Богъ и накажетъ наше христолюбивое воинство. Если они нападутъ на насъ, будемъ защищаться до положенія живота. Но сами безумно призывать къ себѣ опасность мы не должны. Силы у насъ на то нѣтъ. Поэтому тѣхъ, которые не пойдутъ на насъ съ явно враждебнымъ намѣреніемъ, и мы не должны неосторожно возбуждать. Къ смерти мы должны быть готовы, но призывать ее всуе не слѣдуетъ. Надо помнить, что у насъ дома жены, дѣти. Объ ихъ спасеніи озаботимся прежде

всего. Не дадимъ въ обиду врагу и добрыхъ благочестивыхъ и беззащитныхъ госпожъ помѣщицъ, Марію Николаевну и Елизавету Яковлевну. Раздраженіе врага противъ нихъ повредитъ имъ еще больше, чѣмъ намъ. Ихъ имущество не то что наше и потерю его не такъ легко возвратить. Поэтому слѣдуйте внушеніямъ благоразумной осторожности и во всемъ слушайте меня и старшинъ, которыхъ я вамъ назначу. Чтобы Господь намъ ни судилъ, будемъ твердо уповать на безграничную милость Его и подчинимся святой волѣ Его, повторяя со святымъ Царемъ Псалмопѣвцемъ: „На Бога уповахъ, что сотворитъ мнѣ человѣкъ? *Аминь!*“

Начали выходить изъ церкви. Двѣ лошади изъ шестерки были уже впряжены къ дышлу. Общее смятеніе въ народѣ, собравшемся у южной паперти вокругъ священника произвело появленіе въ концѣ липовой аллеи верховаго, размахивающаго шапкою и кричащаго во весь голосъ что то непонятное. Это былъ молодой парень лѣтъ пятнадцати, довольно высокій и стройный. Свѣтлорусые волоса его развѣвались въ безпорядкѣ. Онъ служилъ помощникомъ садовника въ усадьбѣ. Откуда онъ могъ такъ неистово скакать? Многіе только теперь припоминали, что съ утра онъ куда то пропалъ и что со средины обѣдни его никто въ селѣ не видалъ.

— Кузька! Крикнули ему. Откуда тебя несетъ? Нешто не знаешь?

— Знаю, знаю, крикнулъ еще издали Кузька. Больше васъ знаю!

И, поровнявшись съ толпою, онъ объявилъ:

— Подъ Кручею, версты три ближе къ намъ, казаки француза бьютъ.

— Да ты нешто въ Кручѣ былъ? спросили его.

— Въ Кручѣ не былъ, а Крученскіе къ дядѣ Павлу на дворъ приходили и сказывали.—Ночевать у него будутъ. Много ихъ оттуда бѣжало.

— Къ дядѣ Павлу на дворъ! проворчалъ дьячокъ Тимофей. Понимаю! За уши тебя драть надо, пострѣленка. Съ обѣдни сбѣжалъ въ Петино около Сашки вертѣться, какъ увидалъ, что ея въ церкви нѣтъ. Не будь Павелъ дуракъ сто плетей бы озорнику влѣпилъ.

Павелъ, крѣпостной крестьянинъ Радищевой, былъ же-

нать на дьячковой дочери, приходившейся Тимофею двоюродною сестрою. Родство съ крестьяниномъ коробило Тимофея и онъ мечталъ непремѣнно извлечь Сашку, такъ-же какъ и всѣхъ прочихъ своихъ племянницъ, изъ крѣпостного состоянія путемъ браковъ съ церковнослужителями. Это вполнѣ объясняетъ всѣ благопожеланія дьячка по адресу садоваго мальчика, котораго ухаживанія за племянницею ему очень не нравились.

— Разсказывай, Кузя, все подробно, что знаешь, сказалъ мальчику священникъ.

— Сидѣлъ я у Павла въ избѣ, началъ Кузя. Приходятъ Крученскіе. Говорятъ къ нимъ уже на ночь французовъ на полную деревню набѣжало. Бить ничего не бьютъ, а говорятъ: „Давай постоя, давай хлѣба, куръ, гусей, утокъ!“ Не драться же съ ними. Всю птицу перерѣзали, овецъ, барановъ такъ-же, весь хлѣбушко обобрали. Словомъ, теперь какъ уйдетъ окаянный изъ деревни, крохи съѣстнаго ни на одномъ дворѣ не найдется.—Которые хозяева остались, что еще можно изъ своего добра оберечь, а которые въ бѣги ударились въ сосѣднія деревни.

— Много французовъ? спросилъ отецъ Семеонъ.

— А кто ихъ знаетъ! Кто говоритъ полкъ, кто говоритъ два, а кто и всѣ четыре. Только и въ Кручѣ и въ Кукшиновѣ всѣ избы, всѣ амбары, всѣ овины, всѣ биткомъ французомъ набиты. Сѣно, солому всю себѣ на постели растаскали, весь скотъ угнали. Который бьютъ, который за собою поведутъ про запасъ. Вотъ дяди Павла гости съ хозяйками да дѣтками въ бѣги и ударились. Все же ихъ деревня въ сторонкѣ отъ дороги. Идутъ они лѣсомъ, а на лужайкѣ при рѣкѣ, видятъ дерутся. Наши казаки, да какіе-то французы конные. Потомъ казаки скоро слѣдомъ за Кручинскими въ Петино прискакали ночлега просить. Ихъ то немного было, а я уже сѣлъ на коня. Не знаю, что они сказывали, кто кого одолѣваетъ, а говорили, что еще дерутся.

— Нечего медлить, православные, собирайте оружіе и идите всѣ за мельницу къ обрыву.

— Батюшка! обратилась къ священнику Марья Николаевна. Не кажется-ли вамъ, что теперь оставаться дома безопаснѣе, чѣмъ ѣхать? Если между Кручею и Петинымъ сра-

жаются, то можетъ быть стычка другихъ отрядовъ и еще ближе и прямо на нашей дорогѣ.

— Дѣлайте, какъ вамъ Богъ внушитъ! отвѣчалъ священникъ. Вѣрьте, что мы скорѣе всѣ умремъ, чѣмъ допустимъ малѣйшую обиду или ничтожнѣйшій ущербъ вамъ и вашему имуществу. Не такъ-ли, братцы!

— Такъ, такъ! закричалъ народъ. Умремъ, а не дадимъ барышню нашу въ обиду.

— Такъ распрягать лошадей и убрать карету въ сарай приказала помѣщица. Завтра увидимъ, что будетъ, а сегодня я ночую дома, подъ вашею охраною. Да сохранитъ васъ всѣхъ Богъ.

Вся сотня крестьянъ спустилась къ запрудѣ и перешла плотину у мельницы. Изъ подъ плотины рѣчка стремительнымъ порогомъ скатывается въ глубокій оврагъ, заросшій густымъ олешникомъ. Оба края оврага—крутые обрывы, частью песчаные, частью глинистые. Оврагъ идетъ почти до впаденія рѣчки въ рѣку Вязьму. Только узкая полянка отдѣляетъ подошвы обѣихъ горъ отъ рѣчнаго берега, но и она идетъ къ рѣкѣ съ весьма замѣтнымъ уклономъ.

У подошвы Поповой горы обширное поле и заливной лугъ простираются до слѣдующаго оврага, которымъ ограничена съ востока церковная земля. Вдоль поля идетъ дорога въ Вязьму, черезъ деревни Петина и Круча, о которыхъ говорилъ молодой подручный садовника.

Здѣсь отецъ Симеонъ собралъ всѣхъ слѣдовавшихъ за нимъ крестьянъ.

— Ребятъ всѣхъ отведите ко мнѣ и къ Тимофею на домъ, сказалъ онъ первымъ дѣломъ. Они только мѣшать будутъ.

— Они всѣ по своей охотѣ, да и малыхъ ребятъ здѣсь нѣтъ! объявилъ плотный молодой русый мужикъ съ блестящими глазами. Я немного старше былъ, когда женился. Сташка отъ меня никуда не пойдетъ.

— Знаю, Евдокимушка, что ты 16 лѣтъ женился, сказалъ священникъ. Знаю, что тебѣ 28 лѣтъ, а сыну твоему 11, ты всего на 17 лѣтъ старше сына. Стахѣя я и не гоню. Онъ намъ для посылокъ пригодится, если ко мнѣ въ домъ или къ барышнѣ за чѣмъ понадобится. А Агафонъ чего малышей съ собою привелъ.

Агафонъ, рослый сухопарый мужикъ съ бородою клиномъ, желтосоломеннаго цвѣта, обидѣлся.

— Какіе это, батюшка, малыши? Они коня внуздываютъ и запрягаютъ. Прямые отцамъ помощники. И смышленые оба. Лучше иного большого все понимаютъ.

— Хорошо! остановилъ эти похвалы отецъ Симеонъ. Еще въ своемъ ты воленъ, а зачѣмъ чужаго еще захватилъ. И съ его двора никого-то нѣтъ.

— Тятька деревню караулитъ, отвѣчалъ бѣлобрысый бутузъ. Братья въ Азаровѣ два, а три при тятькѣ. А я съ Прошкой.

— То то и есть! улыбаясь сказалъ, гладя мальчика по головкѣ чадолюбивый Агафонъ. Куда Прошка туда и Іонка, куда Іонка, туда Прошка. Куда иголка, туда нитка. Дозволь, батюшка, имъ остаться. Для побѣгушекъ пригодятся.

— Хорошо! согласился батюшка. Остальныхъ, гони, Тимофей, на поповщину. Пусть размѣстятся, кто у тебя, кто у меня. Потомъ, проводивъ ихъ, назадъ возвращайся. Итакъ, разсыльные у насъ есть. Стражу къ барскому дому и по дорогамъ въ Костино и Лысово двадцать пять человѣкъ, по гребню горы отъ усадьбы до конца оврага у рѣки двадцать пять человѣкъ, вдоль рѣки по Мишинскому лугу къ Прахову двадцать человѣкъ, на Попову гору тридцать человѣкъ. Остальные двѣнадцать со мною останутся. Если по Лысовской дорогѣ все тихо, то всѣ съ нея переходятъ на барскій дворъ и на погостъ. Эту часть поручаю я тебѣ, Василій, а въ помощь бери сына своего Евдокима. Ну, а внука твоего, Стахеюшку, уже мы здѣсь побережемъ, разъ онъ назвался въ разсыльные. На барскомъ дворѣ и по ту сторону ручья пусть будетъ Кирѣй, по рѣкѣ Адріянъ, на Поповой горѣ Агафонъ. Кромѣ остающихся при мнѣ всѣмъ прятаться въ кусты, но по опушкамъ разложить костры. Когда у Агафона загорится первый костеръ, зажигать всѣ сразу. И костровъ навалить побольше, чтобъ думали, что насъ очень много. Если, дастъ Богъ, все потомъ тихо будетъ, костры поддерживать всю ночь. Когда позволю, то изъ пятерыхъ по четыре могутъ и уснуть, остальные-же должны ходить дозоромъ и никого чужаго не допускать на погостъ, ни на барскій дворъ. Всю ночь почаще кричать „слушай“, а то еще пѣть по старинному: „Славенъ Смоленскъ городъ“, „Славна

Вязьма городъ". Да почаще, и изъ разныхъ мѣстъ. Днемъ-же французамъ на глаза попадаться возможно меньше, а хранiться въ кустахъ и рощахъ. Никого изъ нихъ изъ оцѣпленнаго круга не пускать; развѣ я кому позволю, такъ тому отъ меня будетъ данъ провожатый. Теперь Господу помолимся.

Отецъ Симеонъ надѣлъ эпитрахиль, прочиталъ молитву, давъ каждому приложиться къ кресту и, осѣнивъ каждый отрядъ общимъ крестнымъ знаменiемъ, отправилъ ихъ по назначенiю.

Скоро услышали топотъ. Люди съ фонарями стали подвое вдоль дороги. Было совершенно темно. Небо заволокло тучами, луна скрылась. Топотъ приближался. Не смотря на мракъ можно было видѣть, что по дорогѣ движется значительный отрядъ конницы. Наконецъ совершенно близко въ темнотѣ выдѣлились силуеты всадниковъ передоваго взвода уланъ. Они прямо скакали къ людямъ держащимъ фонари.

Отецъ Симеонъ сталъ посреди дороги въ эпитрахили съ крестомъ въ рукѣ. Два фонаря освѣщали его по бокамъ.

Увидѣвъ русскаго священника съ небольшою кучкою крестьянъ, всадники остановились и заговорили между собою. Одинъ изъ нихъ поскакалъ назадъ и скоро вернулся въ сопровожденiи уланскаго офицера съ огромными бѣлокурыми усами. Къ нимъ присоединилось и нѣсколько другихъ офицеровъ. Усачъ заговорилъ по русски съ сильно польскимъ выговоромъ.

— Панъ попъ, яки то чловѣки?

— Я священникъ ближайшаго села, а это со мною русскiе мужички мои прихожане, отвѣчалъ отецъ Симеонъ. Мы люди безобидные и мирные. Если-бы не такъ, то, слыша ваше приближенiе, мы-бы не стояли на дорогѣ съ фонарями, указывая вамъ путь. А это не безъ пользы! Вы неслись прямо на крутой обрывъ въ оврагъ, въ которомъ могли-бы погибнуть и люди и кони. А по другую сторону плотины озеро не слишкомъ глубокое, но весьма топкое, гдѣ такъ-же очень незатруднительно захлебнуться.

— Съ такими любезностями, панъ конечно ждалъ не насъ, а казаковъ или иныхъ своихъ! усмѣхнулся полякъ.

— Нѣтъ, именно васъ!

— За что-же такое доброжелательство? Мы этимъ не избалованы.

— Я и это знаю! отвѣчалъ отецъ Симеонъ. Народъ нашъ весьма возбужденъ и теперь бьетъ и лежачаго. Но не мы сдѣлали войну народною, а вы. Вы не уважали нашей святыни, вы раззоряли мирныхъ обывателей, не щадили женъ и дѣтей. Будь война честная, между одними воинствами, не было-бы и народной злобы. А доброжелательства къ вамъ я не имѣю, и солгалъ-бы, если-бъ сказалъ инако. Но услужить вамъ могу, не нарушая присяги, данной Богу быть до могилы слугою алтаря Господня и пасти овцы Христовы. О нихъ я радѣю больше, чѣмъ о васъ.

— Чѣмъ-же вы согласуете ихъ интересы съ нашими? спросилъ уланъ. Намъ ночлегъ нуженъ, намъ хлѣба, мяса, вина, а для лошадей овса и сѣна надо. Намъ многое надо.

Все, что можемъ, мы вамъ дадимъ. Многаго дать не можемъ, ибо село не богато. При полномъ разграбленіи всего, вы много не пріобрѣтете. Мы же удѣлимъ всего, что въ силахъ дать, безъ утайки. А для ночлега къ вашимъ услугамъ обширная площадь, поле и лугъ между горою и рѣкою. За вами несомнѣнно ѣдетъ обозъ съ палатками. Раскиньте здѣсь лагерь и я ручаюсь вамъ за безопасность вашу полнѣйшую, если никто изъ вашихъ не нарушитъ благочинія.—Въ томъ цѣлую при васъ Крестъ Христовъ. Даже, еслибъ послѣ васъ пришли сейчасъ какіе нибудь изъ нашихъ, я ихъ съумѣю убѣдить, чтобъ они на васъ не нападали въ этой мѣстности, гдѣ я обѣщался васъ охранять. Они не опровергнутъ моего крестнаго цѣлованія.

— Это мы все передадимъ нашему генералу! рѣшили офицеры.

Полякъ-уланъ переводилъ имъ каждое слово священника. Ему онъ перевелъ и ихъ отвѣтъ.

— Но погодите, господа, сказалъ священникъ, я еще не кончилъ. Я вамъ уже сказалъ, что село наше не изъ богатыхъ и грабежемъ въ немъ многаго вы и не добыли-бы. Въ немъ проживаетъ пожилая помѣщица, дѣвица, одинокая 56 лѣтъ. Вы ей никакого безпокойства не причиняйте. За всякою малостью обращайтесь ко мнѣ. Я, все, что можно, вамъ добуду. И все время я останусь при васъ. Но, если вы только сдѣлаете попытку на малѣйшее безчинство относительно храма Божія или относительно нашей барышни, то мы васъ сбросимъ въ оврагъ. И не смѣйтесь! При мнѣ

здѣсь людей не много. Но храмъ Божій и домъ барышни помѣщицы хорошо охраняются. Чтобъ не смущать васъ и не возбудить въ васъ сомнѣніе о нашихъ мирныхъ намѣреніяхъ, я запретилъ людямъ моимъ грѣться у костровъ и зажигать огни. Они бѣдные озябли да и пора имъ ужинъ сварить. Разрѣшите имъ васъ не стѣсняться, какъ и вы не стѣсняйтесь ихъ.

— Да ты, панъ попъ, шутникъ, воскликнулъ отъ себя переводчикъ. Въ осадѣ насъ думаешь держать?

— Нѣтъ, господа! отвѣчалъ спокойно отецъ Симеонъ. Вы насъ только въ осадѣ не держите. А на нашу оборонительную черту не гнѣвайтесь. Завтра же укажемъ вамъ дорогу, по которой можете продолжать вашъ походъ. Въ безопасности вашей я Крестъ цѣловалъ. Вы не начинайте, мы ничего противъ васъ не предпримемъ. Прошка! бѣги на гору, скажи отцу, чтобъ костеръ зажигалъ.

Офицеры съ отцомъ Симеономъ и переводчикомъ отправились къ генералу, командовавшему уланскою бригадою. Они ему передали, слово въ слово, весь разговоръ. Генералъ рѣшилъ согласиться на предложенія священника и расположиться лагеремъ подъ Поповою горою вдоль рѣки Вязьмы. Въ это время, вслѣдъ за Агафоновымъ костромъ, загорѣлись и остальные. По числу ихъ можно было думать, что охрану Бунаковскихъ церкви и дома составляютъ не менѣе тысячи человѣкъ, скрытыхъ въ лѣсу, на вершинахъ горокъ, не высокихъ, но крутыхъ.—Относительно провизіи овса и сѣна были посланы записки къ помѣщицамъ Радищевой, Потуловой и къ управляющему Озеровыхъ, не имѣвшихъ усадьбы въ участкѣ, входившемъ въ составъ прихода. Пригнали скота и привезли хлѣба и сѣна и изъ каждой деревни прихода и изъ сельца Азарова и изъ усадебъ Щелинныхъ и съ хуторовъ графа Сапѣги. Даромъ избавиться отъ грабежа не было возможности. Надо было поплатиться, но лучше было отдавать что нибудь, чѣмъ все. На счастіе еще уланская бригада, ночующая на Вязьмѣ рѣкѣ, имѣла обозъ въ сносномъ состояніи и сохранила кое какой свой провіантъ. Людей же въ ней было весьма мало. Вмѣсто положенныхъ 960 всадниковъ едва можно было насчитать нѣсколько болѣе 500 человѣкъ и между ними еще были и раненые. Щелинскіе крестьяне, увидавши костры, также разложили и зажгли

свои. Въ ночной темнотѣ французы могли опасаться, что они окружены со всѣхъ сторонъ. Около полуночи все въ лагерѣ стихло, кромѣ окликовъ французскихъ часовыхъ. Въ отвѣтъ на нихъ раздавались за кострами то „слушай!“ то „славенъ Вязьма градъ“ и „славенъ Смоленскъ градъ“.

Въ крайней палаткѣ, изъ числа отведенныхъ первому эскадрону перваго полка, сидѣли полякъ переводчикъ и отецъ Симеонъ. Оба бодрствовали всю ночь. Передъ ближайшими къ плотинѣ палатками, сидя на огромномъ булыжникѣ, вросшемъ въ землю близъ дороги, дремалъ Кузя, взявшій на себя обязанность проводить всѣхъ, кто будетъ имѣть надобность до батюшки въ теченіи ночи. Въ палаткѣ на войлокѣ растянулись и спали малыши Сташка, Прошка и Іонка. Отецъ Симеонъ обѣщалъ разбудить ихъ, какъ только что понадобится, но твердо рѣшилъ этого не дѣлать, такъ какъ и безъ того каждый часъ къ нему приходитъ дьячокъ Тимофей объявлять, что матушка здорова, не почиваетъ, а все молится и уповаетъ на Бога, а по дозору и на Поповой горѣ и на погостѣ и усадьбѣ все благополучно, а что барышня почиваетъ, а на часахъ передъ домомъ и церковью такіе-то. Кузя всякій разъ просыпался и провожалъ дьячка со взглядомъ полнымъ ненависти, бормоча про себя:

— И какое тебѣ, толстомордый, дѣло, что мнѣ Сашка по сердцу. Дуракъ ты! зналъ бы свою псалтырь и больше ничего.

Полякъ переводчикъ, отрекомендовавшійся отцу Семеону подпоручикомъ уланскаго полка, за такимъ то номеромъ, Ксаверіемъ Шаверновскимъ разсказывалъ ему о происходившемъ въ теченіи дня сраженіи подъ Вязьмою.

Ихъ полкъ, говорилъ онъ, принадлежитъ къ 1-му корпусу великой арміи. Начальникъ ихъ маршалъ Даву. У нихъ 5 дивизій пѣхоты и 16 эскадроновъ кавалеріи. Они уже участвовали во многихъ сраженіяхъ и у нихъ много убитыхъ и раненыхъ, но они надѣются скоро получить подкрѣпленіе изъ Франціи. Вчера они шли изъ Царева Займища къ Вязьмѣ въ аррьергардѣ. Ней былъ въ этомъ городѣ съ такимъ же 3-мъ корпусомъ. До Вязьмы не дошли, а ночевали въ Федоровскомъ. Тамъ обозы и отсталые отъ прошедшихъ впереди корпусовъ очень затрудняли движеніе. Ней на разсвѣтѣ вышелъ изъ Вязьмы къ Кропивнѣ. У де-

ревни Максимовой нежданно негаданно съ примыкающаго къ столбовой дорогѣ проселка появилось русскихъ два пѣхотныхъ, два кавалерійскихъ корпуса и казаки подъ начальствомъ генерала Милорадовича [1]). Только что разсвѣтало. Вскорѣ за тѣмъ два русскихъ полка, гусарскій и драгунскій, [2]) напали на бригаду 4-го корпуса генерала Нагеля и вскочили въ промежутокъ между 1-мъ и 4-мъ корпусомъ, которымъ командуетъ Евгеній Богарне, вице-король Италійскій. Нагель сплоховалъ, бригаду его частью разсѣяли, частью взяли въ плѣнъ. Русскіе стали поперегъ дороги. Другой драгунскій полкъ [3]) перешелъ дорогу и сталъ лѣвѣе. Противъ дороги стало три баттареи. Позади стали другіе кавалерійскіе полки. На 1-ый французскій корпусъ, составлявшій аррьергардъ, напали казаки съ своею артиллеріею и егеря, посаженные на коней [4]). Французскому аррьергарду пришлось уйти въ Федоровское. Тамъ произошло упорное съ обѣихъ сторонъ сраженіе. Легло много людей. Федоровское было окружено со всѣхъ сторонъ русскими, путь къ Вязьмѣ былъ отрѣзанъ. Даву рѣшилъ идти напроломъ. Вице-король Италійскій съ 4-мъ корпусомъ и Понятовскій съ 5-мъ (польскимъ) были уже въ Вязьмѣ, но слыша сильную пушечную стрѣльбу, вернулись на выручку въ Федоровское. Въ то время пришли только двѣ русскія дивизіи [5]) но онѣ стали поперегъ дороги для пресѣченія Даву отступленія. Въ 10 часовъ утра 1-ый французскій корпусъ все таки выступилъ изъ Федоровскаго. Стрѣльба 4-го и 5-го корпусовъ и ихъ артиллеріи заставила русскую пѣхоту сойти съ дороги, а Милорадовича подать лѣвый флангъ назадъ Но огонь его баттарей и повторенныя аттаки казаковъ [6]) заставили Даву бросить обозы и выстроиться съ тылу 4-го корпуса у рѣчки Черногрязье. Казаки продолжали нападать на аррьергарды Даву и разсѣяли всѣхъ остальныхъ. Потомъ въ пол-

[1]) Пѣхотные корпуса князя Долгорукаго и графа Остермана, кавалерійскіе Корфа и Васильчикова, казачій отрядъ Карпова, всего до 17000, составляли главный авангардъ русской арміи.

[2]) Ахтырскіе гусары и Кіевскіе драгуны корпуса Васильчикова, подъ начальствомъ полковника Эмманюеля.

[3]) Харьковскій.

[4]) 5-го полка 300 человѣкъ.

[5]) 17-ая Олсуфьева и 4-ая принца Евгенія Вюртенбергскаго.

[6]) Платова.

день соединились съ Милорадовичемъ. Французскіе же 4 и 5 корпуса отступили и перешли въ положеніе между Ржавцемъ и хуторомъ Рибопьера. Въ это время русская кавалерія съ присоединившимися къ ней партизанами [1]) обошла французскіе фланги. Къ ней скоро присоединились еще двѣ кирасирскія дивизіи [2]) ставшія у Кропивни, гдѣ Ней сжегъ мостъ [3]). Всѣ четыре французскихъ корпуса тогда двинулись къ Вязьмѣ, чтобъ тамъ сосредоточиться для рѣшительнаго отпора. Милорадовичъ шелъ по пятамъ. Подъ Вязьмою произошла пушечная перестрѣлка, продолжавшаяся болѣе часа почти непрерывно. Французское войско все ушло въ Вязьму. Аррьергардъ засѣлъ въ домахъ и за заборами. Вскорѣ вспыхнулъ пожаръ, неизвѣстно отъ какой причины. Смятеніе между жителями произошло страшное, сгорѣло много имущества. Начинало смеркаться. Два русскихъ пѣхотныхъ полка [4]) съ музыкою, барабаннымъ боемъ ворвались въ Вязьму. Милорадовичъ въ то же время самъ входилъ съ другой стороны въ городъ. Сраженіе въ городѣ продолжалось до 7 часовъ вечера. Французамъ пришлось оставить Вязьму съ большимъ урономъ, но съ сознаніемъ, что защищались до послѣдней крайности [5]).

Священникъ внимательно слушалъ этотъ разсказъ пана Шаверновскаго.

— Злополучный городъ Вязьма! произнесъ онъ. Смотрите, панъ Ксаверій, вѣдь весь востокъ до сихъ поръ мѣднокрасный. Это зарево. Надо полагать весь городъ горитъ. Ужасное дѣло война. Наша церковь, да вѣроятно и ваша такъ-же, молится о мирѣ всего міра. Когда внемлетъ Господь Богъ симъ ежедневно возносимымъ къ Нему молитвамъ и внушитъ человѣчеству болѣе миролюбія и сознанія братства.

— До этого мы съ вами, панъ-попъ, не доживемъ. Да и невозможно. Можемъ-ли мы, поляки, не воевать противъ

[1]) Фигнеромъ и Сеславинымъ.

[2]) Уваровъ посланный Кутузовымъ.

[3]) На рѣчкѣ Улицѣ, протекающей чрезъ обширное болото.

[4]) Перновскій и Бѣлозерскій.

[5]) Французы потеряли 3 орудія, 2 знамя, большое количество обозовъ, 4000 убитыхъ и раненыхъ и болѣе 2000 взятыхъ въ плѣнъ. Кромѣ того впервые обнаружилось явное разстройство Наполеоновской арміи.

русскихъ, когда бѣдная отчизна наша потеряла всѣ вольности?

— А вы полагаете, что Наполеонъ ихъ вамъ вернетъ? спросилъ отецъ Симеонъ. Посадитъ онъ вамъ Понятовскаго королемъ, а управлять будетъ самъ и будете работать на него. Не насажалъ-ли онъ королями въ Италію, Неаполь, Испанію, Вестфалію, Голландію своихъ братьевъ и родичей. Какъ вы думаете, много-ли тамъ теперь о вольностяхъ отчизны мечтать дозволяется? А еще скажите, благоденствуютъ-ли поляки въ Пруссіи и Австріи. Мы народы братскіе единоплеменные. Подъ державою великодушнаго Государя Александра Павловича могли-бы проживать любовно.

Панъ Шаверновскій собирался возражать, какъ въ палатку запыхавшись вбѣжалъ Кузя.

— Батюшка! объявилъ онъ. Тамъ у входа въ лагерь, гдѣ часовой стоитъ, Кирѣй съ Евдокимомъ вздорятъ. Кирѣй тащитъ француза и бить его хочетъ, а Евдокимъ сказываетъ, что вы драться безъ надобности не приказали.

— Пожалуйста потребуйте его сюда, обратился священникъ къ поляку. Мы здѣсь разберемъ, въ чемъ дѣло.

Шаверновскій послалъ двухъ уланъ привести крестьянъ и ихъ плѣнника.

Кирѣй шелъ съ весьма недовольнымъ видомъ. У него отняли его жертву. Это былъ маленькій, черноусый, худощавый солдатикъ, въ разстегнутомъ и изорваномъ мундирѣ. Онъ шелъ безъ шапки, такъ какъ ее потерялъ въ потасовкѣ.

— За что ты его билъ? строго спросилъ отецъ Симеонъ.

— А и не билъ я его вовсе! отвѣчалъ Кирѣй. А вижу, что міродеръ. Въ барскій садъ забрался и къ дому барышниному подбирается. Значитъ, грабить наровитъ.

— Правда? спросилъ Шаверновскій улана по французски.

— Правда, господинъ подпоручикъ! сознался французъ. Но грабить я не хотѣлъ, а только изъ любопытства посмотрѣть, какое это село и какой помѣщичій домъ. Потомъ надѣялся кого нибудь не спящаго найти и стаканъ вина попросить. А этотъ долговязый чортъ меня за воротникъ мундира взялъ и куда-то понесъ. Можете сами видѣть, какъ онъ мнѣ весь мундиръ изорвалъ. Да и чуть было не удавилъ на смерть. Держалъ меня на вѣсу, такъ что ноги

земли не касались, и несъ не знаю куда. Спасибо молодому человѣку. Онъ меня вырвалъ изъ его адскихъ рукъ.

— А что это у тебя въ рукахъ? спросилъ отецъ Симеонъ Евдокима.

— Не знаю, что за посудина? Банка-ли, жестянка-ли? отозвался Евдокимъ. На травѣ подобралъ, пока они возились.

Это была мельхіоровая банка съ плотно навинчивающеюся крышкою, предназначавшаяся очевидно для храненія чая, кофе или сахару. На ней былъ вырѣзанъ какой-то гербъ.

— Чья вещь? спросилъ офицеръ.

— Моя! сознался уланъ.

— Грабленная? спросилъ Шаверновскій. Я этотъ гербъ узнаю. Онъ польскій.

— Въ Вильнѣ въ одномъ домѣ нашелъ! объяснилъ французъ.

— И хотѣлъ здѣшней барышнѣ подарить на память? насмѣшливо спросилъ Шаверновскій. Ну я прошу пана попа исполнить это желаніе, правду сказать, рыцарское. Или себѣ возьмите, панъ попъ, а этому негодяю эта вещь не нужна. Не достоинъ онъ обладать вещами, украшенными ясновельможными гербами. А банка вмѣстительная. Если наполнить золотомъ или драгоцѣнностями, много ворованнаго унести можно. А ты, обратился онъ къ Кирѣю, скажи, правда-ли, что ты его давить собирался?

— Давить не хотѣлъ, а несъ за шиворотъ и онъ ногами все время болталъ, отвѣчалъ Кирѣй. Это будетъ точная правда.

— Куда-же ты его несъ?

— Да къ обрыву! Въ оврагъ сбросить хотѣлъ. Пусть знаетъ, какъ міродерить. Вотъ только Евдокимка дурень помѣшалъ.

— Евдокимъ правильно поступилъ, вмѣшался отецъ Симеонъ. Могутъ они идти? спросилъ онъ подпоручика.

— Идите, хлопцы! сказалъ офицеръ. Только ты, Кавлясъ-богатырь [1]), если тебѣ еще какой воръ попадется веди его сюда, а за шиворотъ въ оврагъ не носи. А негодяй? прибавилъ онъ, переходя на французскій языкъ. Пошелъ къ чорту! По дѣломъ досталось!

Сконфуженный уланъ ушелъ въ свой эскадронъ. Крестъ-

[1]) Кавлясъ—богъ войны у древнихъ литовцевъ.

яне возвратились къ своимъ мѣстамъ. Начинало свѣтать. Ни Шавернovскій, ни отецъ Симеонъ всю ночь не спали.

— Я дѣлу давать хода не буду! сказалъ полякъ. Мерзавецъ и такъ получилъ достаточную трепку отъ вашего силача. А явно, что онъ шелъ грабить.

Французы пробыли въ лагерѣ до полудня 23 октября. Отецъ Симеонъ проводилъ ихъ до брода, по которому они, черезъ Сапѣгинскіе хутора, вышли прямо въ Семлево на большую дорогу.

Взявъ съ собою банку, отобранную у француза, отецъ Симеонъ отправился къ помѣщицѣ, а церковному сторожу велѣлъ благовѣстить во всѣ колокола.

— Достойно возблагодаримъ Господа! сказалъ онъ входя.

— Этимъ я вамъ обязана! съ чувствомъ сказала Марія Николаевна.

— Богу и вашимъ людямъ, Марія Николаевна, а мнѣ уже послѣ всѣхъ. Мужички ваши стражи вѣрные были. Поплатиться провіантомъ пришлось всѣмъ, не вамъ однимъ. А въ домѣ вашемъ не только не убыло, а я и прибыль принесъ.

— Это что такое?

— Баночка наблиднаго серебра, или состава какого, не знаю. Много теперь составовъ разныхъ подъ серебро дѣлаютъ. На ней гербъ, говорятъ польскій, вырѣзанъ. А чей, не знаю. Ее Кирѣй съ Евдокимомъ у француза отобрали. Онъ, озорникъ, въ вашъ садъ забрался и надѣялся баночку вашими червонцами наполнить. Такъ позвольте вамъ поднести и пожелать исполненія мысли этого негодяя, чтобъ банка была всегда полна вашими червонцами.

— Гдѣ ужъ червонцами; засмѣялась помѣщица. Не доживу я до такого богатства. Развѣ кофеемъ! Это въ самую мѣру будетъ.

Банка была обращена въ кофейницу для жженаго кофе и Марія Николаевна хранила ее до конца жизни. Въ случаяхъ пріѣзда гостей, прислуга ея ее обыкновенно спрашивала:

— А какой кофе заваривать прикажете? Простой или изъ банки, что послѣ француза осталась?

Не только всѣ участники вчерашнихъ происшествій, но и всѣ сосѣди на благовѣстъ церкви села Бунаково собрались на благодарственный молебенъ, отъ глубины души вознося хвалу Господу за избавленіе отъ нашествія непріятеля,

грозившаго полнымъ разореніемъ. Какъ узнали послѣ, многія деревни и села въ ту ночь были разграблены и разрушены въ конецъ. Всѣ молились съ рѣдкимъ усердіемъ. Послѣ молебствія всѣ поздравляли другъ друга, обнимались и цѣловались, какъ возвращенные отъ смерти къ жизни.

Не могли пожаловаться и уланы, спокойно переночевавшіе на берегу рѣки Вязьмы. Другихъ не разъ въ теченіи ночи тревожили казаки и партизаны. Многіе ночевали въ лѣсахъ и болотахъ. Сами маршалы Ней, Даву, Понятовскій и вице-король Италійскій, уничтоживъ Смоленскій мостъ и сдѣлавъ короткій привалъ, въ полночь продолжали отступленіе къ Семлеву. Отступленіе это готовило французамъ еще много бѣдъ. На другой-же день, послѣ выхода изъ Вязьмы, то-есть 23 октября, погода, до тѣхъ поръ холодная, но ровная, измѣнилась съ полдня. Началъ падать снѣгъ, поднялся сильный вѣтеръ, къ вечеру загуляла мятель. И такая погода стала повторяться изо дня въ день. На бѣду французовъ, къ голоду присоединилась свирѣпость зимы. Пространство отъ Вязьмы до Смоленска обратилось въ безпрерывное поприще опустошительныхъ ея дѣйствій. Начался тотъ скорбный путь, конецъ котораго привелъ побѣдителя народовъ на Святую Елену.

Отецъ Симеонъ Соколовъ за свою неустрашимость и хладнокровіе, за рѣшительныя и разумныя распоряженія былъ награжденъ наперснымъ крестомъ на Георгіевской лентѣ. Онъ священствовалъ въ селѣ Бунаково до 1841 года. Уже 62 лѣтнимъ старцемъ онъ удалился на покой, передавъ паству мужу дочери своей Ефиму Елеазаровичу Попову. Другую дочь, ту самую Шурочку, которую въ началѣ разсказа мы видѣли грудною на рукахъ у матери, выдалъ замужъ за сына своего друга Тимофея и взялъ его къ себѣ дьякономъ. Тимофей до конца дней своихъ не разлучался съ отцемъ Симеономъ и умеръ дьячкомъ въ Бунаковѣ.

Ему удалось спасти двухъ племянницъ отъ крѣпостной зависимости и, по его понятіямъ, позора крестьянскаго сословія. Не удалось ему осуществленіе этой мечты только относительно своей любимицы Саши. И все благодаря тому-же ненавистному Кузькѣ, сдѣлавшемуся уже Кузьмою и главнымъ садовникомъ у своей помѣщицы. Саша выросла въ красивую рослую блондинку, стройную, но сильную и хо-

рошо сложенную. Родители ея весьма благоразумно разсудили, что садовникъ, хотя и крѣпостной, человѣкъ болѣе обезпеченный, чѣмъ дьячокъ бѣднаго прихода. Поэтому они не неволили дочь и охотно приняли сватовство Кузьмы.

Тимофей рвалъ и металъ, что вышло не по его, ругалъ племянницу и ея мужа на всѣхъ перекресткахъ, поднялъ на ноги всѣхъ бабъ на поповщинѣ, отъ самой матушки попадьи, до пономаревой свояченицы. Однѣ стали на одну сторону, другія на другую, и всѣ другъ съ другомъ перессорились. Не принималъ участія во всемъ этомъ сумбурѣ, одинъ миролюбивый отецъ Симеонъ. Но и его хладнокровіе подвергалось испытанію не малому. То Тимофей, и его жена, то Кузьма и Александра постоянно приходили къ нему жаловаться одни на другихъ. Въ нелѣпой враждѣ своей, противники доходили до неистоваго сумасбродства. Садовникъ увѣрялъ, что, гдѣ на огородѣ или барскомъ саду „толстомордый“ пройдетъ, гусеница заводится. Дьячокъ въ домѣ священника не постѣснялся неприлично радоваться чужой бѣдѣ и притомъ бѣдѣ родного человѣка. Не была Саша полгода замужекъ, какъ, при колкѣ лучины, выколола себѣ глазъ. Тимофей злорадствовалъ:

— Такъ ей дурѣ и надо! Слушайся старшихъ! Былабы за мужемъ за церковнымъ, ничего-бы не случилось.

— Ты что-же это, Тимофей? сказалъ ему отецъ Симеонъ. Полагаешь, что церковные лучины не колятъ? Или глаза у нашихъ другого состава? Стыдись! Вѣдь племянница тебѣ! Соболѣзновать несчастію надо, а не радоваться.

Довели однако дѣло до того, путемъ сплетень и лжи, что въ одинъ день сама матушка-попадья стала, съ обычною своею пылкостью, требовать отъ мужа, чтобъ онъ, какъ знаетъ, но непремѣнно крупно напакостилъ садовнику.

— Хорошо, мать моя, отвѣчалъ отецъ Симеонъ. Я его накажу, скоро и строго накажу. Я уже придумалъ, но это моя тайна... И не пытай ее у меня.

Скорое и строгое наказаніе выяснилось не скоро. Первую родившуюся у Александры дочь, отецъ Симеонъ окрестилъ именемъ Анисія. Имя весьма обыкновенное и никого не удивившее. Годъ спустя родилась вторая дочь. Ей было дано имя болѣе рѣдкое Хіонія. Оно представляетъ уже то неудобство, что русскій простолюдинъ его искажаетъ и про-

износитъ Ѳіона, а не то и Піона. На третій разъ Кузьма и Александра были обрадованы рожденіемъ сына.

— Нарѣчемъ его Наркиссомъ! предложилъ самымъ естественнымъ тономъ отецъ Симеонъ.

Александра возмутилась:

— Что это вы батюшка, шутите надъ нами! Что-же это такое? У насъ уже есть „анисъ“ и „піонъ“. Теперь еще „нарциссъ“ понадобился.

— Глупое говоришь, Александра, вразумительно сказалъ священникъ. Имена все хорошія, въ честь святыхъ угодниковъ Божіихъ. Значеніе ихъ съ греческаго языка, взятое: Аниссія—совершительница, Хіонія (а вовсе не піонъ)—снѣжная, Наркиссъ—то дѣйствительно названіе цвѣтка, оно и по гречески такъ-же, какъ у насъ.

— Да, что-же потомъ будетъ, батюшка? спросилъ негодующимъ голосомъ Кузьма. Что вы еще затѣете, если Богъ благословитъ?

— Младенцевъ мужскаго пола, отвѣчалъ не моргнувъ отецъ Симеонъ, можно наименовать Флоръ, Лавръ, Линъ, Трифиллій; женскаго пола—Вероника, Горгонія, Лія, Муза, Евгенія, Еликонида.

— Нѣтъ ужъ, батюшка, настоятельно объявилъ Кузьма. Помилосердуйте отъ лилій и георгинъ такъ-же избавьте, а позвольте такъ: Я Кузьма, такъ пусть новорожденный будетъ Демьяномъ. Въ одинъ день именинниками будемъ.

— Для тебя согласенъ, рѣшилъ священникъ. Помирись съ Тимофеемъ.

— Не я началъ ссору, не мнѣ и теперь мириться. Онъ меня съ женою на всѣ лады позоритъ.

— Басню о гусеницахъ не онъ сочинилъ, замѣтилъ священникъ. О томъ, какъ дьячки кашу съ дегтемъ ѣдятъ, не онъ всенародно повѣствовалъ. Но я его уговорю помириться съ тобою и ты поперечь ему, не иди впредь. На крестинахъ я и благословлю вашу мировую. А то отъ вашей ссоры, вся поповщина перемутилась. Если-же опять завоюетъ —такъ у тебя либо Наркиссъ, либо Вероника неминуемо будетъ.

Такъ не разъ, подчасъ слишкомъ своеобразнымъ и не вполнѣ законнымъ путемъ, мирилъ отецъ Симеонъ ссорящихся въ своей паствѣ. Одно достовѣрно, что со дня кре-

щенія новорожденнаго младенца Демьяна, о ссорахъ между дьячкомъ и садовникомъ болѣе не было слышно.

Скажемъ нѣсколько словъ объ остальныхъ участникахъ разсказаннаго происшествія. Помѣщица Марья Николаевна Радищева дожила свой вѣкъ въ своей усадьбѣ въ Бунаковѣ, умерла въ ней и погребена въ церкви села. Богъ наградилъ ее довольно рѣдкимъ долголѣтіемъ. Она умерла въ 1845 году, 89 лѣтъ отъ роду. Еще большимъ, изъ ряда вонъ выходящимъ, долгоденствіемъ отличился ея ровестникъ и защитникъ въ ночь съ 22 октября 1812 года Кирѣй. Онъ прожилъ 114 лѣтъ и умеръ въ 1870 году, родившись при Императрицѣ Елисаветѣ и переживъ болѣе половины царствованія Александра II. Только за пять лѣтъ до смерти, онъ одряхлѣлъ на столько, что сталъ нуждаться въ помощи нянекъ, которыми явились двѣ его уже не молодыя правнучки и ихъ дѣти. Въ сто лѣтъ это былъ кряжъ, который могъ поспорить въ бодрости со многими 60 и даже 50 лѣтними. По этому убѣжденно вѣрю всѣмъ подробностямъ, о несеніи французскаго улана за шиворотъ въ оврагъ. Разсказывая о немъ, онъ навѣрное не хвасталъ. Другой стражъ дома Маріи Николаевны, Евдокимъ Васильевъ и сынъ его Стахѣй, родившійся когда отцу было всего 17 лѣтъ, оба были послѣдовательно одинъ за другимъ при церкви, церковными старостами съ 1840 до 1866 года и оба дожили до узрѣнія правнуковъ. Евдокимъ, кромѣ того, у лицъ, которые владѣли имѣніемъ, послѣ Радищевой, былъ долго старостою и довѣреннымъ лицомъ въ разныхъ дѣлахъ. Его имя и подпись нескладными каракулями встрѣчаются во многихъ актахъ, касающихся имѣнія.

Не лишена интереса судьба двухъ упомянутыхъ въ разсказѣ „малышей“ разсыльныхъ—„иголочки и ниточки“, Іоны и Прохора. Изъ деревни, населеніе которой посвящаетъ все время, не занятое хозяйственными работами, отхожимъ промысламъ въ городахъ, каменнымъ, печнымъ, штукатурнымъ и плотничнымъ работамъ, они предпочли сдѣлаться коробейниками и разносною торговлею, нажили не малыя деньги, оставаясь всю жизнь „иголочкою и ниточкою“. Только подъ старость въ обоихъ друзьяхъ возбудились разные вкусы. Іона вернулся въ деревню и дѣтей своихъ пустилъ по ремеслу всѣхъ своихъ односельчанъ. Прохоръ Агафоновъ

остался торговымъ человѣкомъ, бралъ подряды, скупалъ земли, и дѣтей своихъ направилъ по торговой дорогѣ. Между купленными имъ землями была и та, на которой, близъ деревни Круча, происходила стычка французовъ съ казаками. При постройкѣ на этой землѣ хутора и добываніи песку и глины, наткнулись на нѣсколько могилъ, въ которыхъ нашли оружіе и разныя вещи, принадлежавшія убитымъ. Много подобныхъ могилъ, можно найти по всему пути отступленія Наполеоновской арміи. Попадаются въ нихъ иногда вещи, не лишенныя цѣны и для музеевъ, какъ военныхъ, такъ и болѣе общаго назначенія.

Повѣствователю этого разсказа приходилось не разъ его слышать, то въ цѣломъ, то въ отрывкахъ, отъ самихъ участниковъ дѣла, которыхъ онъ теперь перечислилъ въ концѣ. Дѣло это читатель найдетъ любопытнымъ и своеобразнымъ, какъ примѣръ того, чего можетъ достичь человѣкъ, не теряющійся въ опасности и умѣющій пробудить въ простыхъ русскихъ людяхъ тѣ добрыя начала, которыя въ нихъ вложены ихъ природою отъ рожденія. Въ мѣстныхъ и семейныхъ воспоминаніяхъ, не мало найдется такихъ сѣрыхъ, никому не вѣдомыхъ героевъ. Повѣствованіе о нихъ, можетъ быть, и любопытно и поучительно для русскихъ людей, въ особенности-же для русскаго юношества.

Михаилъ Левицкій.

Къ вопросу о смертной казни.[1]

[illegible] не сталъ бы утруждать сегодня вашего вни- [illegible] усталости по причинѣ затянув- [illegible] въ этотъ поздній часъ, еслибы въ осно- [illegible] объ отмѣнѣ смертной казни, предше- [illegible] моральныхъ мотивовъ и—въ [illegible] изъ Евангелія. Мы [illegible] —и всѣ они—не [illegible] въ области юридическихъ наукъ— [illegible] старались обосновать свои [illegible], а исключительно [illegible] изъ морали или даже— [illegible]

[illegible] смертной [illegible] одинъ разъ въ [illegible] назадъ—я ви- [illegible] надъ преступ- [illegible] безъ содра- [illegible], отъ [illegible] здѣсь ссылки [illegible] мысли, я [illegible] которыя то [illegible] ваше [illegible]

[illegible]

[illegible]

юридической науки. Юристы,—руководящіеся въ своей наукѣ лишь принципомъ права, справедливости и торжества отношеній между членами общества,—могли установить смертную казнь и внести ее въ систему наказаній; но отмѣнить смертную казнь или—что то-же—исключить ее изъ системы наказаній возможно только по моральнымъ побужденіямъ, которыя доступны и неюристамъ, ибо здѣсь уже должно говорить сердце, а не разсудокъ.

Въ своемъ вѣроученіи и нравоученіи христіанство, дѣйствительно, обнаружило такую могучую нравственную силу, которая не могла не оказать своего благотворнаго вліянія на всѣ стороны народной, какъ общественной, такъ и государственной, жизни. Законодательство не было исключено изъ сферы этого вліянія. Наши юристы, какъ законодатели, разрабатывая тѣ или другія постановленія для опредѣленія соціальныхъ отношеній или уголовной отвѣтственности членовъ общества за ихъ личныя дѣйствія, часто находились подъ сильнымъ вліяніемъ христіанской этики. Два—три примѣра. Учрежденіе суда присяжныхъ,—по которому освобождается отъ наказанія даже добровольно сознавшійся преступникъ,—есть учрежденіе чисто христіанское, въ основѣ котораго лежатъ слова Христа: „прощаются тебѣ грѣхи твои! иди и больше не грѣши“. Законъ противъ ростовщичества, самъ по себѣ, не имѣлъ бы никакого смысла, если бы происхожденіе его не находилось въ зависимости отъ христіанской морали. Вѣдь ростовщикъ, собственно говоря, юридически—правъ; онъ дѣйствуетъ по договору, безъ видимаго насилія или принужденія; но ростовщическія дѣйствія оказываются враждебными заповѣди Христа о любви къ ближнему, особенно—къ нуждающемуся, бѣдному, страждущему,—и потому наши *христіанскіе* законы признаютъ ихъ преступными, какъ проявленіе злой воли. То-же самое должно сказать и о нашемъ законодательствѣ, карающемъ азартныя игры и т. п. Вотъ почему, по моему крайнему убѣжденію, и вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни можетъ быть разрѣшенъ не по юридическимъ, а только по однимъ моральнымъ соображеніямъ; вотъ почему мнѣ кажется лишь естественнымъ, что всѣ предыдущіе ораторы свели доводы своихъ сужденій непосредственно къ нравственнымъ основамъ, въ частности —къ кардинальнымъ требованіямъ христіанской этики.

Къ сожалѣнію, бываютъ времена исключительныя: бываютъ эпохи, когда тѣ или другія политическія, философскія или религіозныя идеи вторгаются въ общество со стороны и овладѣваютъ умами мыслящихъ людей настолько, что долгое время деспотически господствуютъ надъ ними: являются люди, которые стремятся во что бы то ни стало оправдать свое предвзятое мнѣніе, сложившееся подъ вліяніемъ такихъ—именно политическихъ, философскихъ и религіозныхъ вѣрованій. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи даже подтасовокъ различныхъ понятій, къ намѣренному смѣшенію чужеродныхъ областей,—къ перенесенію своихъ личныхъ, субъективныхъ симпатій и антипатій на каждый предметъ обсужденія. Наше время, къ сожалѣнію, не представляетъ въ этомъ отношеніи счастливаго исключенія. Всѣ мы слишкомъ напряжены, всѣ мы слишкомъ партійны; намъ трудно быть безпристрастными и объективными въ своихъ сужденіяхъ, мы также усвоили тѣ или другія воззрѣнія, пришедшія къ намъ со стороны, и во что бы то ни стало стараемся ихъ оправдать. Не щадимъ мы даже и христіанской религіи; не жалѣемъ мы и Евангелія. Смѣшивая политику съ религіею, мы обыкновенно подводимъ христіанское ученіе подъ чуждую для него политическую или соціалистическую точку зрѣнія. Но здѣсь-то именно и легко обнаруживается вся абсурдность такихъ тенденціозныхъ выводовъ. Какъ нельзя мѣрою вѣса опредѣлить поверхность пространства, такъ нераціонально превращать религіозное ученіе въ политическую доктрину и наоборотъ. Религія утрачиваетъ все свое значеніе, когда она превращается въ орудіе политическихъ стремленій. Одинъ изъ писателей обозвалъ Христа соціалистическимъ коммунистомъ только потому, что преднамѣренно хотѣлъ придать Его дѣятельности политическій характеръ. Но можно показать и обратную сторону медали. Подвигъ Сусанина, разсматриваемый только съ религіозной точки зрѣнія,—предосудителенъ: добрая цѣль не оправдываетъ безнравственныхъ средствъ. Гуманный врачъ, солгавшій для успокоенія умирающаго больного, будто бы для него еще возможно выздоровленіе,—поступилъ хорошо, съ житейской точки зрѣнія; но если бы я изъ чисто житейской практики перешелъ къ узко-религіозной, я бы сказалъ: нѣтъ, этотъ врачъ—не хри-

стіанинъ: онъ пользуется безнравственными средствами. Такая именно подтасовка религіозныхъ понятій или—честнѣе—христіанскаго ученія и политическихъ доктринъ встрѣчается у насъ очень часто даже и въ сужденіяхъ о смертной казни. Я слышалъ здѣсь много разъ ссылку на заповѣдь Божію: „Не убей“. Всѣ комментаторы Св. Писанія всегда относили и нынѣ относятъ эту заповѣдь только къ преступленію, но —никакъ не къ наказанію, т. е., къ казни; равно какъ заповѣдь: „Не укради“! они относятъ къ воровству, грабежу, лихоимству, святотатству,—но никакъ не къ опредѣляемымъ по суду денежнымъ взысканіямъ или штрафамъ. Между тѣмъ противники смертной казни, тенденціозно смѣшивая преступленіе съ наказаніемъ, обыкновенно увѣряютъ насъ, что словами: „Не убей“! Богъ запретилъ отнимать жизнь лишь у преступниковъ по судебному приговору... Въ виду этого я и прошу васъ, милостивые государи, позволить мнѣ остановить ваше вниманіе именно на тѣхъ моральныхъ основахъ, на которыя сегодня такъ часто здѣсь ссылались.

Прежде всего я отмѣчу слѣдующій достопримѣчательный фактъ. Никогда вы не встрѣтите ни одного интеллигентаго еврея, который бы вамъ сказалъ, что его религія запрещаетъ смертную казнь. Почему? Потому что въ этомъ отношеніи евреи поступаютъ послѣдовательно и прямодушно. Еще опытные законовѣды,—обвинявшіе Іисуса Христа, совершенно справедливо говорили Пилату: „мы имѣемъ законъ и по закону нашему Онъ долженъ умереть“, т. е., долженъ быть преданъ смертной казни. И дѣйствительно въ Ветхозавѣтномъ Писаніи такой законъ есть. Тотъ самый Моисей, который въ книгахъ „Исходъ“ и „Второзаконіе“ возвѣщаетъ міру заповѣдь Божію: „Не убей“! т. е., преступнымъ образомъ не отнимай жизни у своего ближняго, въ тѣхъ же самыхъ книгахъ даетъ нѣсколько законовъ о смертной казни, какъ наказаніи за извѣстныя преступленія. Такъ устами Моисея Богъ говоритъ: казни смертію того, кто злословитъ отца и мать: казни смертію того, кто будетъ вызывать мертвыхъ, разрушать законъ, ложно выдавать себя за пророка, прелюбодѣйствовать и т. д. и т. д. Я здѣсь не даю отъ себя, милостивые государи, никакихъ объясненій, никакихъ толкованій. Я указываю лишь на одни факты. Судите о нихъ сами. Не скрою, впрочемъ, что запрещая расторже-

женіе браковъ, Христосъ выразился о законахъ Моисея, слишкомъ облегчавшихъ брачные разводы, такъ: „Моисей далъ Іудеямъ эти законы *по ихъ жестокосердію*". Не буду говорить о томъ, что это изреченіе Спасителя не относится къ законамъ Моисея о смертной казни; а только спрошу: развѣ мы, называясь христіанами, живя по язычески, менѣе *жестокосерды*, чѣмъ современные Моисею евреи? Развѣ у насъ никто никогда не хлопочетъ о расторженіи своего брака? Или у насъ мало проливается злодѣйски крови? Или у насъ нѣтъ грабительствъ и т. п.? Не знаю, у кого хватитъ мужества утверждать, что въ нравственномъ отношеніи мы стоимъ выше евреевъ, которымъ Моисей давалъ заповѣди Божіи...

Какъ христіанинъ, я отчасти не чуждъ евреямъ по своей вѣрѣ. Я вѣрю въ Божественное откровеніе Ветхозавѣтныхъ Писаній; мало того, я вѣрую еще, что тотъ-же самый Господь, Который говорилъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, говорилъ и въ Новомъ и что истины Его непреложны. Онъ не человѣкъ, чтобы Ему измѣняться—въ одномъ случаѣ сказать одно, въ другомъ—другое. Напрасно нѣкоторые ссылались здѣсь на то, будто-бы Христосъ, ставъ въ противорѣчіе съ Ветхозавѣтнымъ откровеніемъ, отвергъ всѣ его законы о смертной казни, осудилъ это ужасное наказаніе. Христосъ проповѣдывалъ царство не отъ міра сего и даже во всемъ противоположное міру сему. Онъ не былъ политическимъ реформаторомъ и не хотѣлъ, чтобы Его ученію и дѣятельности приписывали политическій характеръ. Однажды подошелъ къ Нему еврей, прося Его раздѣлить наслѣдство между нимъ и его братомъ. Христосъ наотрѣзъ отказался исполнить эту просьбу, говоря: „Кто поставилъ меня судіею надъ вами"? Неудивительно послѣ этого, что Іисусъ Христосъ представляется какъ-бы равнодушнымъ къ тѣмъ возмутительнымъ политическимъ дефектамъ, которые въ то время были совершаемы въ Римской имперіи: казни, истязанія, безчеловѣчно-жестокій характеръ войнъ, рабство, обременительная система собиранія податей, человѣческія жертво-приношенія, приношенія въ жертву даже грудныхъ дѣтей, юношей, дѣвицъ, законное истребленіе калѣкъ и т. п. Припомните эпоху, когда жилъ Христосъ на землѣ. Это было ужасное время римскаго деспотизма, когда рабство проявлялось

въ такихъ видахъ и формахъ, которыхъ мы себѣ и представить не можемъ: скажу только, что между забитымъ на ночь въ колоду рабомъ римскаго фермера и простыми животными не дѣлалось никакого различія. Что-же касается жестокости смертной казни чрезъ распятіе, то она поражала самихъ язычниковъ. Однако-же въ Евангеліи нигдѣ не сказано, чтобы Господь требовалъ насильственнаго переворота, хотя-бы то для уничтоженія рабства или смертной казни? Напротивъ, можно указать не одно мѣсто въ Евангеліи, свидѣтельствующее о томъ, что, признавая фактъ существованія смертной казни или рабства, Христосъ непосредственно не возставалъ противъ нихъ и не требовалъ ихъ уничтоженія. Когда, въ самый день крестной смерти, Пилатъ сказалъ Іисусу Христу: „Ты не отвѣчаешь мнѣ; неужели Ты не знаешь, что я имѣю власть отпустить Тебя и *имѣю власть распять Тебя*“,—Господь отвѣтилъ ему такъ: „ты не имѣлъ-бы никакой власти надо Мною, если-бы она не была дана тебѣ свыше“. Судите, милостивые государи, сами объ этихъ словахъ Спасителя и объясняйте ихъ, какъ вамъ угодно, я же не хочу, при помощи своего толкованія, примѣшивать къ нимъ ни малѣйшаго субъективнаго оттѣнка.

Въ другой разъ былъ такой случай. Пришедшіе ко Христу іудеи сообщили Ему, что Силоамская башня упала и задавила 18 галилеянъ. Христосъ сказалъ имъ на это: „Если не покаетесь, всѣ такъ-же погибнете“. Не напоминаютъ-ли эти слова Спасителя, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ Богъ грозилъ смертію нѣкоторымъ грѣшникамъ, а въ числѣ ихъ и нашимъ прародителямъ?..

Здѣсь, ссылались на слова Спасителя: „вземшіи мечъ отъ меча погибнутъ“. Но что говорятъ эти слова? Они были обращены къ Петру, когда онъ, безъ права, безъ судебнаго приговора, хотѣлъ броситься съ мечомъ на пришедшихъ архіерейскихъ слугъ. Такое, очевидно, преступное поведеніе подлежало-бы наказанію по суду; пролившій кровь разбойникъ, по закону Моисея, самъ долженъ былъ погибнуть отъ меча...

Указывали здѣсь и на то, какъ ко Христу привели однажды блудницу, которую по закону Моисея слѣдовало побить камнями, и какъ Христосъ сказалъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, брось первый въ нее камень“. Слова „брось въ нее камень“ показываютъ ясно, что Спаситель, не отвергая

въ принципѣ ветхозавѣтнаго Закона Божія, требуетъ отъ насъ только безграничной любви къ ближнему, снисхожденія и всепрощенія. Отрадно узнавать, какъ вполнѣ согласно съ этимъ изреченіемъ Спасителя въ христіанскомъ царствѣ часто не утверждаются смертные приговоры и осужденнымъ на смерть преступникамъ дарується жизнь...

Наконецъ, здѣсь было приведено слѣдующее изреченіе Спасителя о тяжести соблазна, какъ грѣха: „Если кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ, лучше былобы для него, если-бы ему на шею повѣсили мельничный жерновъ и потопили его въ пучинѣ морской". Охотно соглашаюсь, что въ этихъ словахъ нѣтъ санкціи для законовъ о смертной казни; но несомнѣнно—*сравнительная* степень слова *лучше* указываетъ на сдѣланное здѣсь *сравненіе* двухъ зловъ соблазна и смертной казни, причемъ смертная казнь признана зломъ меньшимъ. Это обстоятельство очень важно. Почти всѣ предшествовавшіе ораторы, оставляя въ сторонѣ военные и военно-морскіе законы, въ своихъ рѣчахъ имѣли въ виду только законы общіе; по общимъ-же законамъ у насъ полагается смертная казнь только за цареубійство, за покушеніе на жизнь Помазанника Божія, Его супруги и Наслѣдника Престола. Но какъ ни отвратительна смертная казнь, цареубійство—омерзительнѣе и ужаснѣе...

Апостолы слѣдовали ученію Христа. Поэтому мы можемъ указать даже на образованнѣйшаго изъ апостоловъ—апостола Павла, который училъ: „бойся князя, потому что онъ не безъ ума мечъ носитъ".

Тоже самое нужно замѣтить объ отношеніи Христа и апостоловъ ко всѣмъ другимъ политическимъ несовершенствамъ въ тогдашней Римской имперіи. Такъ, апостолъ Павелъ не только не требовалъ насильственнаго переворота съ цѣлію, напримѣръ, уничтоженія отвратительнаго рабства въ Римской имперіи, не только не возстававшаго одну часть народа противъ другой, но, напротивъ, какъ-бы примирялся съ существованіемъ ужаснаго института рабства; говоря: „рабы, повинуйтесь своимъ господамъ и—не только благимъ, но и строптивымъ".

И такъ, милостивые государи, слишкомъ смѣлы тѣ комментаторы новозавѣтнаго ученія, которые утверждаютъ, будто-бы въ Евангеліи есть прямое осужденіе смертной казни

или только возраженіе противъ нея. Такого осужденія я не нахожу. Другое дѣло, если мы заговоримъ о духѣ Христова ученія, съ которымъ, дѣйствительно, непримиримы ни смертная казнь, ни война, ни рабство. Если Христосъ признавалъ фактъ существованія смертной казни, даже какъ-бы мирился съ нимъ и открыто не возставалъ противъ него ни предъ императоромъ римскимъ, ни предъ правительствомъ іудейскимъ, ни предъ народомъ, то это еще не значитъ того, что онъ одобрялъ смертную казнь или дозволялъ ее Своимъ послѣдователямъ. Но здѣсь является вопросъ: отчего-же Христосъ, если Онъ не могъ одобрывать смертной казни, открыто и рѣшительно не осудилъ ея? На этотъ вопросъ нами, впрочемъ, отвѣтъ данъ уже раньше, когда мы говорили о томъ, что Спаситель не былъ политикомъ или государственнымъ реформаторомъ. Заповѣди Христовы—не соціальныя теоріи; Христосъ указалъ намъ лишь нормы царства Божія; но эти нормы совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя проповѣдуются наилучшими политическими теоріями. Политическія теоріи заботятся о тѣлѣ человѣка; онѣ хотятъ дать намъ наилучшія внѣшнія условія для нашей частной и общественной жизни и дѣятельности. Христосъ, напротивъ, заботится о спасеніи нашей души, указывая условія нашего нравственнаго усовершенствованія, увѣряя, что такого нравственнаго усовершенствованія Его, послѣдователи могутъ достичь при самыхъ стѣснительныхъ условіяхъ внѣшней жизни—въ пустынѣ, пропастяхъ земныхъ, въ темницахъ, при голодѣ и сухояденіи... Христосъ проповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ и революцію, но—революцію не внѣ насъ, а въ насъ самихъ, въ нашихъ сердцахъ. Въ этомъ смыслѣ каждый истинный христіанинъ является новою тварію во Христѣ: усвоивъ ученіе Христа о нравственномъ самоусовершенствованіи и достигая въ дѣйствительности высшихъ добродѣтелей, онъ этимъ самымъ уничтожаетъ для себя не только смертную казнь, но и всѣ другія наказанія, даже самый законъ, карающій преступленія. Политическія реформы идутъ отъ общаго къ частному и потому, какъ свидѣтельствуютъ исторія и дѣйствительность, не всегда оправдываются намѣренія законодателя; реформы царствія Божія совершаются путемъ отъ частнаго къ общему: каждый, начинай исправленія съ самого себя,—и изъ такихъ только чле-

новъ можетъ составиться общество святыхъ или Церковь Христова. Христосъ проповѣдывалъ любовь къ ближнему, милосердіе, всепрощеніе, Онъ объявилъ, что и на землю Онъ пришелъ для того, чтобы спасти грѣшниковъ, найти погибшую овцу, душу Свою положить за дарованіе вѣчной жизни другимъ. И кто дѣйствительно съ убѣжденіемъ усвояетъ это ученіе, кто питаетъ любовь къ ближнему, какъ къ своему брату, тотъ можетъ-ли терпѣть рабство, оправдывать смертную казнь, не возмущаться самоистребленіемъ человѣчества во время войнъ? Какъ ни тяжелы были римскіе законы относительно освобожденія рабовъ, но христіане—рабовладѣльцы, слѣдуя заповѣди Спасителя о любви къ ближнимъ, нашли все-таки возможность уничтожить этотъ институтъ столь позорный для человѣчества. Конечно, ученіе Христа есть идеалъ; а дѣйствительность свидѣтельствуетъ намъ, что идеалъ этотъ осуществляется только постепенно и въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ общества. Самъ Христосъ со скорбію указывалъ на то, что между его идеаломъ и дѣйствительностію большая разница. Онъ проповѣдывалъ миръ, который ангелы возвѣстили еще при Его рожденіи; но переводя Свой взоръ на дѣйствительность, вынужденъ былъ сказать: „не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю, не миръ, а мечъ! Я бросилъ въ міръ огонь,—и какъ желалъ-бы, чтобы онъ возгорѣлся!“ Христосъ проповѣдывалъ любовь ко всѣмъ людямъ,—убѣждалъ насъ погашать свой гнѣвъ въ зародышѣ,—и въ тоже время утверждалъ, что жестокія войны будутъ происходить даже и предъ кончиною міра. Но не подлежитъ сомнѣнію одно, что ученіе Христа, по самому существу своему, не терпитъ смертной казни. Таково-же и ученіе Церкви Христовой. Впрочемъ, нужно сказать большее: Христосъ и Церковь не могутъ одобрять не только смертной казни, но и никакого другого наказанія, противнаго любви къ ближнему. Въ Шлюссельбургской крѣпости есть одинъ казематъ... въ немъ томился съ дѣтскаго возраста десятки лѣтъ царственный юноша, не видя свѣта Божія, не слыша человѣческой рѣчи... Я видѣлъ этотъ казематъ,—и ужаснулся человѣческой жестокости... У меня не станетъ духа спросить васъ, милостивые государи, что хуже для человѣка—моментальная-ли смертная казнь или подоб-

ное многолѣтнее заключеніе въ. Шлюссельбургскомъ казематѣ?... „Мертвый домъ“ Достоевскаго неуспокоительнѣе... Идеалъ Церкви состоитъ въ томъ, чтобы ея члены проводили всегда добродѣтельную жизнь и были далеко отъ тѣхъ преступленій, за которыя полагаются по суду тяжелыя наказанія. Я радостію обрадовался-бы нынѣ за отмѣну смертной казни, если-бы вы, милостивые государи, какъ люди, обогащенные большимъ опытомъ, чѣмъ я, болѣе свѣдующіе въ политической жизни, чѣмъ я, доказали мнѣ своимъ голосованіемъ, что, дѣйствительно, сегодня наступилъ тотъ моментъ, когда этотъ идеалъ христіанства долженъ осуществиться на землѣ. Я благословилъ-бы этотъ день и обратился-бы съ благодарною молитвою къ Богу за то, что наступило, наконецъ, время, когда уже ни одна капля крови моихъ соотечественниковъ не прольется больше въ моемъ отечествѣ ни по судебному приговору, ни по злодѣйскому преступленію.

Не могу, въ заключеніе, не указать на затруднительность своего положенія, когда я, уже не какъ священникъ или христіанинъ, а только какъ членъ Государственнаго Совѣта, долженъ буду отвѣтить на вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни,—оставлю область идеаловъ и стану лицомъ къ лицу съ прискорбною дѣйствительностію. Нѣкоторое облегченіе представляетъ мнѣ примѣръ трехъ Святителей нашей Православной Церкви. Когда надъ декабристами былъ назначенъ судъ, въ его составъ, по Высочайшему повелѣнію, вошли и три нашихъ митрополита. Они засѣдали въ общемъ присутствіи, выслушивали показанія свидѣтелей, осматривали вещественныя доказательства до тѣхъ поръ, пока не наступилъ моментъ составленія и произнесенія смертнаго приговора надъ пятью главными подсудимыми. Когда-же этотъ моментъ наступилъ, русскіе святители поднялись съ своихъ мѣстъ, поклонились предсѣдателю суда и вышли изъ залы засѣданій. Они не осудили дѣйствій Правительства; они ничего не возразили противъ постановленія суда; но за то они не приняли и участія въ произнесеніи смертнаго приговора. Если для всѣхъ тяжелъ такой приговоръ, то, конечно, для представителей Православной Церкви онъ составляетъ особую тяжесть...

Милостивые Государи! Я прошу васъ дать и мнѣ возможность поступить такъ, какъ поступили упомянутые мною святители нашей церкви. Я буду сидѣть среди васъ, я буду выслушивать всѣ ваши доводы *за* и *противъ* отмѣны смертной казни; а когда дѣло дойдетъ до голосованія или—что то-же—до окончательнаго рѣшенія этого вопроса, позвольте мнѣ воздержаться отъ подачи голоса и уйти изъ этого зала...

Проф. Т. И. Буткевичъ.

Ночь морозная, тихая, ясная,
Безпредѣльная снѣжная даль,
Кони мчатся стрѣлой, пѣсня страстная
Навѣваетъ на душу печаль.
Пойте, пойте, пока еще молоды,
Еще вѣрите въ жизнь и людей,
Пока въ сердцѣ не чуете холода—
Слѣда даромъ загубленныхъ дней.
Пойте! Вы не знавали страданія,
Время-жъ быстро свершаетъ свой ходъ.
Разобьются мечты, ожиданія:
Ихъ замѣнитъ холодный расчетъ.
Ваша юность минуетъ мятежная,
Жаръ остынетъ, утихнетъ любовь,
Вы уснете, какъ даль эта снѣжная,
Но съ весной не проснетеся вновь.
Пойте, пойте, пока еще молоды,
Еще вѣрите въ жизнь и людей,
Пока въ сердцѣ не чуете холода—
Слѣда даромъ загубленныхъ дней.
Ночь морозная, тихая, ясная,
Безпредѣльная снѣжная даль,
Кони мчатся стрѣлой, пѣсня страстная
Навѣваетъ на душу печаль...

Н. Ельчаниновъ.

Русскій духъ.

I. „Сбились мы—слѣда не видно". II. Русскій Духъ. Родина—Мать. III. Живъ русскій духъ. IV. Невѣжество, самодурство и кулачные вкусы. V. Финляндцы, Евреи. VI. Заключеніе.

I.

„Здѣсь Русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!"—говоритъ со страхомъ злая сила, почуявъ присутствіе русскаго богатыря въ ея логовищѣ. Трепещетъ темная сила; пришелъ ей конецъ; наступаетъ царство свѣта, добра и правды—„смирись, покорствуй русской силѣ"...

Такъ было въ старину,—тогда, когда слагалась русская земля, когда русскіе люди честно и грозно давали отпоръ „басурману", спасая свою землю, свою вѣру и свои идеалы. Русскій Духъ былъ символомъ добра, чести и правды—нѣчто могучее, свѣтлое, доброе.

Прошли вѣка. И передъ нами другія рѣчи: „распорядиться по-русски"—это значитъ: бить въ морду. Дать въ морду, разбить зубы, выпороть,—вотъ это „по-русски". Въ прошломъ году въ Петербургѣ, среди бѣлаго дня, какой-то гимназистъ столкнулся въ толпѣ, на народномъ гуляньѣ подъ вербами, съ прилично одѣтымъ господиномъ. Господинъ, шедшій подъ руку съ пожилой дамой, обратился къ гимназисту съ извиненіемъ на французскомъ языкѣ,—очень можетъ быть, что онъ былъ иностранецъ. Гимназистъ отвѣтилъ: „ты по-французски, а я тебѣ по-русски", и такъ треснулъ его кулакомъ по затылку, а плечемъ въ бокъ, что господинъ свалился на землю. Толпа захохотала. Вотъ это „Русскій Духъ" въ XX столѣтіи!

А что значитъ „выразиться по русски"? Про это и говорить неприлично. Это всякій знаетъ, а лучше всѣхъ знаетъ профессоръ Бодуэнъ-де-Куртене, который собралъ образцы всероссійскаго сквернословія и присоединилъ ихъ къ классическому словарю чистаго и

изящнаго русскаго языка Даля. Г. Бодуэнъ-де-Куртене объясняетъ, что онъ хотѣлъ этимъ способомъ пополнить нѣсколько устарѣвшій словарь новыми словами и оборотами живого языка; онъ сожалѣетъ только о томъ, что въ его памятныхъ тетрадяхъ запасъ этихъ словъ былъ невеликъ. Напрасно г. Бодуэнъ-де-Куртене не предпринялъ ученой поѣздки на Волгу во время навигаціи: тамъ, по пристанямъ, въ трактирахъ и на судахъ, онъ могъ бы записать великое множество живыхъ „русскихъ словъ" „минутнаго" краснорѣчія.

Итакъ,—съ одной стороны, свѣтлый образъ героя-богатыря, носителя правды и чести, а съ другой—дѣянія вовсе не геройскія: бей въ морду всякаго и сквернословіе, сквернословіе безъ конца... Мы какъ-то запутались въ нашихъ этическихъ идеалахъ; высокіе, торжественные мотивы перемѣшиваются, а иногда и заглушаются пошлѣйшими нотами безсмысленной кабацкой пѣсни...

„Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ видно,
Да кружитъ по сторонамъ".

Русскому человѣку свойственно во всемъ валить вину на бѣса. Онъ никогда самъ ни въ чемъ не бываетъ виноватъ; его всегда или „лукавый попуталъ" или, что еще удивительнѣе, „Богъ попустилъ", а онъ самъ въ сторонѣ. Русскій человѣкъ умалчиваетъ только о томъ, что „бѣсъ водитъ" обыкновенно тѣхъ, кто пьянъ напьется, а трезвыхъ никогда... А что мы сбились и слѣды потеряли—это вѣрно. Г. Ростиславъ Фадѣевъ прямо говоритъ, что „мы русскіе связываемся между собою не какою-либо общностью мнѣній, свойственною всякой сложившейся націи, а лишь нѣкоторымъ единствомъ народнаго чувства; это чувство есть не иное что, какъ отголосокъ, постепенно выдыхающійся отъ времени, той однородности и сосредоточенія національныхъ взглядовъ, которыя когда-то у насъ существовали" [1]).

[1]) *Ростиславъ Фадѣевъ*, Русское общество въ настоящемъ и будущемъ.

Спрашивается,—куда же они дѣлись эти сосредоточенные національные взгляды? По мнѣнію многихъ, если не бѣсъ, то „нѣмцы виноваты“: они, молъ, испортили Русскій Духъ. Не хочется даже и отвѣчать на это. Кто же намъ мѣшалъ быть такими же крѣпкими русскими, какими нѣмцы являются нѣмцами?! Нѣтъ, надо и чертей, и нѣмцевъ оставить въ покоѣ, а посмотрѣться хорошенько въ зеркало.

Одинъ русскій профессоръ химіи произнесъ въ 1905 году рѣчь въ г. Львовѣ на тему о „Русскомъ Духѣ“. Онъ разсуждалъ такъ: русскій духъ перешагнулъ идею націонализма и стоитъ на почвѣ чисто альтруистическихъ идеаловъ; въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей онъ борется за права другихъ національностей— евреевъ, поляковъ, армянъ—и очень мало заботится о судьбѣ коренного русскаго населенія. Россія готова погибнуть за высшіе общечеловѣческіе идеалы. Это будетъ смерть Спасителя.

Приходилось ли вамъ. читатель, слышать что либо подобное въ прежнее время? —Русскій духъ великъ, говоритъ г. химикъ, онъ приближается къ духу Христа Спасителя; но въ чемъ же онъ заключается? Въ томъ, что онъ служитъ евреямъ, полякамъ, армянамъ, но не русскимъ. И это говоритъ профессоръ. Если бы онъ былъ даже „профессоръ бѣлой и черной магіи“, то и тогда ему непозволительно было бы говорить такія вещи. Или, можетъ быть, его нѣмцы испортили? Или черти?

II.

Забудемъ на время тѣ наросты и искаженія, которые затемняютъ въ наши дни представленіе о Русскомъ Духѣ, и мы опредѣлимъ его не такъ, какъ вышеупомянутый профессоръ химіи. Мы могли бы найти это опредѣленіе у многихъ нашихъ писателей, начиная съ Карамзина, но въ данномъ случаѣ я возьму слова наиболѣе новыя:

„Что намъ дорого, за что мы готовы умереть: наша Родина. Будь ты царская, будь ты республиканская,

будь ты красная, будь ты черная, мы тебя всегда будемъ любить—Россія!" [1]).

Любить Россію, а не красныхъ, или черныхъ, или бѣлыхъ—въ этомъ все дѣло. Я очень не люблю красныхъ, потому что считаю ихъ врагами Россіи; я еще болѣе не люблю „пестрыхъ", которые умѣютъ то тѣмъ, то другимъ бокомъ показываться; но Россію я всегда буду любить, какова бы она ни была.

„А за что мы должны любить Россію?"

На это я отвѣчу маленькимъ разсказомъ изъ книги для народнаго чтенія Топеліуса, къ сожалѣнію не русской, а финляндской:

Весною, во время ледохода, въ бурной рѣкѣ тонетъ какая-то женщина. Толпа стоитъ на берегу, но помощи никто не рѣшается подать—опасность слишкомъ велика. Вдругъ прибѣгаетъ деревенскій парень; сразу, безъ колебаній и размышленій, бросается онъ въ воду и спасаетъ утопающую.

„Какъ могъ ты рѣшиться, говорятъ ему окружающіе: ты шелъ почти на вѣрную смерть".

— Да вѣдь она моя мать!

И ни слова болѣе. Такъ объясняетъ финляндская книжка любовь къ родинѣ (конечно, къ Финляндіи, а не къ Россіи).

„Клянусь Вамъ честью, писалъ Пушкинъ, что ни за что на свѣтѣ я не хотѣлъ бы перемѣнить отечество, ни имѣть другой исторіи, какъ исторію нашихъ предковъ, такую, какъ намъ Богъ ее послалъ".

Для любви къ родинѣ не требуется никакихъ причинъ и поводовъ, никакихъ „достаточныхъ основаній". Она наша мать—вотъ и все—такая, какъ намъ Богъ ее послалъ. Это есть основа Русскаго Духа; все остальное—или вытекаетъ изъ этой основы, или является результатомъ субъективныхъ свойствъ русскаго человѣка, въ ихъ историческомъ развитіи, притомъ, мы должны сознаться, не только свойствъ добрыхъ, но и слабостей.

Русскій Духъ вознесъ Царское самодержавіе на

---

[1]) Слова *Башмакова*, газета „Народный Голосъ" 1906. № 87.

религіозную высоту и окружаетъ его любовью и поклоненіемъ, не за страхъ, а за совѣсть. Русскій Духъ знаетъ и чувствуетъ, что Самодержавіе въ теченіе столѣтій воплощало въ себѣ всѣ политическіе идеалы русскаго народа: единство и нераздѣльность Россіи и главенство русскаго племени. „Государева служба", „Великаго Государя дѣло", на языкѣ нашихъ предковъ, означали вовсе не личное государево дѣло или придворную службу, а дѣло государственное, народное. Возьмите образъ Русскаго Царя въ стихотвореніяхъ Пушкина—это есть ничто иное, какъ старый русскій богатырь—могучій, свѣтлый, нелицепріятный, предъ которымъ трепещетъ всякая нечисть, и который исповѣдуетъ только одинъ догматъ: Россія и русскій народъ. Такого Царя носилъ въ своемъ сердцѣ русскій человѣкъ и отъ него готовъ былъ все претерпѣть, за него готовъ былъ умереть. И было за что: Царь собралъ русскую землю и держалъ ее единую и нераздѣльную. Русскій Духъ простилъ Александру I-му Аракчеева, простилъ многое другое изъ времени вступленія его на престолъ, но не простилъ ему Финляндіи и Польши. Обстоятельства эти слишкомъ общеизвѣстны, чтобы теперь о нихъ распространяться; но въ высшей степени знаменателенъ тотъ фактъ, что изъ за Финляндіи и Польши русскіе люди забыли прежнюю любовь къ Александру, готовы были забыть и то, что въ тяжкую годину отечественной войны онъ не только не подписалъ позорнаго мира, но даже и думать о немъ не хотѣлъ, предпочитая удалиться въ сибирскіе лѣса...

Русскій Духъ по своему понимаетъ слова: „Самодержавіе, православіе и народность" и „За вѣру, царя и отечество". Для Русскаго Духа это не имѣетъ значенія какой либо одной, опредѣленной политической платформы. Это просто волшебныя слова, сливающіяся воедино, какъ девизъ и символъ единства Россіи и главенства русскаго племени; это—формулы, выражающія собою всю исторію собиранія русской земли. Онѣ, какъ извѣстно, не старинныя формулы; онѣ установлены въ XIX вѣкѣ, но, тѣмъ не менѣе, отлично воплотили въ себѣ основное содержаніе Русскаго Духа. Ихъ не скоро

забудетъ русскій народъ. Скажу болѣе: онъ былъ бы подлымъ народомъ, если бы скоро забылъ ихъ. Я совершенно увѣренъ, что когда русскому народу придется самому и самостоятельно столкнуться съ врагами единой Россіи—а этого по многимъ признакамъ не долго ждать, слова эти засіяютъ новымъ блескомъ на народныхъ знаменахъ въ качествѣ опять-таки волшебнаго символа. Каково будетъ тогда ихъ практическое содержаніе, къ чему они приведутъ,—это другой вопросъ, котораго мы здѣсь не касаемся. Очень можетъ быть, что они получатъ страшное и для многихъ неожиданное содержаніе.

Русскій Духъ храбръ, въ бою себя не жалѣетъ, на смерть идетъ спокойно, но войны не любитъ и ею не увлекается; кровопролитіе не въ его вкусѣ. У Немировича-Данченка, въ его романѣ „Впередъ" изъ турецкой войны 1877 года, есть прекрасный разсказъ. Штабный фазанъ, трусъ и лгунишка, обращается къ старому, много лѣтъ служившему на Кавказѣ и въ Средней Азіи, казачьему полковнику съ увѣреніями въ своей любви къ военному дѣлу. Старый доблестный воинъ, оказывается, другого мнѣнія: онъ войны не любитъ, „одно убивство", говоритъ: печальная необходимость, долгъ передъ отечествомъ, но хорошаго ничего нѣтъ... онъ даже и понять не можетъ, какъ можно „этакое дѣло любить".

Русскій Духъ добръ и мягокъ до сантиментальности; ему трудно рѣшиться на злое дѣло, хотя бы оно и было ему выгодно. Въ этомъ отличіе Русскаго Духа отъ западнаго: западный человѣкъ и добро дѣлаетъ съ разсчетомъ, и передъ злымъ дѣломъ не остановится, когда это выгодно, а русскій человѣкъ чувствомъ руководствуется—онъ бываетъ добръ до глупости въ обыкновенное время и пылаетъ огнемъ, когда задѣто его національное чувство.

Во время японской войны, когда начались неудачи, Русскій Духъ, не замѣчая того, что сидитъ въ обществѣ людей совсѣмъ другого закала, говорилъ:

„Если бы я могъ сохранить одного русскаго солдата цѣною жизни всѣхъ сорока милліоновъ японцевъ,

то я не задумался бы ни на минуту, перебить или утопить ихъ всѣхъ до послѣдняго".

Присутствующіе возмущались: „Это варварство; всѣ люди равны; одна жизнь равна другой".

Русскій Духъ отвѣчалъ: „Да, всѣ равны передъ Богомъ, если Господу угодно будетъ признать ихъ равными, равны и на землѣ, пока не опасны русскому государству. Но какъ только загремѣло оружіе, не только о равенствѣ, но и о какомъ бы бы то ни было соизмѣреніи не должно быть рѣчи".

Однажды западники, сидя вокругъ чайнаго стола, въ перегонку восхваляли западно-европейскую администрацію, прусскихъ оберъ-президентовъ и французскихъ префектовъ, по сравненію съ нашими губернаторами. На этихъ послѣднихъ валились ушаты грязи: и дураки они, и неучи, и грубіяны, и взяточники...

Русскій Духъ, на этотъ разъ въ образѣ очень умнаго старика, редактора мѣстной губернской газеты, слушалъ и молчалъ. Къ нему обратились съ вопросомъ. Онъ всѣхъ удивилъ.

„Много правды въ словахъ вашихъ, сказалъ онъ: я при девятомъ губернаторѣ служу—одинъ только и былъ настоящій человѣкъ [1]). А все-таки было бы очень хорошо, если бы вмѣсто Пруссіи и Франціи была Россія и вмѣсто президентовъ и префектовъ сидѣли русскіе губернаторы".

Старикъ не думалъ о завоеваніяхъ—онъ былъ противникъ всякаго насилія, добръ и незлобивъ; онъ просто мечталъ о величіи Россіи, такой, какъ она есть, со всѣми слабостями. Западники его не поняли, не поняли того, что его горячее національное чувство было задѣто ихъ безцеремонными сравненіями.

Русскій Духъ не знаетъ племенной вражды. Онъ иногда легкомысленно и добродушно ругается: нѣмцы-колбасники, ляхи безмозглые, татаринъ свиное ухо; но злобы у него нѣтъ. Онъ не отвѣчаетъ даже враждою на прямую ненависть многихъ нашихъ инородцевъ.

---

[1]) Подъ единственнымъ „настоящимъ человѣкомъ", изъ числа девяти губернаторовъ, Русскій Духъ разумѣлъ адмирала И. С. Унковскаго (командиръ „Фрегата Паллады").

Когда борьба кончена, миръ заключенъ или возстаніе подавлено, Русскій Духъ искренно и сердечно говоритъ побѣжденному: „теперь довольно, иди, братъ, ко мнѣ, къ общему огню".

Это—великая сила Русскаго Духа. Правда, очень часто его обманываютъ: къ общему огню идутъ, въ любви увѣряютъ, братомъ называть себя позволяютъ и сами называютъ, а камень за пазухой держатъ, да потомъ ночью и зарѣжутъ... Бывало и это въ исторіи нашихъ отношеній къ окраиннымъ инородцамъ, и забывать этого не слѣдуетъ. Но бываетъ и иное, доброе: не только татаринъ и полудикій азіатъ, но и культурный нѣмецъ нерѣдко пріобщается Русскому Духу и становится дѣйствительнымъ „братомъ". Востоковъ, Яковъ Гротъ, Даль, Гильфердингъ, Орестъ Миллеръ были нѣмцы; но дай намъ Богъ побольше такихъ русскихъ. Не мало ихъ и среди современныхъ нашихъ государственныхъ дѣятелей—не будемъ называть ихъ имена; они очень разные люди, но они оказываются больше русскими людьми, чѣмъ многіе и многіе изъ нашихъ чистокровно-русскихъ сановниковъ. Это большая награда Русскому Духу; онъ никого не угнетаетъ, но привлекаетъ многихъ. Такъ было всегда. По лицу земли русской разсѣяно великое множество добрыхъ гражданъ съ нѣмецкими именами и фамиліями; это маленькіе, незамѣтные люди, но они наши, русскіе люди, и у нихъ намъ многому не худо поучиться.

Не могу не вспомнить одного такого маленькаго человѣка, Н. В. В—бе, по ремеслу мельника въ уѣздномъ городкѣ. Отецъ огромнаго семейства, если не ошибаюсь 11 человѣкъ дѣтей, онъ прожилъ болѣе двадцати лѣтъ въ городѣ, неуклонно принималъ участіе въ городскомъ управленіи, достигъ понемногу званія товарища городского головы, но по-русски говорилъ плохо. Когда пришло извѣстіе о предстоящемъ заключеніи мира съ японцами, въ мѣстномъ клубѣ зашелъ споръ. Многіе говорили, что миръ необходимъ, такъ какъ для продолженія войны у насъ „людей не хватитъ". В—бе спокойно, съ своимъ нѣмецкимъ акцентомъ, произнесъ:

„Кватитъ,—у мене семъ сыновъ. Три на службѣ, а четыре еще дома".

А когда пришло извѣстіе о Портсмутскомъ договорѣ, о томъ, что г. Витте отдаетъ японцамъ Сахалинъ, честный нѣмецъ вышелъ изъ себя. Онъ шагалъ изъ угла въ уголъ по клубной залѣ и повторялъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!"...

Его убѣдили, что дѣло кончено.

„Коншено, коншено, закричалъ онъ: вы гаваритъ, дѣло коншено,—ну такъ я на всѣхъ плевать буду".

Черезъ полчаса В—бе уныло сидѣлъ въ уголкѣ и потихоньку утиралъ пальцами слезы. Миръ праху твоему—онъ скончался вскорѣ—простой, честный, русскій нѣмецъ.

Русскій Духъ набоженъ, но безъ всякаго оттѣнка религіознаго фанатизма. Этотъ послѣдній возбуждается лишь преслѣдованіями. За вѣру православную онъ готовъ постоять, но лишь тогда, когда этой вѣрѣ—или отечеству, что для русскаго духа одно и то же—по его мнѣнію грозитъ опасность. Воиномъ креста въ завоевательномъ или истребительномъ смыслѣ Русскій Духъ никогда не былъ и не будетъ. Русскій Духъ въ религіозномъ отношеніи не только отличается полной вѣротерпимостью, но даже набожность его не лишена нѣкотораго оттѣнка легкомыслія.

Сельскій священникъ, искренно вѣрующій, прямой подвижникъ въ дѣлахъ вѣры и аскетъ въ жизни, свелъ дружбу съ бѣднымъ евреемъ ремесленникомъ, на рѣдкость честнымъ человѣкомъ. Прихожане не нашли въ этомъ ничего предосудительнаго; наоборотъ, ставили своего священника въ примѣръ другимъ, что онъ „всякаго человѣка уважаетъ", и только добродушно подшучивали. Священникъ съ евреемъ часто ходили вдвоемъ рыбу ловить; оба были рыболовы-любители; часто купались вмѣстѣ. Мужики говорили:

„Повелъ попъ жида крестить!"—кричали съ берега: „эй ты, жидъ, не утопи нашего попа!"—или „батька, окрести жида поскорѣе!"

Жиду это не нравилось, но попъ смѣялся.

Любопытно замѣтить, что, не только среди своихъ

православныхъ прихожанъ, но и среди старовѣровъ, этотъ священникъ пользовался большимъ уваженіемъ. А между тѣмъ въ той мѣстности евреевъ вообще ненавидѣли.

Русскій изслѣдователь средней Азіи[1]) ночевалъ однажды у оставшагося на жительствѣ въ Туркестанѣ кубанскаго казака. Въ большомъ кіотѣ-божницѣ, въ переднемъ углу хаты, оказался поставленнымъ рядомъ съ иконами мѣдный китайскій идолъ (бурханъ). Старый казакъ, умный и грамотный, объяснилъ просто:

„Конечно, ваше благородіе, для насъ это—одна мерзость; ну, а для скотины ихній богъ самый настоящій, да и ходятъ ко мнѣ часто бритоголовые и стѣсняются; они нашихъ иконъ не любятъ, думаютъ, что мы ихъ крестить хотимъ, а какъ я этого болвана поставилъ, такъ легкой душой ко мнѣ идутъ и живемъ съ ними дружно".

Русскій Духъ создалъ особое понятіе „народъ", котораго вовсе нѣтъ на западѣ, и это понятіе для всякаго русскаго живо и свято: благо народное есть ultima ratio всѣхъ соображеній. По мнѣнію массы русскихъ людей, всемогущій царь при коронованіи кланяется „народу", т. е. не публикѣ, присутствующей при коронованіи, а „народу", въ особомъ идеальномъ представленіи: „всенародному множеству московскаго (россійскаго) государства", какъ выражались въ старину. Это не есть populus древняго Рима и новѣйшихъ государствъ Европы; не omnes старой Польши; тѣмъ менѣе „земскіе чины" Швеціи и нашей (нынѣ уже почти не нашей) Финляндіи. Это нѣчто особое, поэтическое, но живое и реальное; святыня, которой служатъ и воздаютъ почетъ.

„Что царю служить, что народу—все едино", говорятъ мужики, и я понимаю эту мысль. Но попробуйте, перевести эту фразу на иностранный языкъ и приложить къ политической жизни западнаго государства—выйдетъ безсмыслица.

Въ понятіи „народа" исчезаютъ всѣ классовые оттѣнки и всѣ индивидуальныя различія; все сближается

---

[1]) Покойный профессоръ *И. В. Мушкетовъ*.

и связывается во-едино. Формальнаго равенства всѣхъ между собою, того равенства, которое выдвигается въ Западной Европѣ, Русскій Духъ не ищетъ. Русскій Духъ понимаетъ, что это формальное равенство ни мало не устраняетъ всѣхъ неравенствъ практической жизни, а при удобныхъ условіяхъ можетъ содѣйствовать угнетенію слабыхъ сильными.

Кому кланялся на всѣ стороны преступникъ на лобномъ мѣстѣ передъ казнью; у кого просилъ прощенія? Можетъ быть у собравшихся около эшафота зрителей?—Нѣтъ, онъ просилъ прощенія у всего „русскаго народа". Нерѣдки и нынѣ случаи, когда русскій человѣкъ, совершивъ преступленіе, вмѣсто явки съ повинной къ властямъ, выходитъ передъ толпой, кланяется „народу" и кается въ своей винѣ.

У Л. Н. Толстого, въ его „Власть тьмы", есть величественная сцена: убійца становится на колѣни передъ собравшимися на праздникъ гостями и кается въ своемъ грѣхѣ. Полицейскій суетится и заботится о протоколѣ, но его останавливаетъ Русскій Духъ—старикъ, отецъ убійцы: тутъ Богъ, тутъ совѣсть, а ты „протоколъ"...

III.

Что еще сказать о Русскомъ Духѣ въ его существенныхъ чертахъ?—Онъ нѣсколько вялъ, этотъ Русскій Духъ: онъ любитъ дремать, пока „громъ не грянетъ". Онъ—Илья Муромецъ, который „сиднемъ" сидѣлъ тридцать лѣтъ, пока не очнулся. Онъ легко конфузится; подъ напоромъ наглости и громкихъ словъ прячется и даже самъ себя какъ бы стыдится. Что дѣлать—космополиты силу забрали. Но онъ живъ и уже началъ просыпаться.

Не можетъ умереть тотъ народный духъ, который имѣетъ такихъ выразителей въ литературѣ, какъ Пушкинъ. О немъ, о національномъ характерѣ его колоссальнаго таланта говорить много нѣтъ надобности, это всѣмъ извѣстно. Но за нимъ идутъ десятки славныхъ именъ: Карамзинъ, Загоскинъ, Крыловъ, Аксаковъ, Тургеневъ, Алексѣй Толстой, Левъ Толстой, (въ „Разска-

захъ", „Дѣтство и отрочество", „Война и миръ", „Власть тьмы"), Достоевскій, Лѣсковъ, Гончаровъ, Островскій, Писемскій, Григоровичъ и т. д. Это все носители Русскаго Духа

Тургеневъ устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Дымъ" говоритъ, что Русскій Духъ ничего своего національнаго не создалъ; что даже „наши знаменитые продукты—самоваръ и лапти, и дуга, и кнутъ не нами выдуманы". Очень можетъ быть. Да это и не интересно, кѣмъ выдуманъ кнутъ (и слово-то не русское); еще менѣе интересно, кѣмъ выдуманъ самоваръ. Но оборона отечества отъ французовъ въ 1812 году несомнѣнно русскими людьми выдумана; земское ополченіе и изгнаніе поляковъ изъ Москвы въ 1612 году тоже русскими людьми выдуманы; никакой инородецъ ихъ этому не училъ. Освобожденіе крестьянъ съ землею, сколько извѣстно, опять таки русскими людьми выдумано. Да вѣдь и самъ Тургеневъ русскими людьми выдуманъ—это поважнѣе самовара: такая литературная величина, какъ Тургеневъ, сама по себѣ достаточна для того, чтобы признать силу Русскаго Духа. Кто лучше его нарисовалъ русскую женщину въ лицѣ Лизы? Только Татьяна Пушкина можетъ сравниться. Все западничество Тургенева не внесло ни одной „нерусской" черты въ его произведенія. А языкъ какой!

Тургеневъ всегда былъ и останется чистымъ произведеніемъ Русскаго Духа, великимъ художникомъ—писателемъ земли и народа русскаго. Неловко говорить въ шутливомъ тонѣ о такихъ величинахъ какъ Тургеневъ, но невольно хочется сказать, что онъ всю жизнь притворялся иностранцемъ—не болѣе. Это простая слабость, столь свойственная многимъ, изображать изъ себя иностранца, въ особенности англичанина, и въ манерахъ, и въ походкѣ, и въ одеждѣ и въ произношеніи.

Въ дѣлѣ воплощенія Русскаго Духа наша литература не стоитъ одиноко среди изящныхъ искусствъ. Музыка и живопись идутъ здѣсь рука объ руку. Мотивы русскихъ пѣсенъ, музыка Глинки, Сѣрова, Римскаго-Корсакова, Мусоргскаго,—вѣдь это выраженіе народныхъ идеаловъ и народной мечты. Картины Васне-

цова не забудутся, пока останется хоть одинъ русскій человѣкъ на землѣ, который ихъ видѣлъ. „Страшный Судъ"—картина это или видѣніе? А „Богатыри на заставѣ"—какой русскій человѣкъ не встрепенется при видѣ этихъ своихъ близкихъ родныхъ: Добрыня Никитичъ—благородный, честный, самоотверженный, немного мечтатель, безхитростный и, можетъ быть, недалекій; Илья Муромцевъ—земецъ-богатырь, грузный, могучій, безстрашный, но осторожный и, какъ говорится, себѣ на умѣ. Не обойдены и порочныя стороны русскаго человѣка: Алеша Поповичъ—пройдоха, лгунишка, хитродѣлецъ и безстыдникъ... Его и съ коня снимутъ, и шелепугою всыплютъ такъ, что на сѣдлѣ сидѣть больно, а онъ не конфузится. Таковъ онъ и на картинѣ.

Русское зодчество, такъ называемый русскій стиль въ архитектурѣ еще не разработанъ теоретически, но онъ несомнѣнно существуетъ, и только слѣпые или предубѣжденные люди могутъ его отрицать. Въ немъ отражаются и судьбы и мечты русскаго народа. Онъ живетъ и развивается; ему можетъ предстоять большое будущее.

Живъ Русскій Духъ и никогда не умретъ, если мы сами въ себѣ его не задушимъ.

IV.

Живъ Русскій Духъ; но погубить его не трудно. Былина о томъ, „Какъ перевелись богатыри на Святой Руси"—вѣщая былина. Много лѣтъ побивали наши богатыри грубую силу поганую, кого мечемъ, кого дубьемъ, кого кулакомъ, кого за ноги, да головой о землю, и стали богатыри бахвалиться:

„Подавай намъ силу хоть небесную:
Мы и съ той силой справимся".

И пришла новая сила, такая сила, что дубья не испугалась: богатыри рубятъ враговъ надвое, а враги отъ того только множатся—изъ каждой половины новый врагъ выростаетъ. Растерялись, испугались, съ умомъ не собрались; побѣжали въ каменныя горы и остались тамъ несмысленными каменьями. Такъ перевелись богатыри на Святой Руси!

Бахвальство, невѣжественное самодурство и кулачные вкусы—вотъ грѣхи русскаго человѣка, которые болѣзненнымъ наростомъ облегаютъ Русскій Духъ, отвращаютъ отъ него культурныхъ людей и могутъ довести до погибели.

Свойственное вообще сильнымъ, но малокультурнымъ людямъ, самомнѣніе у русскихъ людей развилось до крайности. Это—не народная гордость, не чувство собственнаго достоинства, а именно глупое бахвальство (другого слова не найти): „шапками закидаемъ; по пяти японцевъ на одинъ штыкъ уберемъ"...

Какой нибудь силачъ, крючникъ на Волгѣ, подъ видомъ пѣнія, оретъ на всю пристань: „Наша матушка Рассѣя всему свѣту голова"... А спросите у него, почему онъ такъ думаетъ, онъ покажетъ вамъ кулакъ, а не то и похуже что нибудь сдѣлаетъ. Въ то время, когда въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые потеряли національное чувство и отказались отъ любви къ родинѣ, среди такъ называемыхъ „сознательныхъ" интеллигентовъ, презрѣніе къ Россіи и всему русскому достигло высшей степени,—тѣ классы, которые остались вѣрны Русскому Духу, поражаютъ грубымъ, невѣжественнымъ самомнѣніемъ даже въ мелочахъ. Военные люди, духовенство, крестьянство, старообрядческое купечество, всѣ эти наши живыя силы, главная надежда нашего будущаго, вызываютъ иногда отвращеніе своею самодовлѣющею некультурностью.

Военные наши нѣсколько встрепенулись послѣ позорнаго японскаго разгрома; но ранѣе того огромное большинство нашихъ офицеровъ, отъ подпоручика до генерала включительно, не хотѣли и прислушиваться къ какимъ нибудь требованіямъ напряженной умственной работы. У нихъ былъ одинъ отвѣтъ: „А мы по военному", т. е. кулакомъ въ зубы или бутылкой по головѣ... Въ лучшемъ случаѣ во всемъ виновато оказывалось начальство: оно не поощряетъ умственныхъ занятій. Подпоручики винили полковниковъ и генераловъ, полковники однихъ генераловъ: генералы, молъ, всѣ дураки! А сами-то вы кто и что, позвольте спро-

сить: вѣдъ вы не что иное, какъ завтрашніе полковники и генералы...

До того дожили, что по всей Россіи пошелъ нелѣпый разсказъ, которому и повѣрить стыдно, но тѣмъ не менѣе всѣ повѣрили: будто бы, въ селѣ Медвѣдь, гдѣ помѣщались плѣнные японцы, въ солдатской школѣ того полка, который содержалъ караулъ, русскую грамоту русскимъ солдатамъ преподавалъ японскій плѣнный офицеръ, а свои не желали этимъ заниматься!!

Крупный военный чинъ, богатый баринъ, кровный аристократъ, по собственному его заявленію великій „русскій патріотъ", былъ назначенъ Главнымъ Начальникомъ инородческаго, враждебно настроеннаго края. Одно лицо, близко знакомое съ особенностями края, обратило его вниманіе на необходимость прежде, чѣмъ приступить къ какимъ нибудь распоряженіямъ по управленію, немного ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ— прочесть двѣ, три книжки... Нашъ баринъ сталъ въ позу индѣйскаго пѣтуха, расправилъ свои роскошныя бакенбарды и возгласилъ:

„Я не намѣренъ засорять голову печатной бумагой!"

Вѣдь это историческая фраза. Кто другой, кромѣ „русскаго" патріота, въ состояніи произнесть такую прелесть?—А онъ притомъ даже и не дуракъ; онъ просто русскій человѣкъ, проникнутый самодовлѣющимъ невѣжествомъ. Управленіе краемъ окончилось для него весьма печально; но и тогда онъ не сконфузился: всѣхъ винилъ, кромѣ себя.

У Помяловскаго, въ его извѣстной повѣсти „Порѣчане", есть великолѣпная сцена. Иванъ Семеновичъ Огородниковъ, красавецъ, силачъ, кулачный боецъ и пьяница, „обладая необычайнымъ басомъ", забрался въ церкви, въ день храмового праздника, на клиросъ къ пѣвчимъ и реветъ во всю мочь, „рубитъ какъ топорищемъ". Сосѣдъ его уговариваетъ:

„Иванъ Семеновичъ, побойся Бога, перестань вопить".

Иванъ Семеновичъ отвѣчаетъ: „Не бѣда, ходи по колѣно во щахъ!"

Совершенно то же настроеніе, которое проявилъ

нашъ сановникъ, Начальникъ края: „Не хочу засорять голову печатной бумагой",—вѣдь это именно то же самое и есть. Ему говорятъ: „Князь, побойтесь Бога, познакомьтесь съ труднымъ дѣломъ, за которое беретесь", а онъ отвѣчаетъ: знать ничего не хочу,—ходи по колѣно во щахъ...

Невольно вспоминается эпизодъ изъ исторіи одной изъ нашихъ провинціальныхъ гимназій. Въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія ее посѣтилъ Императоръ Николай I. Онъ нашелъ все въ порядкѣ: начальство на мѣстахъ; вездѣ чисто, нигдѣ ни клочка печатной бумаги, книгъ въ библіотекѣ—ни одной, слѣдовательно ничьи головы печатной бумагой не засорены; учениковъ нѣтъ, или, кажется, четыре человѣка на всѣ семь классовъ. Императоръ обошелъ помѣщеніе и все хвалилъ чистоту, а потомъ, обратившись къ начальству, сказалъ; „чисто и пусто—закрыть!" Для тридцатыхъ годовъ это, можетъ быть, было слишкомъ строго; но для нашего времени, казалось бы, совершенно правильно: если помѣщеніе, предназначенное для умственной работы, не засорено печатной бумагой, то его слѣдуетъ закрыть.

Такихъ Ивановъ Семеновичей Огородниковыхъ цѣлые десятки Островскій вывелъ на сцену въ своихъ комедіяхъ изъ купеческаго быта. Но ихъ много во всѣхъ слояхъ нашего общества. Девизъ ихъ всегда одинъ и тотъ же: „Знать ничего не хочу; какъ хочу, такъ и ворочу; ндраву моему не препятствуй; хочу съ кашей ѣмъ, хочу масло пахтаю"... и такъ далѣе въ этомъ тонѣ. Иногда эти Иваны бываютъ трусливы—напакоститъ и спрячется—это еще слава Богу; но бываютъ и неудержимые, непримиримые. Иногда Иваны бываютъ добрые, тогда имъ много прощается въ сферѣ простыхъ житейскихъ отношеній. Но въ общемъ ходѣ государственной жизни добрые Иваны такъ же вредны, какъ и злые. Купецъ толстосумъ, по самодурству отваливающій куши на неясныя для него самого цѣли, сановникъ, изъ числа не желающихъ засорять голову печатной бумагой, сплошь и рядомъ оказываются безсознательными, но прямыми сообщниками и пособниками враговъ—разрушителей Россіи.

Въ непосредственной связи съ невѣжественнымъ самодурствомъ всегда стоятъ кулачные вкусы. Эта черта рѣзко проходитъ по всей русской исторіи. Дѣйствіе насиліемъ, кулакомъ, мы встрѣчаемъ въ исторіи всѣхъ народовъ; но нигдѣ оно не получало характера такой затяжной общественной болѣзни, какъ у насъ. Дѣйствіе кулакомъ, конечно, имѣетъ свое, если можно такъ выразиться, законное мѣсто въ исторіи: inter arma, говорятъ silent leges. Бываютъ моменты, когда не только дозволительно, но необходимо примѣнить силу. Когда врагъ поднимаетъ смертоносную руку, терять времени на разсужденіе нечего; ударъ необходимо отражать ударомъ. Но и тогда кулакъ долженъ подчиняться разуму и никогда онъ не можетъ замѣстить собою дѣйствіе духовныхъ силъ.

Тяжело для русскаго человѣка говорить объ этомъ. Это наша страшная болѣзнь, которая отталкиваетъ отъ насъ культурныхъ людей и, вслѣдствіе того, является источникомъ нашей слабости. Жизнь давно ушла впередъ; давно на политической аренѣ выдвинулись духовныя силы, а мы все по старому: въ морду, да въ зубы; разнести, раскатать, выпороть, драть какъ Сидорову козу... Нѣтъ, „хороша старина, да и Богъ съ ней!"

Одинъ циникъ сказалъ: „Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ".

А другой такой-же прибавилъ: „Въ морду и полюбитъ!"

Вотъ въ этомъ-то наше несчастье и состоитъ: мы чужой морды не уважаемъ, а свою даже мыть не хотимъ— „Медвѣдь, молъ, никогда не моется, а всѣ его боятся!"

Большая заслуга общества „Русское Собраніе" въ томъ, что оно подняло знамя Русскаго Духа въ такой моментъ, когда наше образованное общество и правящіе классы совсѣмъ отвернулись отъ національнаго чувства, когда самое слово „русскій патріотъ" или „націоналистъ" сдѣлалось почти ругательнымъ, какъ синонимъ реакціонера, врага просвѣщенія и Держиморды. Надо было имѣть много, прямо скажу, храбрости, чтобы пойти противъ теченія, рискуя не только подвергнуться нареканіямъ и всяческому оплеванію, но иногда даже

и повредить своей служебной карьерѣ. Однако, и тутъ русскіе люди оказались слабы. Организація „Русскаго Собранія" была создана; провинція откликнулась; образовалось множество отдѣловъ по городамъ; произнесено было много торжественныхъ рѣчей; служились молебны, подносились иконы. Но, спрашивается, что же реальнаго сдѣлало „Русское Собраніе" для развитія Русскаго Духа и для побѣды его надъ врагами?—Грустно сознаться: ничего! Очень много и долго разсуждали о возстановленіи „русской одежды", когда и одежда-то эта не русская, а въ главныхъ частяхъ татарская; служили панихиды по убитымъ революціонерами жертвамъ долга и только. Нельзя же считать реальнымъ дѣломъ для такого союза клубные разговоры въ своей средѣ! Ихъ много и понынѣ, но отъ нихъ пользы мало.

Казалось бы первое, о чемъ должно было позаботиться „Русское Собраніе",—это о народной литературѣ, объ изданіи хорошей книги для народнаго чтенія, проникнутой чувствомъ уваженія и любви къ родинѣ. Казалось бы съ этого надо было начинать; въ этомъ залогъ успѣха; въ этомъ единственное оружіе борьбы съ революціонно-космополитической литературой, наводнившей Россію въ послѣдніе годы. Разокъ поговорили объ этомъ въ Русскомъ Собраніи, да тѣмъ дѣло и кончилось... А Финляндцы давно поняли, что сила духа не въ кулакѣ; они создали очень хорошую народную литературу, въ томъ числѣ и прекрасную книгу Топеліуса, о которой мы выше упоминали. То же дѣлаютъ и поляки—взгляните на изданіе ихъ союза „Школьная Матица". Далеко намъ до нихъ со всѣми нашими „русскими" кулаками!

Пора понять, что главная сила Духа заключается не въ большомъ кулакѣ, а въ преданности идеалу, во внутренней дисциплинѣ и въ знаніи. Объ этомъ надо заботиться, а съ кулакомъ пора разстаться.

Великъ и силенъ былъ древній Римъ. Но все, что сдѣлалъ онъ своимъ могучимъ кулакомъ, исчезло безслѣдно, а что сдѣлалъ умомъ—римское право,—то не только живетъ до сихъ поръ, но покорило себѣ правовоззрѣнія всѣхъ культурныхъ народовъ Европы. Гре-

цію Римъ задавилъ своимъ кулакомъ, да самъ же ея культурѣ подчинился...

V.

Финляндцы свою борьбу съ русскимъ народомъ не съ кулаковъ начали. Какъ только жребій войны склонился въ русскую сторону въ 1809 году, они сейчасъ же выкинули флагъ „лойяльность“ и начали дурачить русскаго медвѣдя. Мы теперь, послѣ цѣлаго ряда убійствъ и покушеній на представителей русской власти въ Финляндіи: Бобрикова, Дейтриха, Крамаренка, Мясоѣдова и другихъ; послѣ доказаннаго участія финляндцевъ въ русскомъ революціонномъ движеніи; послѣ раскрытой по подлиннымъ документамъ связи финляндскихъ дѣятелей съ японцами[1]); послѣ свеаборгскаго возстанія, — хорошо видимъ, какова финляндская „лойяльность“. Но сто почти лѣтъ подъ покровомъ этой „лойяльности“ финляндскіе политики спокойно обдѣлывали свои дѣлишки, и все это время „финляндскій сапогъ кормился на счетъ русскаго лаптя“. Да, кажется, не скоро это и кончится! Русскіе люди время отъ времени поднимали крикъ, махали кулаками, но ни знанія, не выдержки не было. Генералъ-губернаторы назначались одинъ хуже другого. Всѣ они, за исключеніемъ Бобрикова, или ничего не дѣлали, или ихъ ухватывалъ за носъ какой-нибудь ловкій финляндцецъ, въ родѣ Михелина, и водилъ, куда ему угодно.

Въ результатѣ все завоеваніе Финляндіи, всѣ жертвы русскаго народа сведены къ нулю. Финляндцы въ прошломъ 1905 году ловко воспользовались военною невзгодою и внутренней смутой въ Россіи и крикнули русскимъ людямъ: „Пошли вонъ, дураки!“ И мы ушли.

Какими же средствами могли достигнуть финляндцы такой страшной побѣды надъ русскимъ великаномъ? Отвѣтъ одинъ: умомъ, ловкостью, знаніями, выдержкой и настойчивостью. Бомбы, револьверы и кинжалы они пустили въ ходъ только тогда, когда духовныя силы

[1]) См. брошюру: „Пзнанка революціи“. СПБ. 1906.

ихъ были достаточно организованы для крупнаго успѣха, и когда они замѣтили, что ихъ начинаетъ понимать небольшая, но вліятельная кучка русскихъ людей.

„На сторонѣ финляндцевъ, пишетъ извѣстный знатокъ финляндскихъ дѣлъ, Ѳ. П. Еленевъ, была система, хорошо обдуманная и твердо исполняемая съ самаго 1809 года, сперва съ терпѣніемъ и осторожностью, сообразно съ обстоятельствами, потомъ съ напоромъ, настойчивостью и дерзостью, также сообразно съ обстоятельствами. На ихъ сторонѣ были люди, *способные*, *энергичные*, *просвѣщенные* наукою и опытомъ, дѣйствовавшіе и доселѣ дѣйствующіе, какъ одинъ человѣкъ. Эти люди пользовались и пользуются противъ Россіи орудіями лжи, обмановъ и подлоговъ. На противоположной сторонѣ не было ни системы, ни людей; на финляндскія коварства съ русской стороны отвѣчали простодушіемъ... Вооруженною рукою финляндцы, даже съ помощью Англіи и Швеціи, не достигли бы того, чего они такъ дешево достигли посредствомъ своей системы, при содѣйствіи нашей рыхлой податливости, *лѣниваго невѣдѣнія* и *отсутствія системы* [1]):

Цѣлыя поколѣнія финляндскаго юношества воспитывались на такихъ учебникахъ исторіи и географіи, въ которыхъ Финляндія изображается отдѣльнымъ государствомъ, едва связаннымъ какими-то неясными договорами съ Россіей. Сотни и тысячи чиновниковъ старались выразить то же самое въ дѣловой перепискѣ, въ текстѣ законопроектовъ и т. д. Когда приходилось спорить, а доказательствъ не хватало, ссылались на „обшіе принципы" финлядскаго устройства, нигдѣ не установленные и никому неизвѣстные.

Въ запискахъ одного крупнаго финляндскаго дѣятеля первыхъ лѣтъ по завоеваніи Финляндіи находятся слѣдующія руководящія строки:

„Будемъ уклоняться отъ выраженія истинныхъ причинъ нашего образа дѣйствій; будемъ резонировать —худо ли, хорошо ли. Наши новые властители (т. е. русскіе) еще не проникли въ наши конституціонныя

[1]) *Еленевъ*, Отчего побѣдители обращаются иногда въ побѣжденныхъ. 1898. Изд. 2-е.

мистеріи. Неважно, если наши заявленія будутъ слабы въ доказательствахъ; нужно только, чтобы они не шли въ разрѣзъ съ формулой, которая должна играть главную роль: „Principiis obstat“ (т. е. противорѣчитъ общимъ принципамъ) [1]).

Въ туманѣ искусно подстроенныхъ оборотовъ рѣчи, намековъ, недомолвокъ, а иногда голословныхъ, но въ самой рѣшительной формѣ выраженныхъ заявленій и утвержденій быстро росла легенда о „финляндскомъ государствѣ“ и проникала до высшихъ правительственныхъ сферъ. Въ 1885 году, въ Гельсингфорсѣ была отпечатана на русскомъ языкѣ, для распространенія среди русскаго общества, небольшая, изящной внѣшности книга, подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ государственнаго устройства и правленія Великаго Княжества Финляндскаго“. Въ этой книгѣ въ краткихъ догматическихъ формулахъ, изложены, въ видѣ безспорныхъ истинъ или прямыхъ постановленій закона, всѣ тѣ положенія, которыя необходимы для возбужденія представленій о самостоятельномъ „финляндскомъ государствѣ“. Безъ всякихъ оговорокъ дѣлается заявленіе о состоявшемся, будто-бы, „договорѣ“ Императора Александра I съ представителями финляндскаго народа; излагается постановленіе о „престолѣ“ Великаго Княжества Финляндскаго и даже о „короноваціи“ финляндскихъ государей, при чемъ это послѣднее признается „необязательнымъ“.

Авторъ книги—онъ не назвалъ себя, не будемъ и мы называть его имени—отлично зналъ и нынѣ знаетъ, что договора не было никакого, что не только „коронованія“, но и князей финляндскихъ никогда не существовало на свѣтѣ, а были одни лишь титулы. Но туманъ былъ настолько великъ, что глупые русскіе люди всему могли повѣрить и дѣйствительно многіе повѣрили.

Вотъ какъ ведутъ дѣла наши враги; далеко намъ до нихъ. Мы оказываемся слабы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда право на нашей сторонѣ.

Другой примѣръ—евреи. Русскіе люди, сталкиваясь въ чемъ-либо съ евреями, приходятъ въ раздра-

[1]) Castren, Finska deputationen. Стр. 35. *Ордынъ*, Покореніе Финляндіи. II. Стр. 173.

женіе, начинаютъ ругаться, кричать, что всѣхъ жидовъ надо перевѣшать, махаютъ кулаками и въ крайнемъ случаѣ доходятъ до погромовъ... Такъ было въ старину, такъ продолжается и теперь. Но евреи—огромная умственная и духовная сила, а потому кулаками ничего не подѣлаешь. Евреи испытали очень много кулаковъ въ своей исторіи, но не ослабѣли. Ихъ такъ били, какъ ни одного народа не били. Фараонъ хотѣлъ истребить мальчиковъ еврейскихъ, а невѣдомая сила умертвила первенцевъ египетскихъ. Египетское правительство морило опасныхъ евреевъ въ каменоломняхъ, а что вышло? Евреи всѣ ушли да и Фараона съ его войскомъ утопили. Не мало били евреевъ во времена римскаго владычества; били и угнетали въ средніе вѣка. Такъ называемые еврейскіе погромы были всегдашнимъ явленіемъ во всѣхъ странахъ стараго свѣта, куда только ни проникали евреи въ сколько-нибудь значительномъ числѣ. Восемнадцать вѣковъ происходятъ еврейскіе погромы во всей Европѣ и даже въ Сиріи. Бывали они и въ до-христіанскій періодъ, не говоря уже о вышеупомянутой египетской попыткѣ... Казалось бы, слѣда отъ еврейства не должно было остаться, а вмѣсто того на нашихъ глазахъ они всѣмъ міромъ завладѣть собираются.

Это должно служить намъ урокомъ: не кулаками, не погромами, а упорствомъ въ трудѣ, умственнымъ развитіемъ, честностью, сознаніемъ общаго интереса и обязанностей къ ближнимъ надо бороться. Никто не поведетъ торговыхъ дѣлъ съ евреемъ, если онъ обманываетъ, а русскій торговецъ честенъ; бѣднякъ не попадетъ къ жиду въ лапы, если ему помогутъ свои, русскіе и т. д. Китайцы своимъ трудолюбіемъ, аккуратностью и воздержностью давно пересилили своихъ евреевъ, и китайскіе подданные евреи не представляютъ теперь никакой силы среди мѣстнаго населенія внутренняго Китая. Поляки въ Варшавѣ не захотѣли выбрать въ первую Государственную Думу евреевъ и не выбрали, несмотря на всѣ старанія, а Петербургъ, Москва и Кострома выбрали [1]).

[1]) *Н. Д. Васильевъ.* Къ еврейскому вопросу. Газета „Окраины Россіи". 1906. № 17.

VI.

Русскій Духъ огромная живая сила, и дѣло его—святое дѣло. Но для побѣды нужно духовное оружіе на первомъ планѣ. Умирать за свою родину лучшіе изъ русскихъ людей всегда умѣли и впредь съумѣютъ; но намъ нужна не смерть, а побѣда. Враги Россіи знали, что дѣлали, когда съ 1898 года направили свои удары на наши высшія учебныя заведенія! Пора и намъ, представителямъ Русскаго Духа, понять положеніе вещей. Если мы не перенесемъ центра тяжести нашего отпора вражеской силѣ на умственную почву, то свѣточъ Русскаго Духа надолго погаснетъ, и можетъ погибнуть Россія.

„Глупому сыну не въ помощь богатство", а сила, лишенная разума, гибнетъ отъ собственной тяжести—„vis consilii expers mole ruit sua".

Это говоритъ Горацій [1]) о борьбѣ гигантовъ съ богами. Гиганты (грубая, невѣжественная сила) бросали въ боговъ, на небо, цѣлыя скалы; но боги (духовная умственная сила), остались невредимыми, скалы же, падая назадъ, передавили гигантовъ.

Н. Сергѣевскій.

[1]) Horatius, Carmina. IV. 4.

Трудники Русской Земли.

Романъ-хроника въ трехъ частяхъ [1]).

ГЛАВА V.

Отцовскіе завѣты.

„Теперь я пойду къ нашимъ дѣтямъ и распоряжусь по хозяйству, сказала Ольга Дмитріевна и, еще разъ поцѣловавъ мужа въ лобъ, вышла изъ кабинета.

Оставшись одинъ, Василій Петровичъ принялся за сельско-хозяйственную книгу, которую по селу Кругому онъ велъ съ большою аккуратностью, и подсчиталъ мѣсячные итоги произведенныхъ по имѣнію расходовъ и полученныхъ съ него доходовъ. Оказался значительный перерасходъ.

„Въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ всегда дефицитъ“, утѣшился онъ, закрывая книгу и кладя ее на этажерку, стоявшую близъ письменнаго стола.

Начинало темнѣть. Ладинъ надѣлъ шляпу и торопливо вышелъ изъ дому для того, чтобы познакомиться съ результатами произведенныхъ въ теченіе дня работъ по хозяйству. Черезъ часъ, когда совсѣмъ уже стемнѣло, онъ снова вернулся въ кабинетъ, зажегъ стоявшую на столѣ керосиновую лампу и вышелъ въ корридоръ, раздѣлявшій его домъ, почти во всю длину, по-поламъ. Въ концѣ корридора онъ остановился, отомкнулъ имѣвшимся у него ключемъ одну изъ двухъ находившихся тамъ боковыхъ дверей и вступилъ въ нежилую комнату, изъ которой пахнуло свѣжестью, а отчасти и сыростью. Эта комната, вмѣстѣ съ двумя другими съ нею смежными, имѣла выходившія на дворъ оконныя рамы, нѣкоторыя звенья которыхъ были забраны дощечками. Комната, въ которую онъ вошелъ, служила въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ кабинетомъ покойному Петру

[1]) См. „Мирный Трудъ“ за 1906 г. № 7—2.

Михайловичу и его письменный столъ, стоявшій въ простѣнкѣ, между двумя окнами, сохранялся въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ онъ находился при покойномъ его владѣльцѣ. Василій Петровичъ считалъ пріятнымъ для себя отдыхомъ—свободные часы, проводимые имъ въ кабинетѣ отца, гдѣ онъ читалъ оставшіяся послѣ покойнаго бумаги, приводилъ ихъ въ порядокъ и вдохновлялся его завѣтами.

Петръ Михайловичъ родился въ концѣ восемнадцатаго столѣтія и прожилъ почти девяносто лѣтъ, а потому его воспоминанія, начатыя имъ еще въ то время, когда онъ былъ блестящимъ гусарскимъ офицеромъ при Императорѣ Александрѣ I-мъ и оконченныя въ семидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка, представляли несомнѣнный интересъ вообще, потому уже, что Петръ Михайловичъ являлся однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и ревностныхъ исполнителей предначертаній и реформъ Царя Освободителя, Александра II-го. Для Василія Петровича мемуары его отца и другія оставшіеся послѣ него бумаги имѣли еще и особый интимный интересъ. По нимъ Ладинъ изучалъ нравственную личность своего отца и восторгался имъ и старался проникнуться его духомъ. Василій Петровичъ благодарилъ Бога за то, что ему удалось получить отъ своего родителя такое дорогое нравственное достояніе, такое богатое неувядаемое наслѣдство, которое дарується даже не всѣмъ дѣтямъ отъ ихъ дѣдовъ и отцовъ.

Поставивъ на письменный столъ принесенную имъ лампу, Василій Петровичъ зажегъ двѣ стоявшія на столѣ стеариновыя свѣчи, вставленныя въ высокія, бронзовые подсвѣчники, и посмотрѣлъ на висѣвшій предъ нимъ на стѣнѣ портретъ его отца, написанный масляными красками за нѣсколько лѣтъ до его смерти. Петръ Михайловичъ былъ представленъ во весь высокій его ростъ въ пензмѣнномъ своемъ мундирѣ отставного гусарскаго полковника. Сухое, потемнѣвшее отъ долгихъ лѣтъ жизни его лицо, съ обострившимся, выбритымъ подбородкомъ и длинными сѣдыми, закрученными къ верху усами, съ мягкою улыбкою тонкихъ губъ, съ большими вдумчивыми, бойкими карими глазами, представилось Ладину, какъ живое. Онъ началъ внимательно и любовно присматриваться къ дорогому для него лицу своего родителя и замѣтилъ, что его улыбка, кромѣ мягкости и при-

вѣтливости, выражала еще какую-то горечь и даже что-то страдальческое, незамѣтное съ перваго взгляда на портретъ. Такое впечатлѣніе получалось отъ слегка приподнятой правой половины его верхней губы, словно подернутой болѣзненнымъ, судорожнымъ движеніемъ, отражавшимся при подробномъ осмотрѣ лица и въ его глазахъ, меланхолическая задумчивость которыхъ въ сочетаніи съ худощавымъ, долгою жизнею утомленнымъ, лицомъ и наклоненною немного на бокъ, какъ-бы усталою сѣдою головою, располагали наблюдателя къ сочувствію и даже къ состраданію этому доживающему вѣкъ и потрудившемуся человѣку. Пожилые люди, сохранившіе чистоту ихъ нравственной природы и не измѣнившіе своимъ идеаламъ, а потому большею частью обманутые и пережившіе рядъ горькихъ неудачъ, одинокіе, покинутые не понявшими ихъ сверстниками, практиками, часто и неоцѣненные ни старымъ, ни молодымъ поколѣніями, но умудренные жестокимъ опытомъ, эти люди сохраняютъ до конца ихъ дней страдальческій оттѣнокъ на ихъ лицѣ, внимательно изучаемомъ. Самъ Василій Петровичъ сознавался, что при жизни Петра Михайловича не съумѣлъ вполнѣ его оцѣнить, а сдѣлалъ это уже послѣ смерти своего родителя. Тоже въ большей, или меньшей степени, повторилось и съ современниками гусарскаго полковника, по упокоеніи уже котораго всѣ его знавшіе отдавали справедливую дань достоинствамъ, честности и полезной дѣятельности Петра Михайловича и поняли его любвеобильное сердце. И чѣмъ нравственнѣе, чѣмъ болѣе такіе люди любятъ себѣ подобныхъ, тѣмъ сильнѣе они огорчаются и страдаютъ и тѣмъ въ концѣ концовъ симпатичнѣе становятся они обществу, отъ коего ихъ похитила смерть. Особенно дорожатъ люди своими предками, страдавшими за свое самоотверженное служеніе отечеству и ближнимъ, за что при жизни они заслуживаютъ порицаніе всѣхъ практическихъ и эгоистическихъ натуръ, сознающихъ однако, что безъ людей, отдающихъ душу свою за другихъ, не можетъ существовать человѣческое общество. Это понималъ и Петръ Михайловичъ, сказавшій не задолго до смерти своему сыну:

— Изъ исторіи человѣчества, такъ-же какъ и изъ личнаго житейскаго опыта, я постигаю, что люди цѣнятъ своихъ ближнихъ, не столько по предоставленной имъ власти

надъ другими, по ихъ богатству, по счастливой ихъ внѣшности, сколько за безвозмездное, самоотверженное и любвеобильное имъ служеніе. И чѣмъ болѣе кто либо изъ людей приноситъ родному народу въ жертву самаго себя, свое достояніе и свое личное счастье, свой покой и свой кровавый трудъ, тѣмъ болѣе оцѣнивается онъ, если уже не современниками, то потомствомъ. Это уже законъ психической жизни человѣческаго общества. Законъ, открытый во всей его полнотѣ самимъ Богомъ, Іисусомъ Христомъ, страдавшимъ за людей и побѣдившимъ міръ. Тоже доказывается жизнью русскихъ православныхъ святителей и геройскою смертью множества нашихъ воиновъ, павшихъ въ бою съ иноземцами, желавшими стереть насъ съ лица земли и прекратить на ней служеніе завѣтнымъ идеаламъ, живящимъ наши души и наше государство. Жалки и ничтожны современные намъ безпочвенные интеллигенты, отрицающіе народные идеалы и домогающіеся своею болтовнею популярности и любви русскаго человѣка. Народъ завидуетъ богатымъ, не трудящимся въ его пользу, развлекается росказнями утопистовъ, проповѣдующихъ рай на землѣ и отрицающихъ существованіе души, но онъ почитаетъ и преклоняется предъ тѣми, которые страдаютъ, ради блага своихъ ближнихъ, и имѣютъ достаточную силу любви и ума для того, чтобы не измѣнять своимъ идеаламъ въ теченіе всей жизни и чтобы видѣть въ самопожертвованіи свое истинное призваніе, свое назначеніе, указанное Богомъ".

Эти слова покойнаго полковника, глубоко запали въ сердце его сына, который, вспоминая родительскіе завѣты, воскрешалъ въ своей памяти одухотворенное, симпатичное лицо своего отца, и улавливалъ на немъ отпечатокъ грусти и соболѣзнованія по идеаламъ, имъ недостаточно осуществленнымъ, по немощамъ его духа, скованнаго общепринятыми условіями временной жизни на землѣ.

— Вася, говорилъ иногда полковникъ своему сыну, я хотѣлъ-бы слышать отъ тебя признаніе въ томъ, что ты небудешь тревожить моей памяти какими-бы то ни было упреками и не станешь порицать меня за то, что я не только не умножилъ, но еще и уменьшилъ состояніе, доставшееся мнѣ послѣ моихъ родителей. Такой упрекъ можетъ явиться отра-

вой для всей твоей жизни, опошлитъ ее и въ лицѣ твоемъ лишитъ меня послѣ смерти молитвенника о грѣшной моей душѣ. Тебѣ извѣстенъ мой взглядъ на обязанности христіанина и на неизбѣжность для него житейскихъ невзгодъ, ведущихъ насъ къ нравственному усовершенствованію. Я много думалъ о томъ, какимъ образомъ, въ моемъ положеніи предводителя дворянства, могу принести наибольшую пользу родному народу и выполнить свой долгъ предъ Богомъ, который наградилъ меня всякими щедротами. И эта служба, кромѣ личнаго моего труда и терпѣнія, поддерживаемыхъ молитвою и сознаніемъ выполненнаго долга предъ Царемъ и народомъ, требовала отъ меня и матеріальныхъ жертвъ. И вотъ причина моей задолженности. Скажи сердишься-ли ты на меня?

Какъ живой представлялся Василію Петровичу говорившій такъ его отецъ, тогда уже дряхлѣющій тѣломъ старикъ, сидѣвшій въ высокомъ креслѣ, на томъ самомъ, которое и теперь еще стоитъ съ боку отъ письменнаго стола. Старикъ, одѣтый въ форменное военное пальто, замѣнявшее ему халатъ, сидѣлъ тогда предъ нимъ и пытливо смотрѣлъ ему въ глаза.

Отвѣчая на тотъ взоръ и на заданный ему вопросъ, Василій Петровичъ, бывшій въ то время флотскимъ офицеромъ и счастливымъ женихомъ, сказалъ, что полковникъ несомнѣнно поступилъ по дворянски, но что вслѣдствіе того, обѣднѣвшему его сыну уже не придется наслаждаться сознаніемъ полезности исполненнаго долга, безвозмездной службы родинѣ и надо заботиться объ изысканіи средствъ для своего существованія. Слова офицера видимо огорчили Петра Михайловича, сѣдая голова котораго тихо и смиренно склонилась на его широкую грудь. Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ для того, чтобы преодолѣть сердечную боль, нанесенную ему укоромъ сына.

— На всѣхъ поприщахъ и богатый и бѣдный православный человѣкъ, можетъ найти средства для преданной службы Богу, Царю и отечеству, произнесъ старикъ, тяжело вздохнувъ.

„Теперь, готовъ отдать кажется все съ тѣмъ, чтобы сказанныя мною тогда слова, огорчившія отца, не имѣли никакого дѣйствія, словно онѣ не были-бы мною и произнесены.

Но въ то время я былъ молодъ, эгоистиченъ и не понималъ того, что мы должны цѣнить выше всего на свѣтѣ и, что лучшее наше достояніе составляетъ безсмертная душа и ея чуткость ко всему высокому и Божественному. За тѣ жесткія и дерзкія слова, опечалившія моего родителя, я готовъ дать теперь всякую искупительную жертву", упрекалъ себя Василій Петровичъ, вспомнившій, что послѣ его отвѣта покойный отецъ помолчавъ, поднялъ голову и взглянувъ честно и прямо въ глаза сына, произнесъ:

— Душевное мое настроеніе въ послѣдній періодъ жизни требовало одно изъ двухъ: или оставить мірскую жизнь и идти въ монахи, или оставаясь въ свѣтѣ посильно и безкорыстно ради Бога работать въ пользу ближнихъ и во славу Православнаго и Самодержавнаго Царя. Я остался въ мірѣ, увѣривъ себя въ приносимой мною пользѣ родинѣ и руководимымъ мною мѣстнымъ дворянамъ и крестьянамъ, поддержавшимъ мое рѣшеніе, раздѣляемое и моимъ духовнымъ отцемъ. Но можетъ быть я не отрекся отъ міра, по своей немощи человѣческой и по суетности тщеславнаго сердца, или по гордости. Во всякомъ случаѣ, если я и подпалъ отчасти подъ вліяніе низменной страсти и самообольщенія, то сдѣлалъ это по ошибкѣ безъ всякаго вмѣшательства въ дѣло злой воли, корысти, зависти, или любопачалія, а горя желаніемъ угодить Богу и хотя отчасти исполнить ученіе Іисуса Христа, а такъ-же и долгъ вѣрноподданнаго дворянина, обязаннаго по совѣсти и по традиціямъ своего рода служить Царю, содѣйствуя ему по мѣрѣ силъ къ объединенію и укрѣпленію Россіи съ ея окраинами, при помощи православнаго духа, животворящаго коренное населеніе Имперіи. А можетъ быть я сдѣлалъ-бы лучше, если-бъ послѣ смерти моей жены, двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ, ушелъ-бы въ монастырь и мнѣ тогда не пришлось-бы каяться предъ тобою въ вещи уже невозвратимой". Василій Петровичъ въ теченіе всей своей жизни не могъ забыть откровеннаго, покаяннаго взгляда, который тогда устремилъ на него старикъ, и тѣхъ невольныхъ слезъ, можетъ быть тоже покаянныхъ, а можетъ быть вызванныхъ страданіемъ и любовью отца къ огорченному единственному его сыну.

Василій Петровичъ хорошо помнилъ, что при видѣ слезъ, безпрепятственно покатившихся по впалымъ щекамъ

Петра Михайловича, онъ почувствовалъ угрызенія совѣсти и взявъ отца за руку поцѣловалъ ее, извиняясь въ то же время предъ нимъ за несправедливость, непочтеніе и грубость, съ коими онъ отнесся къ своему достойному родителю.

— Что это, голубчикъ мой, да я кажется плачу? Ну, извини меня за такое проявленіе старческой слабости. Не плакалъ я бывало ни при какихъ обстоятельствахъ жизни. А теперь разнюнился я и въ этомъ признакъ ослабленія износившаго моего тѣла, приготовляющій меня къ близкому концу земного странствованія, пояснилъ Петръ Михайловичъ, отирая слезы носовымъ платкомъ.

— Но ты Вася не сердись на меня; извини меня, если неразумно распорядился съ достояніемъ своихъ родителей произнесъ онъ немного погодя.

— Дорогой батюшка, я предъ тобою виноватъ и прошу прощенія. Я виноватъ и желаю теперь только одного, именно, чтобы ты совсѣмъ позабылъ вырвавшіяся у меня слова несправедливаго упрека и тогда, въ порывѣ раскаянія, офицеръ нагнулся надъ сидѣвшимъ въ креслѣ Петромъ Михайловичемъ и поцѣловалъ его огорченное лицо.

— Всѣ мы грѣшны, всѣ другъ предъ другомъ виноваты. Мнѣ отрадно видѣть твою ко мнѣ любовь и доброту, которыми ты всегда отличался. Поцѣлуемся и затѣмъ сядь противъ меня, или лучше рядомъ со мною, произнесъ растроганный полковникъ.

— Теперь я сознаю, что безконечно виновенъ предъ тобою батюшка. Развивающаяся Россія потребовала отъ нашего дворянства жертвъ, которыя можетъ быть только временно поставили наше сословіе въ такія тяжелыя матеріальныя условія, при которыхъ не только безвозмездная служба, но и семейныя и личныя потребности его членовъ для ихъ удовлетворенія указываютъ одинъ лишь путь:—продажу части дворянскихъ земель, а иногда и всего достоянія отдѣльныхъ родовъ. И если при этихъ условіяхъ ты, дорогой батюшка, несъ тяжелое бремя безкорыстной и несомнѣнно полезной работы для отечества, то ты заслужилъ не упрека, а уваженія, не только отъ сына, но и вообще отъ всѣхъ русскихъ людей, каялся сынъ, садясь рядомъ съ отцомъ.

— Слушая тебя, я считаю себя уже достаточно награжденнымъ за свои труды на пользу русскаго народа въ ущербъ

матеріальному благосостоянію моего рода, но къ выгодѣ его въ нравственномъ отношеніи. Я служилъ всегда ради Бога, по преданности къ Царю и изъ любви къ родному народу. Личныхъ выгодъ я никогда не преслѣдовалъ и не кривилъ душою и не угодничалъ, ни предъ отдѣльными вліятельными лицами, ни предъ модными идеями, и не популярничалъ. Меня упрекали многіе въ идеализмѣ, увѣряя, будто я забываю, что живу на землѣ и воображаю себя витающимъ въ небесахъ. Но ты не поставишь мнѣ въ вину того, что я всегда оставался самимъ собою. Меня знаютъ и вліятельныя Петербургскія сферы, откуда я получалъ предложенія переименоваться изъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и поступить на коронную статскую службу. Но я привыкъ къ своему полковничьему мундиру и къ свободному выраженію своихъ честныхъ мнѣній, которыя мнѣ предлагали оставить при самомъ себѣ, если я хочу преуспѣвать по гражданской службѣ, требовавшей въ то время либеральнаго, антирусскаго направленія чиновниковъ, составлявшихъ себѣ карьеру. Тѣмъ не менѣе, меня представили къ наградамъ и я получилъ звѣзду и ленту чрезъ плечо. А на моемъ вѣку многіе предводители, преобразившись по виду изъ коренныхъ русскихъ людей въ либеральныхъ инородцевъ, поступали на службу въ департаменты и достигали видныхъ должностей. Благодарю Бога, избавившаго меня отъ подражанія хамелеону, измѣняющему свой цвѣтъ въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ. Вообще я за все горячо благодарю Господа“ и старикъ набожно перекрестился.

— Значитъ батюшка ты все-таки былъ счастливъ въ жизни, если имѣлъ вездѣ возможность наслаждаться нравственнымъ удовлетвореніемъ?

— Я всегда сознавалъ немощь своего духа, а потому и не имѣлъ возможности пользоваться нравственнымъ удовлетвореніемъ. Но я въ теченіе своей жизни, старался въ точности выполнить свой долгъ предъ Царемъ и отечествомъ, въ чемъ помогалъ мнѣ Богъ, снисходя на грѣшныя мои молитвы. И не смотря на твердость моихъ русскихъ убѣжденій, въ Петербургѣ красные вліятельные люди моего времени считали меня неблагонадежнымъ въ политическомъ отношеніи и кромѣ холодной вѣжливости, я не замѣчалъ въ нихъ иного къ себѣ отношенія. Больше всего столичные пра-

вители, старались отдалить меня отъ Двора, опасаясь, чтобы Царь не нашелъ случая поговорить со мною серьезно. По этому я не получилъ никакого придворнаго званія, въ коемъ состояли многіе молодые губернскіе и уѣздные предводители.

И говоря такъ, старикъ погрузился въ воспоминанія и грустно, неодобрительно кивалъ онъ сѣдою головою, перебирая прошлую свою дѣятельность, недостаточно, какъ ему думалось, оправдывавшую его нерадѣніе къ исполненію воли Божіей.

— Я не только ни въ чемъ тебя не укоряю, дорогой отецъ, но рѣшился слѣдовать въ жизни твоему примѣру, произнесъ помолчавъ офицеръ.

— Совѣтую тебѣ, во всякомъ случаѣ, употребить все стараніе для того, чтобы сохранить село Крутое, если продолжающіяся неблагопріятныя обстоятельства заставятъ тебя продать остальную землю нашихъ предковъ. Но если и Крутое не удастся тебѣ сохранить, то оставь за собою маленькую пустошь, называемую Давыдовой; въ ней всего сто десятинъ земли. Устрой тамъ свое однодворческое хозяйство и живи въ ожиданіи грядущихъ событій. Каковы-бы онѣ не были—не бросай земли, держись за нее, какъ за почву, необходимую для твердаго стоянія на ногахъ, какъ за точку опоры, какъ за основу, исходя изъ которой достигнешь уразумѣнія нравственныхъ началъ родного народа, безъ братскаго единенія съ которымъ не можешь быть ему полезенъ. И Богъ да будетъ съ тобою. Молись Ему о себѣ, а такъ-же и за меня, когда умру.

Вспомнивъ приведенный разговоръ съ своимъ покойнымъ отцомъ, Василій Петровичъ, умиленный душою и окрѣпшій духомъ, опустился на колѣни предъ висѣвшимъ въ углу комнаты распятіемъ и образами Тихвинской Божіей Матери и равноапостальнаго великаго князя Владиміра. Исполняя завѣтъ своего родителя, онъ прежде всего помолился объ упокоеніи души усопшаго раба Петра, затѣмъ о благоденствіи и мирномъ житьѣ Царя и русскаго народа и наконецъ проспилъ Бога о дарованіи ему силы и разума, чтобы исполнить на землѣ волю Господню и принести пользу родинѣ своей Православной.

ГЛАВА VI.

Тяжелый переломъ.

Василій Петровичъ, углубленный въ вечернюю молитву, ежедневно имъ совершаемую или въ своемъ кабинетѣ, или какъ это случилось на этотъ разъ, въ кабинетѣ своего покойнаго родителя, не слышалъ, какъ тихо открылась дверь и въ нее осторожными шагами вошелъ Иванъ и, перекрестившись на образа, посмотрѣлъ на необычайно ярко, лампою и свѣчами освѣщенный портретъ Петра Михайловича, которому старикъ служилъ болѣе тридцати лѣтъ. Всматриваясь въ знакомыя черты покойнаго барина, Иванъ, имѣвшій особыя причины почитать и уважать полковника при его жизни, умилился душою и, не отходя отъ порога, колѣнопреклонился предъ Святымъ Распятіемъ. Тогда сердечная его молитва къ Богу, слилась съ молитвою хозяина дома, который скоро замѣтилъ появленіе своего слуги, подверженнаго старческому кашлю, выдавшему его присутствіе.

— Ты что, Иванъ? спросилъ Василій Петровичъ, поднимаясь съ колѣнъ.

— Я пришелъ за вашею милостью звать къ ужину, по приказанію барыни, да не посмѣлъ васъ тревожить и, пользуясь такою минутою, поклонился предъ Богомъ, моля за упокой души Петра Михайловича, о которомъ безъ слезъ и вспомнить не могу, пояснялъ Иванъ, отирая влажныя свои глаза, бѣлыми нитяными перчатками, надѣтыми на руки для прислуживанія за ужиномъ.

— Барыня уже въ столовой?

— Должно быть онѣ пришли уже туда изъ дѣтской, и говоря такъ, Иванъ, отличавшійся бережливостью, всталъ на ноги и погасилъ дуновеніемъ своимъ горѣвшія на столѣ стеариновыя свѣчи.

— Прикажете свѣчи-то погасить? спросилъ онъ у барина послѣ того, спохватясь, что уже сдѣлалъ это безъ позволенія.

— Да ты уже ихъ погасилъ.

— Точно, что погасилъ... виноватъ.

— И хорошо сдѣлалъ.

Василій Петровичъ взялъ со стола лампу и вмѣстѣ съ Иваномъ вышелъ изъ кабинета, закрывъ дверь и замкнувъ ее.

— Никогда, во вѣки жизни своей не забуду я батюшку Петра Михайловича. И всякій разъ, когда иду въ нашу церковь Крутовскую, захожу на его могилку и до обѣдни и по отходѣ опой; хожу и душу его христіанскую поминаю. Третьяго дня, въ воскресенье, я тоже ходилъ на его могилку, послѣ вашей милости и замѣтилъ, что вѣнки цвѣточные, на памятникъ положенные совсѣмъ свяли, словно сѣно, и хочу испросить вашего позволенія нарѣзать новыхъ цвѣтовъ съ клумбъ въ саду и снести ихъ на могилку родителя вашего. Вѣдь только лѣтомъ и удастся носить на памятникъ Петра Михайловича цвѣты; зимою ихъ уже не будетъ.

Ладинъ охотно на это согласился и затѣмъ приказалъ Ивану отнести въ кабинетъ лампу, которую ему и передалъ, а самъ прошелъ въ освѣщенную свѣчами столовую, гдѣ предъ приборомъ, на обычномъ для нея мѣстѣ, сидѣла Ольга Дмитріевна и наливала тарелку супа, которую и передала мужу, какъ только онъ помѣстился рядомъ съ нею, предварительно прочтя краткую молитву предъ образомъ Спасителя міра, помѣщеннымъ въ углу комнаты.

— Я только что уложила спать нашихъ дѣтей, сообщила ему хозяйка.

— Почему-же сегодня такъ поздно они легли? спросилъ онъ, взглянувъ на старинные часы, съ большимъ серебрянымъ циферблатомъ, находившимся подъ стекломъ, вставленнымъ въ деревянную рамку, окаймленную золотомъ. Часы помѣщались въ узкомъ и длинномъ шкафикѣ краснаго дерева, внутри котораго находились тяжелыя посеребренныя гири и длинный такой-же маятникъ. Эти часы входили въ приданное бабки Ладина, матери Петра Михайловича, жившей при Императрицѣ Екатеринѣ II и отличавшейся познаніями французской литературы, что не мѣшало ей быть горячею патріоткою и знать такъ-же хорошо Священное Писаніе и творенія отцовъ церкви. Часовая стрѣлка стояла на десяти, а въ девять обыкновенно уже укладывали дѣтей спать.

— Это вина нашей бонны Эмиліи. Когда послѣ обѣда дѣти были уведены ею изъ столовой въ садъ, эта любопытная нѣмочка прошла съ ними на дворъ и, сѣвши подлѣ балкона на ту зеленую скамеечку, которую ты сдѣлалъ, подслушала нашъ разговоръ. Эмилія сама мнѣ въ этомъ созналась и сообщила, что дѣти, услышавъ мой голосъ, при-

тали дыханіе и напрягали все ихъ вниманіе для того, чтобы понять нашъ разговоръ, который они и поняли по своему и заплакали, требуя, чтобы ихъ пустили въ столовую, гдѣ, какъ это имъ представилось, обижали ихъ мать. Эмилія съ трудомъ уговорила ихъ остаться на дворѣ и то съ условіемъ, чтобы бонна не мѣшала имъ слушать то, что говорилось въ столовой. Вечеромъ я застала своихъ малютокъ въ дѣтской въ слезахъ. Бонна объяснила мнѣ причину ихъ огорченія, а дѣти были увѣрены, что ихъ вмѣстѣ со мною и съ тобою въ ту же ночь прогонятъ изъ нашего дома, на большую дорогу. Насилу я ихъ уговорила и успокоила.

— Не унывай такъ, нѣжно произнесъ Ладинъ, видя, что его жена удерживаетъ накипавшія въ ея груди слезы.

— Рада-бы не унывать, но не могу удержаться. Все это такъ трудно перенести.

— Оля, я совершенно увѣренъ, что Богъ не посылаетъ людямъ испытанія свыше ихъ силъ и что мы перенесемъ стряслуюся надъ нами бѣду бодро, безъ колебанія и безъ малодушія.

— Я сама всегда такъ думаю, но часто не властна преодолѣть своей слабости, въ особенности, когда вспоминаю о томъ, какая необезпеченная будущность ожидаетъ бѣдныхъ нашихъ дѣтей.

— Богъ не испытываетъ тѣхъ, которые не могутъ выдержать житейскихъ невзгодъ. А тѣ, которыхъ Онъ испытываетъ, должны радоваться милостивымъ посѣщеніемъ ихъ Господомъ. Цари земные даютъ трудныя порученія только тѣмъ, на качества, мужество и честность которыхъ расчитываютъ. Трудность порученія составляетъ отличіе и довѣріе для тѣхъ, на кого оно возлагается.

Ольга Дмитріевна отерла свои влажныя глаза платкомъ и молча недоумѣвающимъ взглядомъ посмотрѣла на мужа.

— И ты можешь сохранить полное спокойствіе въ такое время, когда тебѣ предстоитъ можетъ быть полное разореніе, а твоей женѣ и дѣтямъ нищенство? спросила она.

— Чѣмъ болѣе предстоящая опасность, тѣмъ нужнѣе сохранить спокойствіе и самообладаніе, безъ которыхъ человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать.

— Да вѣдь этого спокойствія нельзя получить по щучьему велѣнію?

— Объ этомъ надо молиться Богу и не унывать. Ты знаешь сама, что молитва укрѣпляетъ человѣка и живитъ его душу.

— Никогда не воображала я себѣ, что ты такой каменный. И мнѣ приходитъ на умъ, будто ты такъ спокоенъ потому, что не достаточно любишь меня и дѣтей нашихъ.

— Ты меня въ чемъ-то упрекаешь? спросилъ онъ въ то время, какъ жгучая боль проникла въ его сердце и ему было обидно, а отчасти и досадно на то, что жена его не понимаетъ.

— Воля твоя думать, что хочешь, но я все-таки полагаю, что если-бъ ты захотѣлъ и если-бъ очень сильно любилъ насъ, то не довелъ-бы семьи до того безвыходнаго положенія, въ которомъ она теперь находится.

— Милая Оля, сегодня за обѣдомъ ты упрекала наше дворянство за то, что оно не сдѣлало всего отъ него зависящаго для сохраненія родовыхъ гнѣздъ, а теперь говоришь, что я одинъ виноватъ во всемъ.

— Всѣ вы несомнѣнно виноваты, потому что устройство государственныхъ дѣлъ зависитъ, конечно, отъ васъ, мужчинъ, вообще и преимущественно отъ дворянъ, которые собираются для того, чтобы обсуждать свои и общественныя дѣла и которые занимаютъ высшія должности въ государствѣ. Или уже вы дожили до того, что возгласили: спасайся кто можетъ. И тѣ, которые успѣли обезпечить себя казеннымъ содержаніемъ, или занялись выгодными аферами, тѣ и благоденствуютъ, забывая объ остальныхъ своихъ собратіяхъ, обреченныхъ съ ихъ семьями на голоданіе и на нищету, и говоря такъ она встала изъ-за кончившагося ужина и заходила по комнатѣ. Ладинъ тоже всталъ изъ-за стола, подошелъ къ ней, поцѣловалъ ей руку, потомъ поцѣловалъ еще ее въ пылающія губы.

Она остановилась и посмотрѣла на него, какъ-то нерѣшительно, словно не зная, сердиться-ли ей, или броситься ему на шею и разцѣловать его, милаго ея сердцу человѣка, котораго она всегда и любила, и уважала, и идеализировала.

„И однако этотъ человѣкъ можетъ сдѣлаться причиною несчастья моихъ дѣтей погубить и меня и себя самого“, смущалась она и сказала:

— Если вы спасаетесь, какъ можете по одиночкѣ и въ

ущербъ другъ другу, то значитъ между вами уже не существуетъ нравственной связи и вы составляете номинальное дворянское общество, обреченное на гибель. Тогда нечего уже и говорить о дворянствѣ. Его уже нѣтъ, оно безсильно помочь самому себѣ, безсильно отразить удары его недоброжелателей и враговъ, подобно истуканамъ, занимающимъ безполезно только мѣсто на землѣ. Знаешь-ли мнѣ ужасно больно говорить это! Когда я васъ обличаю, то чувствую себя въ положеніи человѣка, собственными руками разбивающаго личное свое счастье.

— Знаю только одно, что ты теперь очень хороша! воскликнулъ онъ, любуясь на ея пламенѣющія щеки, на ея оживленные глаза, отражавшіе и негодованіе, и любовь и досаду и мольбу и, на ея высокую колыхавшуюся грудь и вообще на всю ея фигуру и на стройный станъ, трепетавшій и волновавшійся и представлявшій Ольгу Дмитріевну во всей прелести, свойственной молодости и красотѣ, здоровью и особенно чарующей силѣ самобытной, чистой души, свѣтящейся въ ея глазахъ и во всемъ ея лицѣ и проявлявшейся въ ея движеніяхъ, плавныхъ, но рѣшительныхъ, и во всемъ встревоженномъ ея существѣ.

— Ты странный, право, человѣкъ, произнесла она мягко и нѣжно улыбаясь сквозь пробивавшіяся изъ ея глазъ слезы.

— Ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что мужъ любитъ свою жену, пояснилъ онъ и на этомъ кончились ихъ объясненія. Послѣ пережитаго ими бурнаго дня, они отправились спать, въ обыденные для того одиннадцать часовъ вечера и она рѣшительно отерла свои слезы.

Ночь они спали прекрасно и на другой день утромъ Василій Петровичъ, обыкновенно встававшій въ лѣтнюю пору въ пять часовъ утра, проснулся только въ семь, на скоро одѣлся и торопливо вышелъ на дворъ посмотрѣть, что дѣлаютъ его рабочіе, которыхъ онъ не могъ найти ни въ людской избѣ, ни въ предѣлахъ села. Догадавшись, что рабочіе ушли на сѣнокосъ за двѣ версты, онъ вошелъ въ конюшню, въ которой засталъ стараго Ивана, наблюдавшаго за хозяйствомъ въ свободное время, остававшееся ему по исполненіи имъ прямыхъ его обязанностей.

— Вы баринъ на покосъ сразу поѣдете, тогда садитесь

на сѣраго, предложилъ Иванъ, надѣвая уздечку на легкую верховую лошадь и выводя ее изъ конюшни.

Ладинъ быстро осѣдлалъ лошадь и, вскочивъ на нее, съ мѣста пустился въ галопъ.

— Къ чаю будете домой; какъ барынѣ сказать? крикнулъ Иванъ.

— Черезъ два часа буду дома, мнѣ нужно только показать рабочимъ, гдѣ слѣдуетъ сегодня косить траву, отозвался онъ, мчась по муровому двору на молодой застоявшейся лошади, требовавшей хода.

Иванъ посмотрѣлъ вслѣдъ за исчезнувшимъ скоро верховымъ и одобрительно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ласково, улыбнулся. Старый слуга въ молодыхъ годахъ находился при Петрѣ Михайловичѣ, когда онъ командовалъ гусарскимъ полкомъ. Иванъ, любившій своего барина, усвоилъ себѣ нѣкоторые его вкусы и между прочимъ страсть къ лошадямъ и верховой ѣздѣ. Любоваться статнымъ всадникомъ, подъ которымъ играетъ и рвется впередъ добрый конь, доставляло ему истинное наслажденіе. Почти всегда, когда Ладину представлялась необходимость верховой ѣзды по хозяйству или для прогулки, Иванъ предупреждалъ его и являлся въ конюшню, что вовсе не входило въ кругъ его обязанностей. Старый слуга считалъ своимъ долгомъ освѣдомляться своевременно о томъ, накормлены-ли и напоены-ли четыре стойныя лошади, а на рабочихъ коней, пасшихся въ полѣ и на лугахъ, онъ не обращалъ ровно никакого вниманія.

Проводивъ барина, Иванъ отправился въ домъ подметать жилыя его комнаты щеткой и приготовлять чай, въ чемъ ему помогала пятнадцатилѣтняя Катя, его племянница, которая въ своемъ сарафанчикѣ и босая представляла, по небрежности ея костюма, рѣзкую противоположность съ ея дядей, одѣтымъ всегда тщательно въ черную, хотя и поношенную сюртучную пару и имѣющимъ на ногахъ хорошо вычищенные сапоги, на правой рукѣ вызолоченное кольцо, въ жилетѣ простые серебряныя часы, а на свои руки онъ надѣвалъ перчатки всякій разъ, когда приходилось подавать кушанье за господскимъ столомъ, или встрѣчать пріѣзжавшихъ иногда гостей.

Комнаты были уже убраны и самоваръ кипѣлъ въ столовой, когда на часахъ пробило девять и барыня вошла

въ нее въ сопровожденіи двухъ своихъ дѣтей и бонны. Узнавъ, что мужъ ея уѣхалъ на покосъ, она подошла къ окну и увидѣла возвращавшагося домой Василія Петровича, скакавшаго на сѣромъ бодрящемся, хотя и покрытомъ пѣною, скакунѣ. Войдя въ столовую и поздоровавшись съ Ольгою Дмитріевной и дѣтьми, Ладинъ прочелъ вслухъ предобѣденную молитву и помѣстился на стулѣ подлѣ своей жены, пріятно ему улыбнувшейся и наливавшей ему стаканъ чаю.

Такимъ образомъ, утро для Василія Петровича началось повидимому при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Онъ былъ на покосѣ, гдѣ любовался на отличную траву, которую дружно косили его работники, съ удовольствіемъ проскакалъ на добромъ конѣ и, вступивъ въ домъ, встрѣтилъ ласковую улыбку любимой жены, позабывшей, повидимому свои огорченія по поводу предполагаемой продажи Крутого, безъ чего еще при помощи Божіей можетъ быть удастся и обойтись. Но такое настроеніе семьи быстро измѣнилось послѣ того, какъ бонна сочла долгомъ совѣсти извиниться предъ Ладинымъ за то, что она вчерашній день, безъ всякаго дурного намѣренія, огорчила Ольгу Дмитріевну тѣмъ, что позволила дѣтямъ слушать дѣловой ея разговоръ во время обѣда, отчего малютки, не понявъ дѣла, взволновались и огорчили свою мать.

— Оставьте это Эмилія, никто на васъ не въ претензіи поспѣшилъ возразить ей Ладинъ, боясь возбудить непріятныя воспоминанія въ умѣ своей жены.

— Совсѣмъ не то я хорошо понялъ, что мама сердилась и не хотѣла, чтобы насъ выгнали изъ Крутого, протестовалъ восьмилѣтній Володя.

— Мама плакала и мнѣ ее и теперь еще жаль", вмѣшалась въ разговоръ шестилѣтняя Даша, а слезы такъ и закапали изъ ея глазъ, которые она опустила въ землю.

Ольга Дмитріевна вдругъ омрачилась и съ упрекомъ посмотрѣла на мужа. Потомъ она заторопила дѣтей отпить скорѣе чай и отправляться съ бонною читать по нѣмецки.

Когда Василій Петровичъ остался вдвоемъ съ женою, онъ началъ разсказывать ей объ ожидавшемся отличномъ урожаѣ травы и о томъ, что онъ сегодня думаетъ пробыть на покосахъ до вечера, или по крайней мѣрѣ до обѣда, а къ завтраку не пріѣдетъ домой.

— Старайся, милый другъ, труды твои по хозяйству вѣроятно принесутъ пользу Матюшкину, къ которому въ самомъ скоромъ времени можетъ перейти Крутое, сказала она съ досадою.

— Это еще неизвѣстно, Оля, будущее скрыто отъ людей, отшучивался онъ.

— А мнѣ и настоящее-то, то-есть ожиданіе этого будущаго, такъ невыносимо, такъ тяжело и непріятно, что опротивило мнѣ все и Крутое такъ-же. Я не хочу въ немъ болѣе оставаться. Я вмѣстѣ съ сестрою Лизою уѣду отсюда въ Петербургъ къ брату Валеріану Дмитріевичу и дѣтей возьму съ собою, и въ голосѣ ея слышались досада и слезы.

— Но гдѣ-же Елизавета Дмитріевна? спросилъ онъ.

— Она еще спитъ, а я съ нею уѣду!

Объ этомъ мы переговоримъ еще за обѣдомъ, сказалъ онъ, поцѣловалъ женѣ руку и, выйдя изъ дома, вскочилъ на лошадь и ускакалъ.

Бѣдная, бѣдная Оля, какой тяжелый переломъ въ жизни ей приходится переживать, думалъ онъ дорогою и молился за нее Богу.

Оставшись одна въ столовой, Ольга Дмитріевна вдругъ почувствовала сильное раскаяніе въ томъ, что она, находясь подъ вліяніемъ переживаемыхъ ею непріятностей, напрасно оскорбила мужа изъ одного эгоистическаго побужденія возмѣстить на комъ нибудь свою досаду. И этотъ „кто нибудь“ оказался ея мужемъ, самымъ любимымъ ею на свѣтѣ человѣкомъ. Она быстро подошла къ окну съ намѣреніемъ послать ему прощальный привѣтъ и ласковымъ словомъ смягчить тѣ жестокія фразы, которыми она его, безъ всякаго сомнѣнія, огорчила, но онъ уже былъ далеко и ей не пришлось исполнить добраго своего желанія. Она постояла у окна до тѣхъ, поръ пока слышался еще топотъ мчавшагося подъ нимъ коня и, обернувшись, встрѣтилась съ Елизаветою Дмитріевною, вошедшею въ столовую пить чай.

Сестры поцѣловались.

— Я кажется опоздала сегодня къ чаю? спросила дѣвушка.

— Опоздала, теперь уже десять часовъ.

— У васъ въ деревнѣ такъ рано встаютъ, что мнѣ право трудно къ этому привыкнуть.

— Вася уже второй разъ уѣхалъ на сѣнокосъ.

— И ты повидимому жалѣешь, что онъ не съ тобою, а мѣсто его замѣнила твоя сестра.

— Да, я желала-бы видѣть его въ эту минуту, согласилась Ольга Дмитріевна, наливая сестрѣ чашку чаю.

— Вѣдь вы живете какъ голубь съ голубкою?

— Это было до сихъ поръ и я очень желала-бы и молила Бога, чтобы такъ-же продолжалось и до конца нашей жизни.

Онъ тебя любитъ, а ты такая терпѣливая, добрая и снисходительная, что желаніе твое навѣрное исполнится.

— Нѣтъ Лиза—ты ошибаешься. Въ послѣднее время я сама себя не узнаю. Я совсѣмъ измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла необходимость разстаться съ Крутымъ, въ которомъ я провела десять счастливѣйшихъ лѣтъ моей жизни, въ которомъ я такъ хорошо пріютилась и на которое смотрю какъ ребенокъ долженъ смотрѣть на свою колыбель, окруженную ласкою любящей матери. И теперь я стала раздражительная и даже злая. Я обвиняю самое себя въ томъ, что я стала гадкая, что я мучаю мужа, которому и безъ того тяжело, а его слѣдовало-бы ободрять ласкою, привѣтомъ и покорностью судьбѣ, находящейся не въ нашей волѣ. Но вѣдь я женщина и хорошо понимаю горесть и страданія ребенка, котораго лишаютъ его колыбели и изъ оной переносятъ его на непривычное мѣсто, напримѣръ на большую и холодную постель его кормилицы.

— Добрая Оля, мнѣ кажется, что ты сама выдумываешь свое горе. Конечно непріятно, что продадутъ Крутое и вы лишитесь собственности, но вѣдь свѣтъ проникаетъ всюду, а не только въ окна вашего села, въ которомъ зимою я рѣшительно умерла-бы со скуки. Ты убѣждена, что твой мужъ не пригоденъ къ той жизни, которую въ городѣ ведутъ всѣ образованые люди, опредѣлясь на службу и веселясь въ кругу одинаково съ ними развитыхъ личностей. Такую жизнь ведетъ и нашъ братъ Валеріанъ, который своими способностями и стараніемъ и умѣньемъ обращаться съ людьми достигъ высокаго служебнаго положенія. Я думаю что и твой мужъ, когда онъ будетъ оторванъ отъ земли, станетъ жить такъ-же, какъ и всѣ другіе и тогда мы съ тобою будемъ постоянно видѣться.

— Ахъ ma chére, оторвать отъ земли моего мужа такъ-же трудно, какъ оторвать брата нашего Валеріана отъ его

дѣловыхъ бумагъ, которыми онъ гордится и составленіе которыхъ его веселитъ и составляетъ его славу.

— Я, думаю, Оля, что это не такъ. Вѣдь Валеріанъ изъ за умѣнія своего составлять бумаги и проэкты и докладывать ихъ, теперь выдающійся сенаторъ. Бумаги составили его счастье, а чего-же достигъ Василій Петровичъ, сидя въ въ своей усадьбѣ?

— Лиза ты не такъ говоришь. Развѣ ты не помнишь, что Христоферъ Колумбъ и многіе другіе люди предпочитали свое несчастье тому, что составляетъ счастье другихъ. Развѣ ты не знаешь, что люди любятъ то, что доставляетъ имъ хлопоты, непріятности, тяжелый трудъ и лишенія и что трудно одолимыя препятствія влекутъ ихъ къ себѣ, а комфортабельная обстановка и спокойствіе имъ не выносимы.

— Вотъ это такъ. По твоимъ словамъ выходитъ, что Василій Петровичъ исключительная личность, герой, но герой не [понятый, впадшій въ бѣдность и влекущій свое семейство въ нищету. Ну, милая, можно конечно идеализировать любимаго человѣка, но не до такой же степени.

— Конечно мой мужъ—выдающійся человѣкъ и по своимъ способностямъ и по нравственнымъ его качествамъ. Въ этомъ я такъ-же убѣждена, какъ и въ томъ, что сижу теперь предъ тобою. И если-бы онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, то я его и не любила-бы и не примирилась-бы съ жизнею въ Крутомъ, къ которому весьма привязана и которое не покину добровольно.

— Не понимаю я привязанности вашей къ землѣ. Люди вездѣ живутъ и конечно въ городахъ имъ жить легче и пріятнѣе, чѣмъ въ деревнѣ. До твоего замужества ты сама такъ-же думала.

— Что было до моего замужества, то уже давно забыто. А теперь я люблю своего мужа, раздѣляю его вкусы и имѣю общіе съ нимъ идеалы; все мое счастье въ моей любви къ нему.

— И въ любви къ землѣ?

— Ты настоящая горожанка и понять насъ не можешь.

На этомъ сестры разстались. Елизавета Дмитріевна пошла гулять въ садъ, захвативъ съ собою книгу французскаго романа, а Ольга Дмитріевна отправилась осматривать свои цвѣтники и огороды.

Иванъ Кашкаровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тихо теплится лампада,
Тѣни длинныя дрожатъ,
Изъ серебряныхъ окладовъ
Лики темные глядятъ.
Тихо, тихо такъ въ свѣтлицѣ,
Всѣ ужъ спятъ кругомъ давно,
Призадумалась дѣвица,
Оперлася на окно.
Блещутъ очи нѣгой ласки.
Грудь вздымается волной,—
Что за грезы—краше сказки—
Передъ ней летятъ толпой!..
Вотъ царевичъ, статный, стройный,
Очи ясныя горятъ,
Конь играетъ безпокойный,
Блещетъ золотомъ нарядъ...
Ахъ, давай тебя умчу я
За далекіе края,
Гдѣ страна моя родная,
Столъ гдѣ батюшки-царя,
Въ теремъ пышный, златоверхій,
Пиръ сыграемъ тамъ горой,
И ужъ съ той поры на вѣки
Не разстанемся съ тобой...
Очи смотрятъ такъ любовно,
Поцѣлуй манятъ уста,
Протянулся къ окошку
Молодецкая рука...

. . . . . .

— Милый, гдѣ ты?..—нѣтъ отвѣта.
Теремъ спитъ, а за окномъ
Въ дымкѣ близкаго разсвѣта
Соловей поетъ о немъ...

В. Ермоловъ.

Отклики Русскихъ людей на современныя событія.

Открытое письмо къ предсѣдателю „Союза 17 Октября“ А. И. Гучкову отъ Предсѣдателя „Астраханской Народной Монархической партіи“.

Гнетущее впечатлѣніе произвела на меня, какъ вѣроятно, и на многихъ монархистовъ та рѣчь, которая была сказана Вами на собраніи „октябристовъ“ 5 Ноября.

Хотя Вы и увѣряете, что Вы старый конституціоналистъ, но Вы сами себя обманываете. Вдумайтесь глубже въ то, что Вы говорили и Вы увидите, что Вы сознательный монархистъ. Но въ тоже время Вы принадлежите къ тому большому числу русскихъ людей, у которыхъ не хватаетъ силы и настойчивости бороться за русское дѣло. Люди эти, видя какъ скверно и тяжело стало жить при прежнемъ абсолютистскомъ строѣ управленія государствомъ въ который превратилось родное русское Самодержавіе, хотя и сознаютъ великую мощь, историческое значеніе и благодѣтельность самодержавія для русскаго именно народа; но у которыхъ не хватаетъ ни терпѣнія, ни охоты встать на возстановленіе этой русской государственной идеи.

— Слишкомъ много работы! Надо думать,—надо перестраивать! Зачѣмъ?

Не проще ли взять отъ чужихъ уже готовое.

Будетъ всетаки лучше чѣмъ было...

— И вотъ такимъ то образомъ русскіе люди, благодаря спѣшкѣ, предаютъ свое русское родное дѣло... и бросаютъ будущность русскаго народа, якобы для его же блага, въ ту ужасную пучину, изъ которой ему выбраться будетъ уже трудно.

— Вотъ Ваши слова, которые подтверждаютъ то что я говорю:

.....„Самодержавный строй, *создавшій наше великое государ-*

ство, разрѣшившій такъ много важныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни, имѣлъ передъ собою блестящую будущность."

— Если бы самодержавіе сознало свою историческую миссію—отдать свою *великую мощь* на служеніе интересамъ народныхъ массъ, если бы оно сдѣлалось демократичнымъ, *оно заслужило бы право на славное существованіе.*

Но его толкнули на иной путь, связали съ узко сословными, классовыми интересами, сдѣлали отвѣтственнымъ за все зло, которое своекорыстно творили его именемъ и привели его къ гибели".....(Нов. Время).

Вотъ эти Ваши слова я и ставлю Вамъ въ укоръ.

Слова эти ясно указываютъ на то, что Вы какъ и мы, монархисты, признаете, что Самодержавіе имѣло бы передъ собой блестящую будущность и заслужило бы право на славное существованіе, если бы оно не сошло со своего истиннаго пути и оперлось бы на народъ.

— Если Вы это признаете и если, какъ Вы увѣряете, Васъ одушевляетъ то же сильное, *національное* чувство, какъ и насъ, монархистовъ, то почему же вмѣсто того, чтобы встать на работу по возстановленію нашей русской государственной идеи, Вы хватаетесь за чуждыя для насъ формы государственнаго устройства?

— Почему?

— Послѣ всего сказаннаго Вами, отвѣтъ можетъ быть лишь одинъ:

— Или Вы не искренни, или же у Васъ не хватаетъ рѣшимости и охоты встать на ту работу, на которую встали мы, монархисты.

Если бы Вы, сказавшій эти слова, также горячо, до самозабвенія любили бы русскій народъ, если бы въ Васъ горѣло такое же сильное *національное* чувство, какое горитъ въ насъ монархистахъ, то Вы вмѣстѣ съ нами сказали бы.

Россія въ опасности!

Самодержавіе сошло со своего истиннаго пути!.. Охваченное со всѣхъ сторонъ цѣпкими когтями бюрократизма, оно разобщилось съ народомъ, замкнулось и само себя упразднило превратившись въ абсолютизмъ...

Русскіе люди! Государь нашъ созналъ это самъ; такъ встанемъ же мы вмѣстѣ съ нимъ на дружную работу и возстановимъ наше истинное, русское Самодержавіе, создавшее

великое и славное Государство, превратившее силою своей мощи когда то слабый русскій народъ въ могущественнѣйшій народъ въ мірѣ *разрѣшившее такъ много важныхъ вопросовъ нашей* внутренней жизни"...

„Возстановимъ русское Самодержавіе, опирающееся не на чиновниковъ, а на широкое мѣстное самоуправленіе на свободный, организованный въ мелкія приходскія единицы народъ, на посланныхъ къ Государю народомъ отъ всѣхъ слоевъ и классовъ его, выборныхъ людей, которые налагали бы ему дѣйствительныя нужды народныя и были бы ему вѣрными и искренними совѣтниками".

— Вотъ что сказали бы Вы.

Но у Васъ повторяю вышло такъ:

— Живется плохо. Надъ возстановленіемъ хорошаго надо трудиться, думать. Не проще ли взять хотя и непровѣренное для насъ, но кажущееся лучшимъ... и скоро и безъ хлопотъ.

— И въ словахъ этихъ сказался нашъ, русскій человѣкъ, желающій получить хоть что нибудь, лишь бы скорѣе...

— Вотъ въ этомъ то и горе Россіи, въ этомъ то и весь трагизмъ ея положенія.

— Затѣмъ не могу не добавить слѣдующаго:

— Я не подвергаю сомнѣнію патріотическихъ чувствъ октябристовъ, о которыхъ Вы говорили; любви ихъ къ родинѣ; но я протестую противъ того, что Вы называете октябристовъ—монархистами.

— Тѣ люди, которые говорятъ что монархія, должна быть конституціонна по формѣ,—уже не есть монархисты.

— Монархія имѣетъ свою идею.

— Конституція же (въ томъ смыслѣ, какъ ее принято теперь понимать), упраздняетъ эту идею въ самомъ корнѣ.

— Конституціонной Монархіи нѣтъ, и быть не можетъ.

— Конституціонная форма правленія—есть форма чисто республиканская; кто же стоитъ во главѣ государства—президентъ ли выбранный, или же наслѣдственный—разница не слишкомъ существенная, т. к. принципъ не смѣняемой династіи имѣетъ громадное значеніе лишь при монархической идеѣ государственности.

— Монархія должна быть *самодержавна по формѣ и демократична по своимъ задачамъ*;—или ее совсѣмъ не будетъ.

Н. Н. Тихановичъ-Савицкій.

ЧЕРНАЯ СОТНЯ.

Въ Казани, въ одномъ книжномъ складѣ, выставлена картина „Крамольники въ аду". На тронѣ сидитъ сатана, а по бокамъ его, тоже на тронахъ, только поменьше, графъ Витте и князь Долгоруковъ. Дальше возсѣдаютъ на бочкахъ всѣ члены Государственной Думы.

Эта карикатура на Думу продается открыто, совершенно такъ же, какъ годъ назадъ продавались на Невскомъ карикатуры на министровъ и на все высшее правительство. Только вмѣсто Трепова и звѣздной палаты посадили на бочки Гредескула, Винавера, Муромцева. Говорятъ, что распространяетъ ее русское духовенство. Наслушавшись въ Думѣ всевозможной брани по своему адресу, оно отплатило ей тѣмъ, что посадило ее на бочку и отправило въ адъ къ сатанѣ.

Это похоже на анекдотъ, но поклонники первой Думы находятъ, что это прескверный анекдотъ. Лубочныя картинки были хороши, когда онѣ представляли въ смѣшномъ, даже гнусномъ видѣ правительство; но когда стали выпускать лубочныя пародіи на депутатовъ,—они пришли въ негодованіе. Чего смотритъ начальство? почему не уберутъ эти мерзкіе листки? Подъ этимъ негодованіемъ кроется еще другое чувство—страхъ передъ тѣмъ призракомъ, который носится надъ Россіей еще съ октябрскихъ дней прошлаго года. Призракъ то появлялся, то снова исчезалъ, и когда имъ казалось, что онъ сгинулъ окончательно, онъ вдругъ, какъ крыло гигантской птицы, заслонялъ имъ свѣтъ.

Этотъ призракъ—черная сотня. Она ходитъ, какъ тѣнь, за нашей революціей, разстраивая ей воображеніе, лишая ее сна. Правительство и его кары реальны, тутъ можно вычислять, взвѣшивать шансы, но какъ отразить эту темную силу, какъ сосчитать ея бойцовъ?

Одно время казалось, что ихъ совсѣмъ немного. Черная сотня притихла и отовсюду съ позоромъ изгонялась. Ее стали прямо истреблять. На фабрикахъ и заводахъ началась радикальная чистка отъ черносотенцевъ. Сознательные рабочіе хватали ихъ, завязывали ихъ въ мѣшокъ, вывозили на тачкѣ и бросали въ мусорную яму. При этомъ объявляли, чтобы они больше на заводъ не возвращались, иначе будутъ

убиты. Или ставили ихъ на горячую плиту, тогда черносотенцы моментально раскаивались и просили прощенія.

Иногда сознательный рабочій, подбѣгая съ револьверомъ, говорилъ: „Тебѣ, черносотенецъ, гостинецъ приготовилъ!“ и выпускалъ въ него пулю. Въ Новомъ арсеналѣ сознательный рабочій, юноша 19 лѣтъ, зарѣзалъ главнаго заводскаго черносотенца Горшкова. Послѣ этого юноша безъ сопротивленія отдался полиціи, заявивъ, что онъ исполнилъ свой долгъ. Но обыкновенно юноши предпочитали не отдаваться полиціи и благополучно скрывались, чтобы имѣть возможность исполнять свой долгъ и впредь. Такъ былъ убитъ на митингѣ рабочій Лавровъ, изъ Союза Русскаго Народа, и рабочій Мухинъ изъ Союза русскихъ людей. Убивали, конечно, самыхъ энергичныхъ и смѣлыхъ черносотенцевъ.

Но, недовольствуясь истребленіемъ отдѣльныхъ лицъ, хотѣли искоренить всю организацію. Подъ угрозой бросить въ пылающій горнъ требовали выдачи сообщниковъ.

Это называлось въ печати оздоровленіемъ среды. „Повсюду рабочіе заняты дѣятельнымъ оздоровленіемъ своей среды“:—объясняли газеты. Поставивши человѣка на горячую плиту, вырывали у него всевозможныя отреченія и клятвы, и поздравляли себя съ тѣмъ, что такъ быстро просвѣтили русскаго рабочаго.

Изъ черной сотни началось повальное бѣгство. Многіе разъѣзжались по деревнямъ. Въ деревнѣ хоть и голодно, но не ждешь ежеминутно получить отъ сознательнаго товарища пулю въ бокъ или гайку въ глазъ.

Гдѣ же этотъ грозный призракъ, который витаетъ надъ нашей революціей? Черная сотня—вѣдь это, по ея словамъ, кучка отверженныхъ, это горсть негодяевъ, которые тщетно пытаются остановить ея побѣдоносное шествіе. Они дерзко называютъ себя истинно русскими людьми, какъ будто желая этимъ сказать, что революцію поддерживаютъ не русскіе люди. Вотъ этимъ-то кучка и опасна. Она хочетъ поднять изъ могилы мертвеца, который называется русскимъ патріотизмомъ. И хотя доподлинно извѣстно, что онъ умеръ еще въ годъ Японской войны, и въ Портсмутѣ графъ Витте отпѣвалъ его, но истинно русскіе негодяи распускаютъ слухъ, что онъ живъ и до поры до времени гдѣ-то скры-

вается. Вся передовая печать объявила эти слухи завѣдомо ложными, утверждая, что русскій патріотизмъ не только не встанетъ изъ гроба, но и жалѣть объ этомъ нечего, такъ какъ покойникъ всегда былъ самаго дурного поведенія: пьяница, воръ, крѣпостникъ, антисемитъ, однимъ словомъ— хулиганъ. Теперь самое имя его надо вычеркнуть изъ памяти, и новая молодая Россія должна называться отнынѣ свободной федераціей польскихъ, латышскихъ, еврейскихъ, армянскихъ, финскихъ народностей.

На первый натискъ федералистовъ народъ отвѣтилъ такимъ разгромомъ, что полетѣлъ не только пухъ изъ перинъ, но стали бить, какъ фарфоровую посуду, самихъ федералистовъ. Били и даже не считали это за грѣхъ. На допросѣ у прокурора патріоты съ восторгомъ разсказывали, какъ они лупили враговъ родины, жалѣя только, что не убили ихъ всѣхъ. Одинъ купецъ сказалъ прокурору:

— Если вы противъ Царя будете говорить, то и васъ убью.

Мастеровой на митингѣ, послушавши „товарищей“, крикнулъ: „Бей жидовъ“! и кому-то далъ въ ухо. Боевая дружина его за это убила. Тогда къ митингу потянулись эпцуны и, разогнавъ его, осадили въ клубѣ. Только губернаторъ съ ротой солдатъ спасли ораторовъ.

Потерпѣвъ пораженіе, федералисты поняли, что поторопились; врагъ еще силенъ, надо прежде ослабить и раздѣлить его. Они пошли въ народъ и сказали ему: „Хочешь, чтобы у тебя было много земли? Жги помѣщиковъ и иди за нами! Мы дадимъ тебѣ землю“. Народъ заволновался. Ему не говорили: „Давай устроимъ федеративную республику“, а „давай землю дѣлить“. Какой-то студентъ въ Перовѣ показалъ первый примѣръ. Онъ сталъ дѣлить крестьянамъ подмосковную графа Шереметева, нарѣзая имъ по пять десятинъ на брата. Въ деревню пріѣхали ораторы—учителя, статистики, присяжные повѣренные, лондонскіе эмигранты— и закипѣла работа. „Добрые господа! думалъ народъ. Земли намъ хотятъ нарѣзать“. Вчерашніе федералисты, которыхъ онъ билъ кольями, досками, булыжниками, стали вдругъ лучшими друзьями его. Въ октябрѣ онъ еще гонялся за ними съ дубиной. Одинъ кузнецъ, увидавъ, что на улицѣ бьютъ студентовъ, сбѣгалъ домой за молоткомъ и пошелъ помогать. А въ де-

кабрѣ за этими же студентами мужики сами посылали въ городъ звать ихъ къ себѣ.

— Тута ораторы проживаютъ?—спрашивалъ мужичокъ, позвонивъ въ квартиру.

— Нѣту здѣсь такихъ.

— Мнѣ сказывали тута. Будьте добры, кликните. Лошадь гналъ, сходомъ порѣшили—привезть его. Харчи ему обрядили, ночлегъ по душамъ! валены ему привезъ.... Какъ бы не зябко было... Наслышаны мы, помогаютъ они нашему брату.

Ораторы дѣйствительно помогали очень усердно. „Видишь?—говорили они, показывая на чужія усадьбы:—все твое! Приходи и бери". Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ дѣйствительно стали брать, но въ общемъ народъ хотѣлъ, чтобы земли ему нарѣзала Царская Дума.

Черная сотня въ Думу не попала. Она не раздавала чужихъ подмосковныхъ и была постыдно разбита на выборахъ.

Въ упоеніи побѣды федералисты о ней забыли. Они думали, что дни ея уже сочтены. Но вѣсть изъ Бѣлостока, какъ ударъ грома въ ясный іюньскій день, потрясла стѣны Таврическаго дворца. Опять черное крыло призрака промелькнуло надъ ними, оледенивъ ихъ своимъ дыханіемъ. „Погромъ въ Бѣлостокѣ устроило правительство!" кричали въ Думѣ. „Полиція, министры, войска!" кричала еще громче еврейская печать. Но никто даже шепотомъ не смѣлъ произнести слово, о которомъ всѣ подумали въ душѣ. А что если это онъ, отпѣтый въ Портсмутѣ покойникъ? Что, если онъ еще живъ? Тамъ, гдѣ надъ нимъ особенно нагло издѣвались, гдѣ топтали его въ грязь, онъ вдругъ пробуждался отъ сна и наносилъ удары плясавшимъ на его могилѣ.

Три депутата съѣздили въ Бѣлостокъ и привезли оттуда извѣстіе, что все это было дѣломъ громилъ, которыхъ наняла полиція бить жидовъ; что никакой ненависти къ евреямъ среди населенія нѣтъ, но русскіе офицеры сами приводили солдатъ на грабежъ и говорили имъ: „Ну-ка, ребята, поработайте хорошенько въ этомъ магазинѣ!" „Солдатъ подготовляли, нарочно натаскивали на погромъ", клялась еврейская печать, всячески скрывая отъ себя печальную истину, что офицерамъ стоило большого труда удержать озвѣрѣвшихъ солдатъ, ожесточенныхъ постоянной охотой на нихъ

бундистовъ и чуть не еженедѣльнымъ избіеніемъ русскихъ должностныхъ лицъ, падавшихъ подъ пулями еврейскихъ юношей. Печать клялась, что все это дѣло рукъ правительства, что это былъ дьявольски задуманный и выполненный планъ. Но въ полученныхъ депутатами письмахъ говорилось совсѣмъ другое,—что громили и желѣзнодорожники, и фабричные рабочіе, и пріѣзжіе изъ деревень. Повторилось то же, что было и въ другихъ городахъ: накопившаяся годами ненависть вспыхивала вдругъ, какъ гремучій газъ въ шахтѣ, отъ одной неосторожно зажженной спички и вызывала кровавую катастрофу. Въ Могилевѣ все предмѣстье заселено мѣщанами и, по словамъ „Страны", они уже не разъ предлагали свои услуги для избіенія евреевъ. Развѣ это не та же шахта съ гремучимъ газомъ, готовая взорваться отъ первой искры? Но докладъ въ Думѣ былъ сдѣланъ въ такомъ духѣ, что, кромѣ наемныхъ громилъ, никто евреевъ не убивалъ, народъ ихъ любитъ, и никакого оскорбленія національнаго чувства тутъ не было. Значитъ, покойникъ дѣйствительно умеръ, и можно опять плясать на его могилѣ.

Послѣ Бѣлостока плясали еще цѣлый мѣсяцъ. Истинно русскіе негодяи, хулиганы изъ Союза Русскаго Народа, сыщики, шпіоны, провокаторы!—такъ и посыпалось на голову русскихъ людей. „Изъ всѣхъ щелей выползаютъ отвратительные гады,—писалъ одинъ изъ братьевъ Гессеновъ,—и все громче и наглѣе раздается ихъ змѣиное шипѣніе". Федералисты дружнымъ хоромъ подхватывали, что русскій патріотъ—это бранное слово и носить эту кличку постыдно. Они даже писали „потреотъ" и представляли его не иначе, какъ въ видѣ здороваго дѣтины съ дубиной. Представленіе о дубинѣ символически напоминало имъ о томъ, что гроза гдѣ-то собирается и слово „потреотъ", хоть они и пишутъ его черезъ *о*, нисколько ихъ не веселитъ. Имъ вспоминается при этомъ Томскъ, Бѣлостокъ, Одесса и разные другіе города, гдѣ такъ любитъ ихъ народъ и такъ ненавидитъ полиція. Но имъ надо было сдѣлать это слово смѣшнымъ въ глазахъ русскаго общества. Надо увѣрить его, что порядочный человѣкъ не можетъ быть патріотомъ. Онъ непремѣнно пьяница и служитъ въ охранномъ отдѣленіи. Онъ кричитъ ура, поетъ гимнъ, а въ свободное время грабитъ на улицѣ

прохожихъ. Грабить, дѣлать доносы и устраивать погромы —это его главное, чуть ли не единственное занятіе.

Лубочная картина „Крамольники въ аду“ можетъ показаться невинной шуткой въ сравненіи съ тѣмъ лубкомъ, на которомъ еврейская печать изображаетъ русскаго патріота. Это существо дикое, лохматое, бѣгающее на четверенькахъ. На своихъ собраніяхъ патріоты не говорятъ, а рычатъ, ревутъ, вопятъ. Встрѣчая на улицѣ жида или студента, они его немедленно подкалываютъ или бьютъ смертнымъ боемъ.

Патріоты не остались въ долгу у еврейскихъ газетъ.— „Что? мы грабители и погромщики? Ахъ, вы, красноглазые!“ —отвѣчаетъ московское „Вѣче“.—„Нѣтъ, это вы на награбленныя жидовскія деньги вооружаетесь противъ Россіи. Молите Бога, чтобы не отмѣняли смертную казнь, а то мы сами начнемъ васъ бить. Если мы не дѣлаемъ этого теперь, то только въ надеждѣ, что васъ перевѣшаетъ законъ и безъ насъ. Но только попробуйте отмѣнить смертную казнь! Мы васъ искоренимъ, мы выбросимъ васъ изъ Россіи, чтобы вы ея не поганили. Не думайте, что вы, накупивши бомбъ на жидовскія деньги, испугаете насъ. Не безпокойтесь, антихристовы дѣтки, и у насъ кое-что припасено для васъ“.

Революція остолбенѣла, когда съ нею заговорили вдругъ ея языкомъ. До сихъ поръ никто еще не осмѣливался такъ отвѣчать ей. Когда она называла монархистовъ „гадами земли русской“, она никакъ не ждала, что они крикнутъ ей въ отвѣтъ: „Берегитесь, красноглазые, мы съ вами расправимся судомъ Линча“! Революція писала, что народный кулакъ уже сжимается, что общественная совѣсть возмущена и требуетъ суда надъ извергами, палачами, разбойниками, надъ этой бандой громилъ, которая называется русскимъ правительствомъ, что недолго уже горсти шакаловъ изъ черной сотни праздновать свое мерзкое пиршество. „Сгиньте, черносотенцы! —приказывала она.—Прячьтесь въ свои норы, пауки кровожадные“! А шакалы-черносотенцы жарили на это стихами.

„И льется кровь святая славянина,
И гибнутъ семьи и отцы,
Все сокрушаетъ бѣдъ лавина
И торжествуютъ стервецы“.

„Грубо! пошло“!—возмущалась революція, не узнавая своихъ собственныхъ выраженій.—Такъ могутъ писать только

истинно-русскіе негодяи"! Она восхваляла Думу и депутатовъ перваго призыва. „Они цвѣтъ и гордость націи, носители благороднѣйшихъ стремленій вѣка, защитники обездоленныхъ".

„— Кто это? Аладьины-то съ Аникиными цвѣтъ націи? —отвѣчали черносотенцы изъ „Вѣча" и писнули опять стишки: „Бей всю Думу въ рыло, была не была"!

Послѣднее слово осталось за патріотами; по силѣ и яркости языка они затмили противниковъ. Такъ писать умѣли еще только въ пролетарскихъ газетахъ, но кадетскимъ было до этого далеко. Эти все больше повторялись насчетъ рептилій да гадовъ. Онѣ завели свой грамофонъ, и цѣлый годъ грамофонъ игралъ одно и то же, все на мотивъ романса, который исполнилъ въ Думѣ депутатъ Винаверъ: „Доколѣ не будетъ въ странѣ равенства, не будетъ въ ней мира", т. е. пока не будетъ жидовскаго равноправія,—пояснили черносотенцы.

„И это, Русь, терпѣть ты можешь?"—грянуло опять московское „Вѣче".

„И гнѣвъ не распалишь ты свой?!
Вставайте-жъ, братья, и смѣлѣе
Тряхните силушкой—пора"!

Сепаратисты встревожились не на шутку. Г. Амфитеатровъ изъ Парижа умолялъ еврейскую печать не дѣлать никакихъ перепечатокъ изъ черносотенныхъ газетъ. Даже полемизировать съ ними не слѣдуетъ. Просто обойти ихъ молчаніемъ. Теперь порядочное общество ихъ не читаетъ, а какъ начнутъ дѣлать изъ нихъ выдержки въ уважаемыхъ еврейскихъ органахъ, то... даже страшно сказать... вѣдь ихъ будутъ тогда читать въ порядочномъ обществѣ. Конечно, „Вѣче"—это лубокъ, но вѣдь, между нами, наши-то уважаемыя газеты—развѣ это не такой же лубокъ? Развѣ онѣ не увѣрили русскую молодежь, что русскіе націоналисты бѣгаютъ на четверенькахъ? Что гораздо почетнѣе грабить казенные банки, чѣмъ подавать руку подлецамъ, которые называютъ себя патріотами? Развѣ онѣ не убѣдили ее въ томъ, что, вытуривъ ее изъ Варшавскаго университета, ей сдѣлали большую честь, а когда вытурятъ изъ Кіевскаго и Одесскаго, то покроютъ ее неувядаемой славой? Вѣдь если она этому повѣрила,—значитъ грубый лубокъ имѣетъ у нея успѣхъ.

Не переоцѣнивайте своихъ силъ,—повторяетъ вслѣдъ за г. Амфитеатровымъ новая, только-что народившаяся освободительная газетка „Текущіе Дни“.—Пора уже перестать говорить о черной сотнѣ, а называть ее по крайней мѣрѣ черной тысячей. Пора оставить мысль, что это какое-то инородное тѣло, присосавшееся къ организму. „Да развѣ чиновникъ, рабочій, студентъ и попъ не изъ народа?“—спрашиваетъ газета. „Говорятъ, что ихъ мало, но сколько ихъ въ дѣйствительности—мы съ вами, господа, не знаемъ“. Первый разъ наши радикалы заговорили объ этомъ въ печати. Они думали объ этомъ давно, но сказать это громко не рѣшались. Сколько же ихъ, господа?—спрашиваютъ они, даже не подумавъ, что доставляютъ этимъ удовольствіе московскому „Вѣчу“, которое навѣрное скажетъ: „Ага, испугались, красноглазые!“ Давно ли поджаривали черносотенцевъ на плитѣ, и уже со страхомъ приходится считать ихъ. „Надо помнить, повторяетъ газетка, что черныя тысячи хотя и дрянной, но все-таки народъ“.

До сихъ поръ красная сотня объ этомъ не думала. Всѣ патріотическія партіи до правового порядка включительно считались у нея отбросами. Несмотря на то, что программа правового порядка конституціонная, ее причислили къ отбросамъ, потому что она не признаетъ еврейскаго равноправія. До прошлаго понедѣльника, когда новая газета сказала, что черносотенцы тоже народъ, еврейская печать упорно отрицала это. Ея цѣль была доказать, что это простой разный сбродъ, и изъ порядочнаго общества никто туда не идетъ. Ни Берентштама, ни братьевъ Гессеновъ, ни братьевъ Долгоруковыхъ тамъ нѣтъ. Что такое Союзъ Русскаго Народа? „По свѣдѣніямъ департамента полиціи,—пишутъ еврейскія газеты,—тамъ, кромѣ босяковъ да рецидивистовъ-экспропріаторовъ (просятъ не смѣшивать съ максималистами), никого нѣтъ. Въ Одессѣ, напримѣръ, 60% Союза состоятъ изъ босяковъ, называемыхъ въ простонародьи „кадетами“ (тоже просятъ не смѣшивать съ Родичевымъ, Кокошкинымъ и др.)“. Куда же однако въ демократической республикѣ дѣнутъ босяковъ? Неужели демократы будутъ сажать ихъ въ кутузку? Или они одѣнутъ ихъ въ смокинги? Въ союзѣ русскихъ людей тоже все пропойцы и обитатели ночлежекъ. Но вѣдь и безработные сплошь да рядомъ дѣлаются обитателями ночле-

жекъ. Господа Родичевы и Набоковы, сколько извѣстно, не приглашаютъ ихъ ночевать къ себѣ.

Оказывается такимъ образомъ совершенно неожиданно, что патріотическіе-то союзы и вербуются изъ самыхъ демократическихъ элементовъ. Даже товарищи изъ „Новой Жизни“ не отказались бы пожать имъ руку. Куда же до нихъ кадетамъ, которые носятъ крахмальное бѣлье, издаютъ газеты и даже бываютъ иногда предводителями дворянства. Патріоты оказались куда лѣвѣе ихъ; они собираютъ голытьбу, угощаютъ ее чаемъ, бубликами, а по словамъ собственныхъ кадетскихъ корреспондентовъ, и водочкой. Но вѣдь кадеты не могутъ представить себѣ патріота трезвымъ. Имъ кажется, что въ трезвомъ видѣ онъ сейчасъ же записался бы въ ихъ партію, а какъ напьется, такъ идетъ въ Союзъ Русскаго Народа. О правовомъ порядкѣ собственные корреспонденты сообщили, что онъ пользуется больше услугами дворниковъ. Свои воззванія партія разсылала съ дворниками по трактирамъ и чайнымъ. Вѣроятно у кадетъ ихъ разносили камеръ-юнкеры. Но, не имѣя въ своемъ распоряженіи камеръ-юнкеровъ, правовой порядокъ посылаетъ просто дворниковъ. Еврейскихъ юношей онъ тоже не можетъ посылать, потому что его программа этого не позволяетъ.

Послѣдній съѣздъ монархистовъ взволновалъ нашу печать не на шутку. Важно не то, что они монархисты, а то, что черносотенцы, и, вмѣсто Варшавянки, поютъ Народный Гимнъ. Они говорятъ, что русскіе въ Россіи у себя дома, гостей принимаютъ радушно, но гости должны вести себя прилично, иначе имъ укажутъ на дверь. Чтобы гости могли выгнать хозяевъ изъ дому, они этого рѣшительно не допускаютъ. Они кричатъ ура, служатъ молебны и собираютъ простой народъ, на который эта обстановка дѣйствуетъ потрясающимъ образомъ. Въ этихъ собраніяхъ плачутъ, обнимаются, какъ во время народныхъ бѣдствій. „На бой кровавый, святой и правый!“—зоветъ революція и посылаетъ впередъ бундистовъ. „И это, Русь, терпѣть ты можешь!“—отвѣчаютъ на кіевскомъ съѣздѣ и, кликнувъ кличъ, зовутъ русскихъ людей объединяться.

„Кіевскій съѣздъ шесть дней неистовствуетъ, шесть дней говорятъ смрадныя рѣчи,—волновалась еврейская печать.—Все тѣ же апплодисменты, ура, гимнъ, поцѣлуи рукъ,

тѣ же рыдающія дамы... Смыслъ ихъ рѣчей, если вообще въ нихъ есть смыслъ,—одинъ и тотъ же, „Дума намъ не нужна, но разъ это воля Государя, мы ей подчиняемся". Корреспондентъ какъ будто даже разочарованъ. Онъ повидимому ожидалъ, что тутъ скажутъ, какъ въ московской газетѣ: „Бей всю Думу въ рыло, была не была!" Тогда по крайней мѣрѣ было бы хоть безобразіе. А то все перенесли на патріотическую почву. Вотъ это-то и опасно! На этомъ могутъ объединиться всѣ русскія партіи. Нѣтъ, этого допустить нельзя. Надо скорѣе обливать грязью патріотовъ. Вотъ, напримѣръ, въ Полтавѣ открылся отдѣлъ Русскаго Собранія. Напишемъ такъ: „На открытіи отдѣла было всего 29 человѣкъ, примѣрно столько, сколько числится агентовъ въ охранномъ отдѣленіи". Пусть-ка теперь попробуютъ пойти въ эту лавочку! Дальше сообщается, что по уѣзду разъѣзжаютъ какія-то темныя подозрительныя личности съ черносотенными воззваніями. Патріота сейчасъ узнаютъ, потому, что онъ всегда темная, подозрительная личность. Свѣтлыя личности или сидятъ въ тюрьмѣ, или пишутъ въ еврейскихъ газетахъ. А черносотенныя газеты—„Это шпіонскія донесенія, не больше".—„Что? шпіонскія донесенія?"—откликается „Вѣче".—„А вотъ у васъ есть „Русское Слово", такъ это только по названію русская газета, наполненная писаніями разныхъ пархачей, телеграммы всѣ насквозь пропитаны чеснокомъ". Очень картинны эти эпическія переругиванія двухъ крайнихъ фланговъ! Но тутъ у лѣвыхъ пороху не хватаетъ. Они еще словаря Даля въ передѣлкѣ Бодуэна-де-Куртене не читали. Они прочли только гарнпръ самого Бодуэна, а самыхъ коренныхъ-то, россійскихъ словъ не успѣли еще прочесть.

Какъ только открывается гдѣ-нибудь патріотическій союзъ, такъ въ газеты летятъ корреспонденціи. „Тяжкія минуты переживало населеніе города въ день открытія Союза... Впереди шла партія хоругвеносцевъ. За ней духовенство и довольно большое количество подозрительныхъ субъектовъ въ гороховомъ пальто... По пути шествія нельзя было встрѣтить ни одного живого человѣка. Лавки закрылись, все населеніе въ страхѣ попряталось по домамъ".

Союзы все открываются, грамофонъ въ газетахъ играетъ. Но какую пластинку ни заведутъ, а въ концѣ непремѣнно

романсъ къ охранному отдѣленію. „Неужели правительство допуститъ такую открытую организацію черносотенцевъ?..“ И на другой день опять. „Пусть правительство броситъ взоръ на эти черныя шайки! Пусть оно сдѣлаетъ это, пока не поздно!“ Съ этими воззваніями къ охранному отдѣленію обращаются не только теперь, но обращались и въ дни свободъ, когда всѣ рѣшительно организаціи дѣйствовали открыто, даже самыя революціонныя. Напримѣръ, Союзъ Русскихъ Людей звалъ въ прошломъ году въ Николинъ день москвичей на Красную площадь на молебенъ. Сейчасъ же поднялся гвалтъ въ печати: „Обращаемъ вниманіе кого слѣдуетъ... Всѣ удивляются, какъ могъ московскій градоначальникъ дать разрѣшеніе на такое публичное молебствіе?“ А тутъ ужъ рядомъ баррикады строили.

Ужасно не любятъ наши федералисты молебновъ. Вообще видъ креста, кадила и попа въ ризахъ вызываетъ у нихъ нервную дрожь. Православный крестъ самъ по себѣ еще могъ бы быть терпимъ, но какъ хоругвь, объединяющая русскій народъ, онъ вызываетъ такую же ненависть какъ и двуглавый орелъ. Еще на первыхъ выборахъ въ Думу, одержавъ полную побѣду, лѣвые объявили, что на правой сторонѣ остались только плуты, только бубновый тузъ остался на сторонѣ двуглаваго орла. Тогда эта наглость сошла имъ съ рукъ, теперь они пошли дальше: они стали оскорблять религіозное чувство народа. Они срывали молебны въ земскихъ собраніяхъ, являясь цѣлыми шайками на хоры и заглушая молебенъ марсельезой. Потомъ они попробовали дѣлать то же самое на призывѣ новобранцевъ. Если вѣрить ихъ корреспондентамъ, новобранцы даже въ церкви пытались запѣть марсельезу. Можетъ быть этого и не было, но имъ очень хочется, чтобы это было. Главное —пріучить народъ къ тому, что ничего святого у него нѣтъ и не должно быть. Опасно оставлять эту вѣру въ какую-нибудь общую всему народу святыню, потому что онъ можетъ тогда встать поголовно на ея защиту.

Черная сотня—это кошмаръ революціи. Если-бъ можно было истребить ее всю безъ остатка или загнать въ подполье, это значительно облегчило бы задачу. Но истребить ее нельзя, выселить ея некуда. Сдѣлать ее смѣшной и презрѣнной, какъ ни старалась объ этомъ печать, тоже не уда-

лось. Когда кричали черносотенцамъ: „Вы отбросы, подонки хулиганы!“,—они отвѣчали: „Вы насъ ненавидите, потому что вы насъ боитесь. Наша сила въ той кровной, вѣковой связи съ русскимъ народомъ, которой нѣтъ у васъ. У насъ все съ нимъ общее—вѣра, преданія, исторія, намъ одинаково дорого имя Россіи; мы всѣ, бѣдные и богатые, сильные и слабые, знаемъ, что мы дѣти одной матери. Вы Россію зовете мачихой и хотите порвать съ ней связь, отдать ее на поруганіе, видѣть ее униженной, жалкой и безпомощной. Вы кричали за границей: не давайте ей денегъ, она ихъ промотаетъ, не отдастъ вамъ долга! Вы говорили народу: разоряй ее скорѣй, твою старую мать, жги усадьбы, закрывай заводы, подрывай торговлю, разгроми ея морскіе порты. Истребляй остатки ея флота, развращай армію, добивай ее до конца! Когда она будетъ въ нищетѣ и убожествѣ, всѣми презираемая въ жалкихъ рубищахъ,—тогда мы придемъ и растопчемъ ея двуглаваго орла, порвемъ ея національное знамя“...

Что же сдѣлала черная сотня? почему она такъ страшна сепаратистамъ? Прибѣгала ли она къ бомбамъ, нападала ли изъ-за угла? Кого она убила? „Она убила Герценштейна“,—говорятъ кадеты. Она ли—неизвѣстно. Но пусть даже такъ, пусть онъ ея жертва. Гдѣ же другія? Гдѣ, кого, когда убивала она, если это не было въ законной самооборонѣ? Изъ ея рядовъ жертвы падали сотнями. Недаромъ Союзъ Русскихъ Людей, положивъ вѣнокъ на могилу генерала Мина, написалъ на немъ: „И мы за тобой готовы“.

А погромы?—кричатъ евреи. Кто виноватъ, что лилась наша кровь?—„Вы сами“, отвѣчаетъ имъ черная сотня. „Вы прежде всего! Еслибъ вы не возбуждали въ населеніи ненависти къ себѣ, народъ бы васъ не тронулъ. Почему изъ десятковъ разныхъ народностей, которыя живутъ въ Россіи, не бьютъ никого, кромѣ васъ? Вы когда-нибудь задавали себѣ этотъ вопросъ? Почему не только мы, Русскіе, но и Поляки въ Варшавѣ кричатъ вамъ: „Уходите къ себѣ въ Палестину!“. Развѣ намъ нужна ваша кровь? Намъ нужно, чтобы вы дали намъ покой. Вы громите нашу родину, за это народъ громитъ васъ. Бросьте эту сказку, что погромы устраиваетъ полиція и правительство. Полиція имъ помогаетъ, это возможно, потому, что вы тоже убиваете ее, истреб-

ляете, гдѣ можете. Но поднять противъ васъ сто русскихъ городовъ никакая полиція не въ силахъ. Еслибъ вы сами не подкладывали дровъ въ костеръ, костеръ бы не запылалъ. И нѣтъ въ Россіи власти, которая могла бы остановить эти погромы. Это могла бы сдѣлать одна только власть—ваша собственная. Отъ васъ зависитъ положить имъ конецъ. Относитесь по-человѣчески къ русскому народу,—и онъ будетъ жить съ вами въ мирѣ. Безъ этого никакія министерства, ни кадетскія, ни ваши еврейскія, не спасутъ васъ отъ его гнѣва".

Черная сотня тѣмъ и страшна еврейству, что она въ стойкости не уступаетъ ему. Въ ней баринъ и босякъ охвачены однимъ чувствомъ—горячей любви къ родинѣ. Отдавать ее на потокъ и разграбленіе инородцамъ они не хотятъ. За русскими есть огромная нравственная сила—вѣра въ свою родину. И она не обманетъ ихъ.

Всѣ русскія партіи должны сплотиться, и не во имя какихъ нибудь политическихъ программъ, за нихъ онѣ будутъ бороться потомъ, а противъ одного общаго врага, который угрожаетъ Россіи,—и врагъ этотъ сепаратизмъ. Надо спасать прежде всего цѣлость государства, а потомъ уже думать о томъ, какъ лучше его устроить. Монархисты и конституціоналисты, всѣ, у кого бьется русское сердце въ груди, должны стать на защиту русскихъ интересовъ. Когда врагъ у воротъ, дѣлиться на партіи не время. А какъ велика опасность, надо спросить тѣхъ, кто живетъ на окраинахъ. Недаромъ г. Гессенъ сказалъ какъ-то, что вопросомъ объ автономіи противники кадетской партіи пользуются „играя на самыхъ низкихъ струнахъ человѣческаго сердца: они говорятъ, что автономія окраинъ—это путь къ разрушенію государственнаго единства Россіи". Да. г. Гессенъ не ошибся. Русскіе патріоты дѣйствительно играютъ на этихъ струнахъ. Разрушать Россію они не собираются, и всѣми силами будутъ бороться противъ этого. Но самыя ли это низкія струны человѣческаго сердца,—объ этомъ судить не господамъ Гессенамъ! Когда хотятъ сломать чей-нибудь домъ, то спрашиваютъ на это согласія хозяина, а не прохожихъ.

Не надо забывать, кто нашъ врагъ. На международномъ соціалистическомъ съѣздѣ въ Лондонѣ полякъ и соціалистъ Дашинскій сказалъ:

— Россію нужно разрушить; а на ея мѣстѣ должны возникнуть новыя соціалистическія организаціи.

Запомните это, русскія національныя партіи, запомните всѣ, какихъ бы убѣжденій вы ни были! „Россію надо разрушить"... Если вы не пойдете вмѣстѣ и не сплотитесь теперь же, если вы не соберетесь у одной хоругви, у русскаго національнаго знамени,—пусть эти зловѣщія слова не выходятъ у васъ изъ памяти. „Россію надо разрушить".

— И это, Русь, терпѣть ты можешь?—спрашиваютъ съ негодованіемъ черносотенцы.

— Молчите, рабы!—отвѣчаютъ имъ изъ другого лагеря.—Вы провалились съ вашимъ патріотизмомъ. Кого изъ васъ послали въ Думу? Мы—народные избранники, насъ послалъ народъ. Посмѣйте сказать, что это неправда!

— Правда,—сознаются черносотенцы.—Васъ дѣйствительно послалъ народъ, но только... обманутый вами народъ. Когда обманъ раскроется, вашему царству придетъ конецъ. И на бой кровавый, святой и правый, русскій народъ пойдетъ тогда не съ вами, а противъ васъ.

С. Смирнова.

НАША СВЯТАЯ ОБЯЗАННОСТЬ.

Будьте покорны Царю, какъ Верховной Власти: Бога бойтеся, Царя чтите! (I. Петр. 2. 17).

Удали неправеднаго отъ Царя и престолъ Его утвердится правдою (Прем. Сол. 25, 5).

Православные сыны Русской земли! Тяжелое, смутное время мы переживаемъ. Изболѣлось русское сердце, настрадалась душа. Нужно ли изображать вамъ все то зло, какое творится на Руси въ наши дни? Оно у всѣхъ на виду, оно всѣхъ насъ терзаетъ до того, что—мертвымъ приходится завидовать! Они не видятъ того, что видимъ мы, и мирно спятъ въ своихъ гробахъ...

Тяжела скорбь родной земли. Но каково же страданіе сердца нашего добраго, благочестиваго, любвеобильнаго Государя Императора? Въ Своихъ державныхъ заботахъ о дорогой Ему Россіи Онъ въ прошломъ году обратился къ своему народу съ манифестомъ, призывающимъ народъ избрать

„лучшихъ людей", которые пришли бы въ Его Думу Царскую и помогли бы Ему въ непосильныхъ для одного человѣка трудахъ управленія великой Имперіей. Но чѣмъ же мы отвѣтили на Его отеческій призывъ? Кого послали Ему въ совѣтники и помощники? О, какой позоръ, какое непростительное легкомысліе и преступное равнодушіе къ судьбамъ своего отечества, къ доброму призыву нашего Самодержавнаго Помазанника Божія!.. Мы попустили—о, конечно, мы сами не выбирали, мы только попустили—выбрать отъявленныхъ враговъ отечества и послать ихъ въ Царскую Думу... И сколько же скорбей эти якобы „лучшіе люди", эти, сказать прямо—измѣнники, сколько они нанесли скорбей сердцу Царскому и всей нашей дорогой матери—Россіи! Они не захотѣли въ своемъ отвѣтѣ на царскую рѣчь даже Имя Божіе упомянуть; они кричали царскимъ министрамъ: „вонъ! долой!"; называли ихъ палачами; требовали освобожденія всѣхъ измѣнниковъ, убійцъ и смутьяновъ, заключенныхъ по тюрьмамъ; они открыто призывали къ измѣнѣ Царю, потомъ, когда ихъ сборище волею Царскою было распущено, они напечатали воззваніе, въ коемъ приглашали народъ не платить податей, не давать новобранцевъ, не слушаться властей... Слава Богу: никто не послушался этихъ безумцевъ: и подати платятъ Русскіе люди, и новобранцевъ поставили, сколько слѣдуетъ. Слава Богу: просыпается простой Русскій народъ, начинаетъ понимать, кто такіе эти мнимые благодѣтели народа, что это—враги и измѣнники. Объединяются Русскіе люди въ союзы и содружества, чтобъ дать отпоръ этимъ врагамъ и злодѣямъ. Вѣдайте же вы, простые деревенскіе труженики-крестьяне и рабочіе, что если вы всѣ единодушно, единомысленно по всей матушкѣ Россіи выберете истинно-православныхъ, благочестивыхъ, разумныхъ, понимающихъ дѣло, словомъ,—какъ Царь говоритъ,—„лучшихъ людей", сначала въ выборщики, а потомъ и въ самую Думу, то будетъ огромное большинство голосовъ на вашей сторонѣ, и ваши избранники будутъ въ состояніи направить всѣ дѣла въ Думѣ такъ, какъ говоритъ совѣсть народная, какъ думаетъ настоящій Русскій человѣкъ, а не такъ, какъ хочется разнымъ инородцамъ, особенно Іудеямъ—исконнымъ врагамъ Церкви Христовой, и ихъ приспѣшникамъ—русскимъ измѣнникамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что на Святой Руси много найдется

именно такихъ людей, какіе Царю нужны. Но, безъ сомнѣнія не мало и такихъ, отъ коихъ да избавитъ Богъ и Царя нашего и Русь Православную. Люди искренно Царю преданные, всегда скромны и смиренны: они сами не станутъ напрашиваться на столь высокое дѣло. А люди недостойные пустятъ въ дѣло всѣ свои хитрости, всѣ средства, чтобы попасть въ члены Думы Государевой. Они вѣдь не гнушаются для этой цѣли и нечистыхъ средствъ: не жалѣютъ денегъ на покупы, платятъ газетамъ, чтобъ тѣ ихъ хвалили, всюду находятъ себѣ приверженцевъ, которые всѣ мѣры употребляютъ, чтобъ этихъ недостойныхъ людей въ Государственную Думу провести. Особенно надо беречься людей, чуждыхъ намъ по вѣрѣ и по крови: къ стыду и позору нашему, ихъ много было въ распущенной Государемъ Думѣ: они тамъ всѣмъ и руководили; если они и опять попадутъ въ Царскую Думу, то—не станемъ себя обманывать—они будутъ не о нашихъ нуждахъ и пользѣ заботиться, а только о своихъ. Что имъ за дѣло до православныхъ Русскихъ людей? Было бы имъ хорошо. Святая Русь для нихъ не есть мать родная, *святая* Русь, а просто чужая страна, гдѣ имъ пока живется хорошо, дотолѣ они и живутъ, а плохо будетъ жить у насъ—они уйдутъ куда нибудь въ заморскія страны, напримѣръ, въ Америку. Такіе люди уже себя показали и предъ послѣдней войной: сколько ихъ покинуло Россію нашу и переселилось въ Америку! Вотъ отъ такихъ то избранниковъ и надобно всячески беречь Думу Государеву. Пусть выбираютъ ихъ—ихъ же сородичи, но отнюдь—не мы. Есть у насъ на Руси и свои, Русскіе по крови, но не Русскіе по духу люди. Они мечтаютъ ограничить власть Царскую, захватить ее въ свои руки нечистыя, сдѣлать такъ, чтобы Царь только подписывалъ то, что они выдумаютъ и положатъ на своемъ незаконномъ совѣтѣ. Хитрые и лукавые, они умѣютъ вкрадываться въ чужую душу, умѣютъ входить въ довѣріе къ людямъ простымъ и добрымъ, умѣютъ прикрывать свои замыслы повидимому хорошими словами. Сначала они называли себя конституціонно-демократами (для краткости ихъ прозвали „кадетами"), а когда увидали, что такое мудреное названіе простому человѣку и непонятно, и трудно, стали себя величать партіей „Народной Свободы". Осрамились они подъ этою кличкой,—придумали новую—„партія мирнаго обновленія".

не такъ, какъ въ прошломъ году, а такъ какъ намъ совѣсть и присяга велятъ. „Положеніе“ о Думѣ даетъ намъ право выбирать по совѣсти членовъ Думы; вотъ и воспользуемся этимъ правомъ: вѣдь это даже не право, а скорѣе *обязанность*, долгъ нашъ предъ Царемъ и предъ родною землей —послать Царю самыхъ лучшихъ, какихъ только Онъ и желаетъ Себѣ, избранниковъ отъ народа. Не исполнили мы этого долга по совѣсти въ прошломъ году,—исполнимъ его теперь. Теперь же, не отлагая, строго обдумаемъ и посовѣтуемся: кто поистинѣ заслуживаетъ такой высокой чести; намѣтимъ такихъ истинно-Русскихъ, православныхъ людей заранѣе и когда придетъ часъ выбора,—не полѣнимся *всѣ до единаго*, кто только имѣетъ право участвовать въ выборѣ —всѣ до единаго, ибо и одинъ голосъ можетъ имѣть рѣшающее значеніе, соберемся, куда будетъ указано, и всѣ единомысленно, единогласно будемъ подавать голосъ только за намѣченныхъ нами истинно-Русскихъ и истинно-православныхъ людей. Слышите, что говоритъ слово Божіе: *отдѣли примѣсь отъ серебра, и выйдетъ у серебренника сосудъ; удали неправеднаго отъ Царя, и престолъ его утвердится правдою* (Прем. Сол. 25, 4, 5).

Приступая къ выбору, помните, что вы дѣлаете великое дѣло, отъ котораго зависѣть будетъ счастье родной земли, а стало-быть и ваше.

Когда святымъ Апостоламъ надобно было избрать себѣ сотрудника въ благовѣстіи, они усердно помолились, прежде чѣмъ выбрать кандидатовъ. И Господь услышалъ ихъ молитву и жребіемъ указалъ имъ достойнаго человѣка. Такъ и вы, со страхомъ Божіимъ, съ молитвою, прося Божіей помощи, чтобы не впасть въ ошибку, приступайте къ избранію членовъ Думы Государевой. Пусть іереи Божіи отслужатъ для васъ молебствія, пусть окропятъ васъ святою водой. Слово Божіе грозно говоритъ: *проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ!* Помните это страшное слово. Вы будете дѣлать дѣло Божіе, дѣло великое для вашей родины и сохрани васъ Богъ брать подарки или взятки, даже простое угощеніе отъ избираемыхъ! Не бойтесь насмѣшекъ отъ безбожниковъ и ихъ приспѣшниковъ; не робѣйте, если даже будутъ вамъ говорить, что все равно-де, ваше дѣло проиграно, что уже выбраны такіе-то и такіе-то люди, которые

Много ихъ развелось въ послѣднее время у насъ на Руси. Много шумѣли они въ городахъ, на разныхъ собраніяхъ, не мало производили смуты въ газетахъ, вошли въ тайное соглашеніе съ разными подпольными смутьянами, соціалистами, революціонерами и проникли, къ сожалѣнію, даже въ сѣрую деревню и на фабрики. Всего больше всѣ эти смутьяны соблазняютъ простыхъ людей самыми несбыточными обѣщаніями: крестьянамъ сулятъ прирѣзку земли за чужой счетъ, рабочимъ такой прибавки жалованья, которая лишаетъ честнаго хозяина возможности вести дѣло; всѣмъ какую то свободу, словомъ—земной рай. Объ одномъ только никогда не услышите отъ нихъ ни слова: о Церкви Божіей, о Законѣ Божіемъ, о Христовыхъ заповѣдяхъ, о христіанскихъ нашихъ обязанностяхъ. Мало того: болѣе откровенные изъ нихъ прямо говорятъ, что Закону Божію не слѣдуетъ и въ школахъ дѣтей обучать: это, говорятъ, будто бы стѣсняетъ свободу совѣсти. Не любятъ они и Церкви Божіей: рѣдко—рѣдко кто увидитъ ихъ въ храмѣ Божіемъ, да и то развѣ по какому-нибудь особенному случаю. А ужъ если человѣкъ не любитъ Церкви Божіей, если не живетъ по-божьи, по-христіански, если съ высока судитъ о всемъ, что дорого и священно для сердца Русскаго, какъ, напримѣръ, о Царскомъ Самодержавіи, о родныхъ нашихъ завѣтахъ, обычаяхъ и преданіяхъ,—если больше хвалитъ все чужое да иностранное, а свое родное больше бранитъ: такому человѣку и вѣрить не слѣдуетъ, не Русскій, не православный это человѣкъ, и надобно намъ, Русскимъ, православнымъ людямъ, подальше держаться отъ такихъ. А сколько ихъ было въ прошлогодней Думѣ! Какъ они шумѣли, какія возмутительныя, прямо безумныя рѣчи говорили! И вотъ, они-то и будутъ стараться всѣми мѣрами, чтобы опять въ Государственную Думу попасть. У нихъ есть свои на то замыслы, которые ясно обнаружились и въ прежней Думѣ: они надѣются все тамъ повернуть по своему, если ихъ окажется тамъ больше, чѣмъ православныхъ Русскихъ людей.

Берегитесь же ихъ, братья, не вѣрьте ихъ обѣщаніямъ, не поддавайтесь ихъ обману!

Спросите: что же намъ дѣлать, чтобы такіе люди снова не попали въ Царскую Думу?

Отвѣтъ простой; мы должны исполнить слово Царское

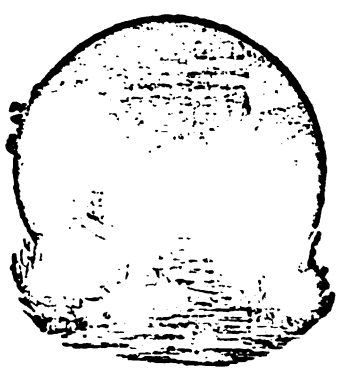
вамъ извѣстны, какъ ненадежные и недобрые. Знайте: такимъ именно способомъ безчестные смутьяны стараются перетянуть на свою сторону людей простодушныхъ. Угрозы ихъ и упрашиванья—первый признакъ ихъ обмана; если грозятъ или запугать стараются, то значитъ, силы у нихъ мало, потому что сильный врагъ обижаетъ безъ угрозъ. Насъ, православныхъ Русскихъ людей, Царю преданныхъ, несравненно больше, чѣмъ разныхъ безбожниковъ и смутьяновъ: ужели мы дадимъ себя имъ въ обманъ? Насъ несравненно больше, чѣмъ инородцевъ и неправославныхъ: надобно чтобы и въ Думѣ Государевой православные коренные Русскіе люди брали верхъ надъ всѣми инородцами и неправославными. Мы—дѣти своей страны, мы—хозяева, а они—только гости случайные пришельцы; нашею кровью, кровью нашихъ предковъ созидалась и устроилась она, наша родная Русь: мы ее должны оберегать отъ всего, что противно духу русскому, преданіямъ нашей родной старины. Не бывать тому, чтобы люди чужіе, или хотя бы и свои, но отколовшіеся отъ родного народа, ставшіе ему чужими по духу, по вѣрѣ,—не бывать тому, чтобы они у насъ на Руси брали верхъ надъ исконно-Русскими и истинно-православными людьми! У насъ и Царь родной, истинно-православный и воистину благочестивѣйшій Царь: пусть же и Русь вся живетъ законами русскими, по родному завѣтному старому преданію, въ единеніи Царя съ народомъ и народа—со своимъ возлюбленнымъ Божіимъ Помазанникомъ—Царемъ. И это будетъ, несомнѣнно будетъ, если только православные Русскіе люди тѣсно объединятся вокругъ своего Царя, если не дадутъ перевѣса иноплеменникамъ и своимъ тайнымъ измѣнникамъ, если въ Думу Государственную будутъ избирать по совѣсти, всѣ единодушно, только людей честныхъ, вѣрныхъ, истинно-православныхъ.

Помните, братья, что Богъ и Ангелъ хранитель каждаго изъ насъ будутъ видѣть не только ваши дѣла и слова, но и всѣ тайныя, сокровенныя помышленія ваши. Богъ взыщетъ съ васъ всѣ бѣды нашей родной земли, если вы изберете въ Думу Царскую людей недостойныхъ и неразумныхъ, людей въ Бога не вѣрующихъ и продажныхъ, потерявшихъ совѣсть и хвастливыхъ.

Не сумѣли мы въ прошломъ году порадовать нашего

добраго Царя Батюшку, не послали Ему „лучшихъ“ людей, какихъ Онъ отъ насъ ожидалъ,—порадуемъ Его теперь. Огорчили мы нашего Печальника—Божія Помазанника тогда: приложимъ же все наше стараніе, чтобы сего не случилось теперь. Онъ, Самодержецъ, Онъ, наша радость, ждетъ нашихъ избранниковъ, *лучшихъ* Русскихъ православныхъ людей, какъ отецъ любимыхъ дѣтей: порадуемъ же Его сердце многострадальное, пошлемъ Ему именно такихъ, какіе Ему нужны! Паки и паки напоминаемъ вамъ: тако глаголетъ Господь: *проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ!* Помните, что сказано въ Писаніи: *удали неправеднаго отъ Царя, и престолъ Его утвердится правдою* (Прем. Сол. 25, 4. 5). Да поможетъ намъ Господь въ этомъ святомъ дѣлѣ молитвами Матери Своей Пречистой и святыхъ угодниковъ—небесныхъ заступниковъ Русской земли! Да возрадуется Царь православный о народѣ Своемъ, и народъ, какъ чада новаго Сіона, да возрадуется о Царѣ своемъ! И да исполнится на насъ слово премудраго Царя Соломона: *въ свѣтломъ взорѣ Царя—жизнь, и благоволеніе Его—какъ облако съ поздними дождями.* (Притч. 16, 15).

НИКОНЪ, епископъ Вологодскій и Тотемскій.



РАЗГРОМЪ ОБЩИНЫ—УКАЗЪ 9 НОЯБРЯ.

Совершилось! Высочайшимъ Указомъ Сената отъ 9-го ноября завершился тотъ двухсотлѣтній періодъ насилій, которому положено начало Петромъ, и который волею судебъ долженъ былъ совершить полный свой циклъ разрушенія всего народнаго, чтобы дать мѣсто или новой творческой дѣятельности этого самаго народа, вслѣдствіе наступившаго просвѣтленія порушеннаго, но всегда могущаго быть возстановленнымъ и даже улучшеннымъ, идеала (такъ послѣ тоже двухсотлѣтней татарщины Русскій народъ, разслабѣвшій въ Кіевѣ и Владимірѣ, себя возсоздалъ въ Москвѣ), или чтобы низвести Россію, съ самобытнаго пути, на которомъ она могла и должна-бы быть равноправной со всѣми другими народами міра, на путь подражательный, на которомъ она осуждена будетъ идти во хвостѣ другихъ народовъ [1]), уже на многія поприща опередившихъ ее и, слѣдовательно, не догонимыхъ; тѣмъ болѣе, что другіе народы идутъ по своему пути, а мы пойдемъ по пути лишь жалкаго подражанія.

Петровское насажденіе принципа культурнаго насилія надъ народомъ, его обычаями и понятіями, какъ и подобало, раздѣлилось на два лагеря: одинъ, насилующій сверху, это —лагерь прямыхъ потомковъ, по закону получившихъ на-

---

[1]) Это то-же, что такъ называемое равноправіе женщинъ. Вмѣсто того, чтобы развивать свою женскую область и въ ней царствовать, женщины все болѣе и болѣе стараются получить равноправіе съ мужчинами въ той области, въ которой послѣдніе доселѣ господствовали. Въ одномъ дѣлѣ двухъ хозяевъ быть не можетъ: надо, чтобы женщины перестали быть таковыми, что едва-ли отъ нихъ зависитъ, или чтобы онѣ убѣдились, что, ставши на этотъ путь, онѣ лишь еще ярче докажутъ свою въ мужской области несостоятельность.

слѣдство Петрово; и они-то, послѣ двухсотлѣтняго искаженія Самодержавія въ абсолютизмъ, наконецъ, его уже и принципіально заклали 17 октября 1905 года, а теперь еще закономъ 9 ноября 1906 года окончательно добили, сломавъ (или попытавшись сломать) его единственный живой устой, заключавшійся въ крестьянствѣ, томъ особомъ мірѣ, который, сплоченный своими (впрочемъ уже сильно расшатанными тѣмъ-же—сверху—насиліемъ)—особымъ бытомъ и учрежденіями, кое-какъ отстаивалъ все Русское, съ Самодержавіемъ во главѣ, противъ натиска интеллигенціи вообще; а второй лагерь—по внѣшнему виду съ первымъ враждующій, бросающій даже въ него бомбы и пускающій пули изъ браунинговъ, но совершенно съ нимъ, въ конечныхъ цѣляхъ, солидарный. Лозунгъ той и другой фракціи одинъ: уничтожить все русское и да царствуетъ обще-міровая культура на его развалинахъ! Для однихъ—эта обще-міровая культура основана на доведенномъ до крайности принципѣ личности и собственности; а для другихъ—этотъ-же міровой принципъ выражается такъ: собственности личной нѣтъ, и сама личность (но такъ-же вполнѣ индивидуализированная, чрезъ уничтоженіе ея органической связи съ исторически сложившимися группами) обращается въ достояніе механически оборудованнаго всечеловѣчества. Для послѣдней партіи надо уничтожить всякую вообще живую группировку, а для первой—достаточно въ нашемъ общественномъ обиходѣ уничтожить только крестьянство, какъ единственный остатокъ русской самобытности; и прежде всего надо уничтожить общину, какъ мѣшающую чему-то другому, а вовсе не поднятію земельной культуры [1]). Это вѣдь пустая шутка: Ростовскіе огородники, всяческіе садоводы на общинной землѣ и даже очень искаженные представители общинности сектанты, удивляющіе отдаленныхъ Канадцевъ чудесами общинной культуры, которую сначала, эти самые Канадцы, вѣрные традиціямъ Европы, даже допускать у себя не хотѣли,—доказываютъ обратное.

Еще очень недавно, всего тому менѣе двухъ лѣтъ, наше правительство, не рѣшавшееся совершенно открыто стать на свойственную ему (по Петровскому завѣту) революціонную

[1]) Обычный аргументъ противо-общинниковъ. *Авт.*

почву, казалось наклоннымъ въ аграрномъ дѣлѣ проявить нѣкіе остатки допетровской консервативности и желало переговорить съ представителями крестьянства о его нуждахъ и о его-же пониманіи тѣхъ путей, которыми эти нужды могутъ быть удовлетворены [1]). Но это, видимо, былъ лишь послѣдній лучъ угасавшей, двѣсти лѣтъ тлѣвшей гдѣ-то въ царскихъ теремахъ, лампады; ей не суждено было возжечь свѣтъ на всю Россію; наоборотъ, тьма ее окончательно объяла, тьма революціоннаго, по всей „образованной“ Россіи разлившагося дурмана; и послѣднимъ плодомъ его явился Указъ 9 ноября, о характерѣ котораго, если-бы кто-нибудь хотѣлъ усумниться, то, вѣроятно, таковое сомнѣніе его сразу исчезло-бы, по прочтеніи на столбцахъ „Нов. Врем.“ (№ 11016), въ статьѣ, видимо писанной однимъ изъ авторовъ этого указа, такого оправданія законности подобнаго акта. „Такой-же ходъ аграрнаго развитія“, сказано тамъ, наблюдался и въ остальной Европѣ. Во Франціи общинныя земли были распредѣлены на участки личной собственности, въ силу декрета революціоннаго (sic) правительства 14 августа 1792 г., безъ сведенія черезполосныхъ участковъ къ однимъ мѣстамъ“. И да не подумаютъ читатели, что примѣръ Франціи есть одинъ изъ ряда подобныхъ насильственныхъ актовъ, совершенныхъ другими государствами въ лицѣ ихъ не-революціонныхъ правительствъ. Въ такомъ случаѣ очень ослабѣло-бы краснорѣчіе приведеннаго факта. Всѣ другіе декреты: Голштинскіе, Датскіе, Шведскіе, Норвежскіе, Прусскіе, упомянутые въ той-же статьѣ, относятся только къ разверстанію черезполосицъ и не касаются уничтоженія общинъ. Благодаря сотруднику „Новаго Времени“, мы теперь знаемъ, что насильственное уничтоженіе живаго строя народной жизни было декретировано лишь двумя правительствами—„революціоннымъ“ французскимъ въ 1792 г. и... (какое наименованіе приложить—недоумѣваемъ) Русскимъ 1906 г. 9 ноября! Sapienti sat!

Крестьянство, зиждущееся на общинѣ, такимъ образомъ, уничтожено, и не какой-нибудь бунтарской Думой, отъ

---

[1]) Въ маѣ 1905 года было торжественно оповѣщено крестьянству всей Россіи, чрезъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія объ укрѣпленіи крестьянскаго землевладѣнія, что крестьяне будутъ допрошены о своихъ поземельныхъ нуждахъ. (См. „Сельскій Вѣстникъ“ того времени). *Авт.*

которой всего можно ждать, но которая все-таки не договорилась до рѣшенія, тождественнаго съ рѣшеніемъ французскаго революціоннаго правительства 1792 г. Оно уничтожено правительствомъ, поправшимъ эту болтливую гидру.

Что-же? На мѣсто оной не возстало-ли хоть на 8 мѣсяцевъ думскихъ вакацій Самодержавіе? Увы, нѣтъ, а возсталъ тотъ-же революціонный Петровскій абсолютизмъ, который есть самъ-другъ революціоннаго парламентаризма. Это тѣ два полюса, между которыми качается маятникъ политической жизни Европы, и будетъ качаться, повидимому, и нашъ политическій маятникъ, начавшій свои качанія по европейски со дня, когда при „Великомъ" Петрѣ мы, по словамъ его панегириста, Ѳеофана Прокоповича, „къ политическимъ народамъ были присовокуплены".

Самодержавныя слабенькія нотки, дозвучавшія до освобожденія крестьянъ и до „попытки" неудавшагося созыва крестьянъ на совѣщанія по ихъ нуждамъ, въ маѣ 1905 г., теперь окончательно замерли. Самодержавіе, само давно не функціонировавшее вообще, какъ таковое, подъ вліяніемъ искусственно устроенной театральной грозы, откреклось отъ отъ себя 17 октября [1]). Но ужъ если себя убивать—такъ радикально—въ корень! Что составляетъ корень у насъ идеи (на практикѣ давно не дѣйствовавшаго) Самодержавія? Крестьянство! (ср. корресподенцію изъ Саратова въ „Новомъ Времени" отъ 15-го ноября). Не мужики въ ихъ личной отдѣльности, а крестьянство было основой нашего государственнаго зданія. Актомъ 9-го ноября мужики (крестьяне) оставлены; ихъ уничтожить сразу нельзя; но крестьянство уничтожено; а что крестьяне и крестьянство не одно и тоже, это явствуетъ изъ того, что, вѣдь, г.г. Аладьины, Жилкины и К° тоже крестьяне; но кто-же усомнится, что они вовсе не часть крестьянства, а только юридически къ крестьянству пристегнутые люди. Крестьянство можно получить въ Думу путемъ лишь жеребьевки, т.-е. путемъ, такъ сказать,

---

[1]) Трудно понять, почему почитатели акта, этимъ числомъ отмѣченнаго, не хотятъ вмѣстѣ съ болѣе послѣдовательными людьми чтить память „жертвъ освобожденія". Безъ нихъ мы-бы имѣли только актъ 6 августа. Имъ мы обязаны 17-мъ октября! Если вкусны плоды —какъ не чтить древа, принесшаго ихъ? Такъ намъ кажется; но можетъ-быть, мы тутъ чего-нибудь не домекаемъ! *Авт.*

„эманаціи“ изъ народной массы ея крѣпко другъ съ другомъ сплоченныхъ частей. Теперешніе-же крестьянскіе представители, добытые путемъ, крестьянству чуждымъ—формальной оцѣнкой будто-бы качествъ того или другаго лица—и дали „думскихъ“ мужичковъ.

Для насъ это каррикатура—и очень жуткая каррикатура крестьянства: но къ обращенію всего крестьянства въ таковыхъ именно мужичковъ стремится революціонный геній, создавшій Указъ 9 ноября и полагающій въ „сознательномъ земледѣльцѣ“ тотъ идеальный типъ, которымъ долженъ быть замѣненъ отжившій свой вѣкъ крестьянинъ-общинникъ.

На это, конечно, скажутъ апологеты указа 9-го ноября: „да развѣ во всей Россіи крестьяне—общинники?! Гдѣ они на Югѣ и на Западѣ? Да и къ тому-же указъ не уничтожаетъ насильственно общину,—онъ только высвобождаетъ отъ ея гнета и т. д.“, то самое, однимъ словомъ, что мы слышимъ отъ представителей культуры и правительственной, и крамольной за послѣднія сорокъ лѣтъ. Конечно, въ Россіи, какъ географическомъ понятіи, есть много крестьянъ не общинниковъ; но суть Россіи, ея основа—Велико-Русь: именно онъ-то и держится твердо за общинное начало и насаждаетъ его вездѣ (до Канады), гдѣ ему предоставляется свобода дѣйствій. Мы знаемъ, что въ Канадѣ духоборы выдержали цѣлую войну за право сохранить общину, и знаемъ, какіе получаются тамъ отъ нея плоды. Знаемъ мы тоже, конечно, что въ современной Россіи община находится въ очень жалкомъ положеніи. Но кому-же неизвѣстно, что ея непорядки суть плоды, съ одной стороны, постоянной, непрошенной растлѣвающей опеки правительственной [1]), а съ другой—крамольнаго (sic) противодѣйствія столь необходимому и искони сильно у насъ процвѣтавшему колонизатор-

[1]) Это признано даже С. Ю. Витте, извѣстнымъ анти-общинникомъ, въ „Запискѣ“ по крестьянскому дѣлу, представленной имъ въ Особое Совѣщаніе, коего онъ былъ предсѣдателемъ, и которое было замѣнено тоже Особымъ Совѣщаніемъ, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина, для спасенія нынѣ убитаго тѣмъ-же правительствомъ, но подъ другимъ руководствомъ, крестьянства. Надо сказать, однако, что если и было намѣреніе у Государя спасти крестьянство, то едвали-бы этого достигли чрезъ г.г. Горемыкина и Стишинскаго, показавшихъ себя въ проектѣ о поземельномъ устройствѣ, представленномъ въ Думу, родными отцами Указа 9 ноября. *Авт.*

скому духу народа, благодаря которому, а вовсе не правительственному почину, Россія растянулась отъ Финскихъ хладныхъ скалъ до Колхиды, и отъ потрясеннаго Кремля достѣнъ недвижнаго Китая [1]). Но искаженныя и искалѣченныя и община, и Самодержавіе, пока не сломали первой указомъ 9 ноября и не отреклись отъ втораго 17 октября 1905 года, были легко возстановимы. Послѣднее легче возстановимо, ибо оно—идея, принципъ, но первое есть осязаемая дѣйствительность, а таковая, разъ расхищенная, трудно возстановима.

Конечно, сильный подъемъ духа можетъ выручать и въ самомъ трудномъ положеніи. Когда новый законъ тирански вводитъ обязательное разчлененіе общинной собственности, помимо воли владѣльцевъ, въ общинахъ, въ которыхъ передѣловъ не было 24 (почему?) года (это между прочимъ изобрѣтеніе г.г. Стишинскаго и Горемыкина, перешедшее по наслѣдству г.г. князю Васильчикову, Риттиху, Гурко и К° и „ему-же честь, честь"!), то еще „on peut revenir la dessus"—это отмѣнимо. Но когда каждый отдѣльный пропойца или спекуляторъ изъ членовъ общины, можетъ, получивши свою часть, сбѣгать въ городъ и продать свой участокъ кому угодно (нигдѣ не сказано, что сохраненъ законъ 1893 г. о неотчуждаемости крестьянской земли, иначе, какъ крестьянамъ-же, надо думать, что онъ предполагается упраздненнымъ), даже не увѣдомивъ своихъ односельчанъ, то противъ такого расхищенія, сознательно облегченнаго упрощеннымъ нотаріальнымъ порядкомъ, никакой подъемъ духа не поможетъ.

По общимъ законамъ, при совмѣстномъ владѣніи соучастники имѣютъ преимущественное право покупки участковъ, продаваемыхъ совладѣльцами, и всегда имѣютъ право выкупа въ случаѣ непредложенія имъ купить продаваемую часть. Въ Указѣ 9 ноября нѣтъ объ этомъ и помину. Но зато очень обстоятельно сказано, что если кто изъ крестьянъ владѣетъ землею въ количествѣ, превышающемъ то, на ко-

---

[1]) Народныя завоеванія были цѣлесообразны, но правительственныя не всегда таковы. Послѣднимъ мы обязаны Финляндіей, Польшей и Ляодунскимъ полуостровомъ. Сибирь и Средняя Азія захватывались самимъ народомъ, оттого и исполнители этого завоевательнаго народнаго движенія—народные герои Ермакъ, ген. Черняевъ.

торое онъ имѣетъ право, то онъ можетъ эту землю оставить за собою по первоначальной, 1861 г., оцѣнкѣ, т.-е. около 30 р. за десятину. Въ то-же время съ мѣста онъ эту-же землю можетъ продать тому-же обществу или постороннему за сотни рублей. Такое систематическое ограбленіе общества для сугубаго уловленія отдѣльныхъ лицъ къ упраздненію „цѣпей, налагаемыхъ общиной", вызываетъ развѣ только неудержимое желаніе закричать—караулъ! Но этого дѣлать не стоитъ, потому что уже поздно. На выручку придти некому. Само правительство не можетъ отмѣнить, изъ чувства собственнаго достоинства, только что изданное имъ положеніе, а при дѣйствіи его—каждое крестьянское общество можетъ ежедневно узнавать, что столько-то участковъ продано на сторону. „Не отмежеванные къ одному мѣсту участки никто-де, не купитъ", скажутъ намъ! Безпокоиться объ этомъ нечего: покупщики найдутся—изъ интеллигентовъ особенно; а эти господа, конечно, явятся покупателями не для агрономическихъ цѣлей, а для „культурнаго воздѣйствія на односельчанъ". Не такъ давно одинъ губернаторъ былъ удаленъ отъ должности за изданіе циркуляра, облегчавшаго сближеніе агитаторовъ-интеллигентовъ съ народомъ. Теперь этотъ циркуляръ обращенъ въ законъ, да еще въ какой?!—Сугубо-ядовитый. Если-бы не жаль было всего Русскаго народа, отданнаго на расхищеніе и развращеніе какому угодно третьему элементу, то можно-бы воскликнуть: Жаль,—повидимому, невинно пострадавшаго губернатора!

Настоящая наша статья, своего рода: „На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона", можетъ принять слишкомъ большіе размѣры, если пуститься въ изобличеніе всего, что въ Указѣ 9 ноября намъ кажется „неудобоносимымъ". Посему заключимъ нашъ плачъ о стрясшейся бѣдѣ назидательной для насъ выпиской иностранной газеты. Journal de Geneve (Mardi 27), разсуждая объ американскихъ властителяхъ-милліардерахъ, нынѣ нарвавшихся на судебное преслѣдованіе, говоритъ: „надо признаться, что плутократы (для насъ требуется варіантъ: интеллигенты-бюрократы, нынѣ властвующіе) Новаго Свѣта понимаютъ гражданство своеобразно, но очень жалкимъ образомъ и соперничаютъ съ анархистами—минусъ бомбы".

„На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внегда помянути намъ Сіона". Нашимъ Сіономъ были Самодержавіе и свобода огражденнаго отъ вторженій народнаго быта, и надъ ними намъ теперь остается, повидимому, тоже—только плакать, всегда помянути ихъ [1]).

Д. Х.

[1]) Любопытно, для характеристики современныхъ нашихъ властителей, привести слѣдующую справку: „Отмѣнить порто-франко во Владивостокѣ нельзя безъ Думы",—такъ изрекъ г. министръ Торговли. „Отмѣняется безъ всякой Думы самая основа быта милліоновъ Русскихъ людей"—повелѣваетъ Совѣтъ Министровъ. Но добавимъ къ этому: порто-франко можно, гдѣ угодно, вводить и упразднять безъ особыхъ послѣдствій, но расхищенную крестьянскую землю изъ цѣпкихъ рукъ интеллигентовъ, кулаковъ, а, можетъ-быть, и евреевъ (если будетъ угодно г. Столыпину и К°) уже не вернешь. Мы уже не говоримъ о пріятномъ положеніи деревень и селъ, которыя окажутся прошпигованными этими господами. Но, можетъ-быть, желательность ихъ присутствія для просвѣщенія народа, нѣкогда объявленная пострадавшимъ за это губернаторомъ, теперь является абсолютно несомнѣнной? Очень что-то скоро собраны эти доказательства желательности—и кѣмъ? Всей, конечно, властной и подвластной и власть ниспровергающей интеллигенціей, и послѣдней особенно. Если сія послѣдняя и взрываетъ представителей первыхъ категорій, то ея-же представители незримо засѣдаютъ съ первыми *Авт.*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ [1]).

Истекшій мѣсяцъ ознаменовался рядомъ возмутительныхъ злодѣяній на политической подкладкѣ. Въ Омскѣ убитъ генералъ Литвиновъ, въ Твери, на земскомъ собраніи, умерщвленъ графъ Игнатьевъ, при выходѣ изъ храма застрѣленъ петербургскій градоначальникъ Лауницъ, у себя на дому лишенъ жизни ген. прокуроръ Павловъ. Кромѣ того произведены покушенія—неудачное—на доктора Дубровина, предсѣдателя „Союза Русскаго Народа", и—закончившееся тяжелыми пораненіями—на священника Городцева, стойко боровшагося въ Тифлисѣ за русское дѣло.

Печать,—„выразительница и руководительница общественнаго мнѣнія", освобождена нынѣ отъ „сковывавшихъ мысль оковъ" и что же мы нынѣ читаемъ въ „прогрессивныхъ изданіяхъ" по поводу этихъ возмутительныхъ проявленій насилія и нетерпимости? Не ждите отъ нихъ горячаго слова осужденія, не ищите тутъ выраженій пламеннаго негодованія — „честные публицисты" только злорадствуютъ, оправдываютъ пролитіе крови, подстрекаютъ къ новымъ безумнымъ дѣяніямъ. „Освободители" ссылаются на заповѣдь „не убій" лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда эта ссылка не имѣетъ никакого смысла,—когда рѣчь идетъ о признанномъ законодательствами міра правѣ законной власти карать тяжкихъ преступниковъ смертной казнью. Ради спасенія звѣрей-убійцъ толкуютъ о гуманности, надѣваютъ на себя личину человѣколюбія, сердечной заботливости о спасеніи раскаявшагося грѣшника, объ исправленіи заблудшагося, вспоминаютъ о несчастныхъ семьяхъ, содрагаются при мысли о тяжкихъ душевныхъ страданіяхъ осужденнаго, знающаго что „заутра казнь"...

[1]) См. Мирный Трудъ за 1906 г. № 1—9.

Лицемѣры, почему этой самой проповѣди не обратите вы къ слѣпымъ орудіямъ, къ выполнителямъ заочныхъ приговоровъ таинственнаго самозваннаго судилища? Тамъ вѣдь нѣтъ провѣренныхъ обвиненій, тамъ нѣтъ защитника, тамъ подсудимому не предоставляется не только „послѣдняго“, но даже никакого слова. Гдѣ-то-кто-то рѣшилъ, что надо убрать неудобнаго человѣка и вотъ посылается „приговоръ“, исполненіе котораго жертва можетъ ждать цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы. А вѣдь и у нея есть семья, живущая ея трудами, есть любящія души, страдающія отъ сознанія смертельной опасности, которой ежеминутно подвергается дорогой человѣкъ. Вѣдь это ничѣмъ незаслуженная нравственная пытка, которой подвергаютъ ничѣмъ неповинныхъ людей.

Когда казнятъ преступника-убійцу, когда гибнетъ отъ меча правосудія подъемлющій мечъ злодѣй, то христіанинъ находитъ успокоеніе въ словахъ Апостола, назидающаго насъ въ томъ, что „начальникъ есть Божій слуга, *воздаятель* творящему злое: не всуе бо носитъ мечъ“. Но когда темное подполье прибѣгаетъ къ противозаконному дѣянію и частные люди отнимаютъ, по своему усмотрѣнію, невознаградимое достояніе своего ближняго—его жизнь, то наше чувство справедливости возмущается, а благоразуміе говоритъ, что эти звѣрскія проявленія самосуда неизбѣжно приведутъ къ такому же самосуду другихъ частныхъ лицъ надъ тѣми, кого они, правильно или неправильно, считаютъ виновниками общественныхъ бѣдствій и неслыханныхъ злодѣяній. Такимъ образомъ, политическія убійства, возведенныя въ систему, должны привести къ взаимному избіенію иномыслящихъ. Согласитесь, что ни одинъ дѣйствительно убѣжденный человѣкъ не измѣнитъ своимъ убѣжденіямъ даже передъ лицомъ смерти, ибо правда дороже жизни. Поэтому то гнусныя убійства никогда не могутъ достигнуть своей цѣли, ибо самоотверженные люди живутъ для Родины и, вмѣстѣ съ поэтомъ, готовы сказать: „о подвигѣ душа, о *высшемъ счастьѣ* молитъ: когда настанетъ часъ,—*погибнуть за нее*!“ При такомъ настроеніи не можетъ быть и рѣчи, что убійства очистятъ путь къ власти партіи, ихъ одобряющей: не на безумныхъ палачей, а на ихъ жертвы обращено народное состраданіе; мученики долга, вѣрные исполнители закона, а не презрѣнные убійцы всегда привлекаютъ благоговѣйное вни-

маніе всѣхъ трезвыхъ, уравновѣшенныхъ людей. Только прирожденные преступники могутъ ликовать, смакуя омерзительныя подробности подлыхъ убійствъ изъ-за-угла. Только душевно больные способны воображать, что наступитъ время, когда будутъ ставить памятники „освободительнымъ палачамъ“. Природа здороваго человѣчества не измѣнится и никогда злодѣйское умерщвленіе не будетъ признано доблестью. Памятника убійцѣ Карно нѣтъ въ республиканской Франціи, какъ нѣтъ памятника и убійцѣ Макъ-Кинлея въ демократической Америкѣ. Имена жертвъ помнитъ весь міръ, а мракъ забвенія уже окуталъ имена безумныхъ палачей.

Въ интересахъ истинной человѣчности необходимо единодушное осужденіе гнусныхъ убійствъ, какъ средства политической борьбы. Противниковъ надо убѣждать, надо разбивать ихъ доводы, надо опровергать ихъ доказательства, надо показывать свое умственное и нравственное превосходство, а не подчеркивать насиліями сознаніе своей духовной слабости и неспособности разумнымъ обоснованіемъ своихъ положеній и разоблаченій привлечь общественное сочувствіе на свою сторону. Конечно, кулакъ любого насильника можетъ повергнуть на землю любого ученаго-мыслителя, но развѣ отъ этого „способа“ „политическія убѣжденія“ насильника сдѣлаются справедливѣе и пріобрѣтутъ какую либо доказательность. Конечно, и ребенокъ можетъ умертвить бомбой самого крупнаго государственнаго и общественнаго дѣятеля, но все-таки его идеи, его теоріи всегда будутъ имѣть вѣсъ и значеніе, объединять его сторонниковъ и требовать отъ противниковъ разумныхъ возраженій. Не жалкіе истребители, а великіе побѣдители въ области мысли всегда были и будутъ духовными вождями человѣчества. Оно должно шагнуть на цѣлыя тысячелѣтія назадъ, чтобы преклонить колѣна передъ тѣми, кто всенародно исповѣдуетъ свое духовное убожество, свое умственное безсиліе, нравственную немощь и полное ничтожество. Была пора, когда насиліе считалось божествомъ, но эта пора миновала безвозвратно и уже народы древности возжигали фиміамъ на алтаряхъ богинь справедливости, закона и правды. Послѣ пришествія на землю Спасителя міра человѣчество уже не можетъ уподобиться грубымъ, первобытнымъ дикарямъ. Поэтому забрызганные кровью безумцы роютъ лишь яму своему собствен-

ному политическому ученію. Не по словамъ, а по дѣламъ заповѣдано намъ судить о другихъ. Кто-же можетъ оправдать хладнокровное убійство иномыслящаго, кромѣ безбожныхъ злодѣевъ? Развѣ можно повѣрить громкимъ словамъ о свободѣ, когда за несогласіе съ данной политической программой обрекаютъ на казнь! Когда за свободное исповѣданіе своихъ воззрѣній карають бомбой или отравленной пулей? Очевидно, что эти господа, добившись власти, задушатъ всякое проявленіе свободной мысли и водворятъ въ Россіи порядки мрачной памяти застѣнковъ: умолкнетъ тогда живое слово христіанскаго проповѣдника, затихнетъ рѣчь свободнаго научнаго мыслителя, ибо партія будетъ позволять говорить съ каѳедръ только своимъ, пропуская къ профессурѣ только своихъ ставленниковъ. Замретъ тогда и политическая жизнь, ибо развѣ возможно ожидать отъ запуганныхъ гражданъ, чтобъ они приняли участіе въ идейной борьбѣ съ новымъ правительствомъ, взявшимъ въ руки кормило властей благодаря убійствамъ, развѣ мыслимо словесное состязаніе съ людьми, возражающими браунингами и адскими машинами. Ясно, что обѣщанныя г. освободителями спокойствіе и порядокъ—уподобятъ Россію огромному кладбищу, гдѣ царятъ тишина и безмолвіе, но нѣтъ жизни.

Поэтому всѣ поклонники духа и свободы, всѣ дорожащіе личными убѣжденіями и воззрѣніями, должны прозрѣть грядущее рабство, возстать противъ тиранніи убійцъ и насильниковъ, раскрыть обществу его заблужденіе, сорвать личину съ обманщиковъ.

Близятся выборы въ Государственную Думу и эти великіе лгуны уже теперь снова предвкушаютъ побѣду, снова толкаютъ простодушнаго обывателя на совершенно невѣрные шаги. Говорятъ, что насилія прекратятся, когда власти попадетъ въ руки „кадетовъ“, но не объясняютъ, какимъ способомъ эти господа сдержатъ свои широковѣщательныя обѣщанія. Для насъ-же ясно, что будетъ одно изъ двухъ, или кадеты потоками крови, переполненіемъ тюремъ, гоненіями на „правыхъ“ и „товарищей“ истребятъ всякую „оппозицію“, или кадетское министерство полетитъ кувыркомъ передъ грозными проявленіями гнѣва народнаго, такъ какъ успѣхъ „кадетовъ“ возбудитъ честолюбіе у многихъ, заронивъ у нихъ мысль: „что удалось однимъ, можетъ удасться

и другимъ", если они пойдутъ тою-же кровавою дорогой. Уже теперь замѣчается крайнее огрубѣніе нравовъ, уже теперь жизнь человѣческая считается ничтожной цѣнностью, уже теперь чувства состраданія такъ притупились, что ежедневныя вѣсти объ убійствахъ не вызываютъ въ душѣ многихъ негодованія и обыватель испытываетъ нѣкоторое разочарованіе, когда въ „сегодняшней газетѣ никого не убили". Такъ создается общественное равнодушіе къ преступленію, подкрѣпляемое новомодными ученіями о „сверхчеловѣкѣ", коему все позволено. Нынче уже и дѣтишки-приготовишки воображаютъ себя героями-освободителями и утверждаютъ, что для нихъ нѣтъ ничего запретнаго.

Такъ неумѣлая политика правительства содѣйствуетъ развращенію общественному, потакая разнаго рода соблазнамъ и занимаясь истребленіемъ революціонныхъ „стрѣлочниковъ" при содѣйствіи „военно-полевыхъ судовъ". Это значитъ бить по оглоблямъ, а не по лошади. Естественно, что нашъ государственный возъ все глубже уходитъ въ революціонное болото и никакая Дума его оттуда не вытащитъ: въ лучшемъ случаѣ въ ней образуются три сплоченныя группы: правая, центръ и лѣвая. „Правая" находитъ, что мы зашли слишкомъ далеко по освободительному пути и надо сдѣлать нѣсколько шаговъ назадъ—къ законосовѣщательной Думѣ 6 августа или даже обѣщаніямъ 18 февраля. Желая пламенно преобразованій, правая все-таки, какъ крыловскій ракъ, „все пятится назадъ". Нашъ центръ—совершенно безпочвенные мечтатели, кабинетные политики, чуждые знанія дѣйствительной народной жизни, слѣпые подражатели западно-европейскихъ „конституцій", словно лебедь, рвутся въ облака. Зато „лѣвая"—жаждущая добычи, алчущая власти, своекорыстная и прожорливая щука, лѣзетъ въ мутную воду смуты.

Вотъ почему надо сказать откровенное, правдивое слово: Государственная Дума построена на пескѣ мечтаній и, какъ учрежденіе, несоотвѣтствующее русской дѣйствительности, не внесетъ успокоенія во внутреннюю жизнь нашего измученнаго Отечества. Для того чтобъ быть законодателемъ недостаточно получить неопредѣленное большинство избирательныхъ голосовъ. Вѣдь отъ этого не прибавится ни ума, ни

знаній, ни работоспособности, ни гражданскаго мужества. „Большинство“ не можетъ низвести всѣ дары Св. Духа на голову своего избранника, а безъ этого чуда онъ останется, по прежнему, или заурядным россійскимъ обывателемъ, немножко мечтательнымъ, немножко лѣнивымъ, говорливымъ и мало свѣдущимъ, или пронырливымъ политиканомъ, или инородцемъ, опредѣленно и ясно сознающимъ свои цѣли—ослабленіе Россіи и возвеличеніе своего собственнаго народа. Неужели трудно понять, что въ нашей разноплеменной, разношерстной Думѣ положительно нѣтъ, и быть не можетъ, главныхъ условій производительной работы коллегіальнаго учрежденія—единства состава и общности цѣли,—стремленія совмѣстными усиліями наилучше разрѣшить одну и туже задачу.

Всѣ русскіе люди единодушно осуждаютъ петербургскій бюрократизмъ, никто не желаетъ возвращенія къ порѣ произвола и усмотрѣнія, понимая неотложную необходимость удовлетворенія назрѣвшихъ потребностей, но благоразуміе воспрещаетъ намъ возлагать надежды на учрежденіе, по самому закону о выборахъ предназначенное играть роль сосредоточія всѣхъ силъ, враждебныхъ русскому народу и его святынямъ. Напечатанный въ этой-же книжкѣ докладъ В. М. Пуришкевича бессарабскому губернскому земскому собранію проливаетъ яркій свѣтъ на распредѣленіе выборщиковъ между уѣздами и съѣздами. Оказывается, что всюду элементы, наиболѣе „оппозиціонно“ настроенные, получаютъ перевѣсъ надъ болѣе спокойными: евреямъ и инородцамъ дано преимущество надъ русскими до такой степени, что, напримѣръ, въ 9 западныхъ губерніяхъ 14 милліоновъ русскаго населенія не могутъ имѣть своего „представителя“ въ Думѣ, если евреи, преобладающіе въ городахъ, стакнутся съ землевладѣльцами, почти исключительно поляками или литовцами, хотя по числу евреи и всѣ другіе инородцы едва превышаютъ 5 мил. человѣкъ. По послѣднимъ газетнымъ свѣдѣніямъ, между евреями и поляками въ Минской губ. уже составился „блокъ“, слѣдовательно ни одинъ „черносотенецъ“-русскій не пройдетъ на выборахъ. Надо ждать, что и въ другихъ губерніяхъ произойдутъ подобныя-же соглашенія, направленныя къ попранію насущныхъ интересовъ простого, вѣрнаго присягѣ и долгу русскаго люда.

Правда, поднимающій завѣсу докладъ г. Пуришкевича объясняетъ намъ „революціонный“ характеръ первой Думы, но зато онъ-же и предостерегаетъ насъ на счетъ второй: при подобномъ распредѣленіи въ общемъ получится приблизительно одинаковый результатъ. Вотъ почему „кадеты“, изолгавшіеся, изобличенные, забрызганные кровью, по прежнему питаютъ увѣренность, что власть будетъ у нихъ въ рукахъ. Дѣйствительно, мало надежды, чтобы Петербургъ внялъ ходатайству объ измѣненіи росписанія, возбужденному 16-го декабря 1906 года постановленіемъ бессарабскаго губернскаго земскаго собранія, послѣ заслушанія доклада г. Пуришкевича. На „просвѣщенномъ западѣ“ такія уловки при распредѣленіи избирательныхъ округовъ и числа посылаемыхъ ими депутатовъ уже давно вошли въ употребленіе и считаются какъ-бы неизбѣжнымъ спутникомъ парламентарнаго строя, воплощающаго „народовластіе“. На западѣ уже появились особые спеціалисты, которые простымъ перераспредѣленіемъ извѣстныхъ мѣстностей между избирательными округами могутъ повліять въ ту или иную сторону на исходъ выборовъ, а слѣдовательно и на составъ представительнаго учрежденія. Сознавая это и правительства удерживаютъ и создаютъ тамъ такое распредѣленіе округовъ и депутатовъ, какое для властвующей партіи является наиболѣе выгоднымъ.

У насъ-же правители поклонились Молоху парламентаризма, принесли на алтарь новому гнусному божеству народныя святыни, заразили общество ядомъ политиканства, но не прибѣгли къ выработаннымъ практикой конституціонныхъ странъ способамъ и пріемамъ борьбы за власть. Кадеты болѣе послѣдовательны: объявивъ себя парламентаристами, они пустили въ дѣло весь арсеналъ предвыборныхъ ухищреній и уловокъ, созданный западомъ. А такъ какъ парламентаризмъ выгоденъ только для политикановъ-бюрократовъ, то, при благосклонномъ участіи нашихъ бюрократовъ-сановниковъ, составители избирательнаго закона въ свою очередь прибѣгли къ испытаннымъ на томъ-же западѣ средствамъ ради облегченія насажденія у насъ налюбленнаго капиталистами строя. Эта печальная правда свидѣтельствуетъ, что наши чиновники хотятъ во что-бы то ни стало, извращая царскую волю, надѣть на русскій народъ ярмо

парламентаризма: Кадеты находятъ поддержку въ высшихъ слояхъ бюрократіи, во всѣхъ вѣдомствахъ, не исключая даже судебнаго. Становится все труднѣе добиться правды и нашъ народъ только по особой милости Божіей можетъ отстоять свое единеніе съ Царемъ, избавившись *безъ страшныхъ потрясеній* отъ упорно налагаемыхъ на него оковъ конституціонализма.

Н. Черниковъ.

„Живъ Богъ земли Русской".

(Въ память манифеста 9 іюня 1906 г.).

Живъ Господь Великій Вѣчный
Живъ Господь святой Руси,
Милосердьемъ безконечнымъ
Восхотѣлъ Онъ Русь спасти!

* * *

Восхотѣлъ, чтобъ Царь любимый
Разогналъ крамольныхъ слугъ.
И народъ бы нашъ родимый
Отдохнулъ отъ тяжкихъ мукъ.

* * *

На Руси чтобъ вѣчно жили
Вѣра въ Бога и Царя,
Чтобъ крамолой не сгубили
Славный духъ богатыря.

* * *

Богатырь Нашъ Царь державный,
Богатырь Народъ простой,
Что слились въ одномъ желаньи—
Блага Родинѣ святой!

* * *

Живъ Господь Великій Вѣчный
Живъ Господь Святой Руси,
Милосердьемъ безконечнымъ
Восхотѣлъ Онъ Русь спасти!

А. Чумаевская.

10 іюля 1906 г.

Библіографія.

С. Соболевскій, профессоръ Московскаго университета, „Судъ надъ Іисусомъ Христомъ съ точки зрѣнія исторіи и археологіи“ С.-П.Б. Монтвидъ, 1906.

Оживленію общаго интереса къ еврейству и несомнѣнному пробужденію религіознаго чувства, какъ нельзя болѣе кстати отвѣчаетъ небольшое изданіе, заглавіе котораго мы привели.

Въ основу этой работы, составленной со свойственной С. П. Соболевскому добросовѣстностью, положены соотвѣтствующіе труды профессоровъ Г. Э. Зенгера, А. П. Лопухина, Н. К. Маккавеевскаго, Ѳ. П. Арфаксадова, Талмудъ въ переводѣ Переферковича и др., не говоря уже о солидной учености самого автора въ области латинскаго и греческаго языковъ, которая даетъ себя знать во многихъ мѣстахъ названнаго наслѣдованія.

Трудъ его распадается на двѣ главы, изъ которыхъ первая разсматриваетъ вопросъ о судѣ надъ І. Христомъ съ точки зрѣнія исторіи и археологіи, а вторая посвящена вопросу о распятіи Христа по даннымъ археологіи.

Въ первой главѣ для насъ особенно интереснымъ является изложеніе теоріи уголовнаго процесса у евреевъ и примѣненіе ея на практикѣ въ судѣ надъ Іисусомъ Христомъ. Теорія эта, по словамъ автора, по тогдашнимъ временамъ была прекрасной и въ высокой степени гуманной. Тѣмъ съ большей яркостью выступаетъ вопіющее пристрастіе и нарушеніе правовыхъ нормъ, допущенное Синедріономъ по отношенію къ Іисусу Христу. На ряду съ этимъ выясняется во всей полнотѣ и смыслъ отвѣтовъ, которые даетъ Онъ на допросѣ своимъ мучителямъ и римскому прокуратору.

Для примѣра позволю себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ разбираемаго наслѣдованія.

Когда Спасителя привели къ первосвященнику Аннѣ, тотъ началъ допрашивать Его о Его ученикахъ и ученіи. „По еврейскому праву это было незаконно: уголовный процессъ возбуждался не представителемъ судебной власти, какъ у насъ, а только свидѣтелями; въ данномъ случаѣ этого не было. Христосъ отвѣчалъ ему: „Что спрашиваешь Меня? Спроси слышавшихъ, что Я говорилъ имъ"; этимъ Онъ указалъ имъ на незаконность такого допроса, на то, что должно спрашивать не подсудимаго, а свидѣтелей. Одинъ изъ слугъ Анны ударилъ Христа за этотъ отвѣтъ по щекѣ, находя его грубымъ. Христосъ опять выразилъ протестъ противъ этого, такъ какъ еврейскій законъ не только запрещалъ бить подсудимаго, а напротивъ, предоставлялъ ему полную свободу слова: „если Я сказалъ худо",—возразилъ Христосъ,—„покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня (стр. 12)?" Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ слѣдуетъ шагъ за шагомъ съ одинаковой подробностію за дѣйствіями и словами какъ Синедріона, такъ и Пилата и объясняетъ ихъ съ надлежащей полнотою и вразумительностью вплоть до погребенія Спасителя.

Во второй главѣ особенно интереснымъ является то мѣсто ея, гдѣ авторъ разбираетъ вопросъ о разногласіи между Евангелистами касательно часа, въ которомъ Христосъ былъ распятъ, и разрѣшаетъ его вполнѣ удовлетворительно, доказывая, что евангелисты опредѣляютъ время *„приблизительно"*.

Очень цѣнными являются разбросанныя С. П. Соболевскимъ различныя замѣчанія грамматическаго свойства, поясняющія смыслъ различныхъ мѣстъ евангельскаго текста. Превосходное знаніе греческаго языка даетъ автору возможность внести нѣсколько интересныхъ поправокъ въ общепринятый переводъ Евангелія на русскій языкъ. Такъ, вопросъ первосвященника въ Евангеліи отъ Матѳея (гл. XXVI, 62) обращенный къ Христу, передается у насъ обыкновенно такъ: „что Ты ничего не отвѣчаешь? что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ?"

Какъ извѣстно, лучшіе въ настоящее время знатоки новозавѣтнаго языка, Блассъ и Шмидель, расходятся въ толкованіи этого мѣста. По моему мнѣнію, оно совершенно правильно понято и истолковано московскимъ ученымъ, кото-

рый переводитъ его такъ: „Ты не отвѣчаешь ничего на то, что они свидѣтельствуютъ противъ Тебя“? (стр. 13—14). Вотъ другой, еще болѣе интересный, примѣръ. Въ русскомъ переводѣ Евангелія отъ Луки объ Іосифѣ сказано: „не участвовавшій въ совѣтѣ и дѣлѣ ихъ“ (XXIII, 51). Оказывается, что правильный переводъ этого мѣста будетъ таковъ: „онъ не былъ согласенъ съ рѣшеніемъ и образомъ дѣйствія ихъ“. Стало быть, здѣсь содержится большая похвала Іосифу, такъ какъ онъ не только не уклонился отъ участія въ засѣданіи синедріона, но и подалъ голосъ противъ осужденія Христа. Кстати здѣсь же С. П. Соболевскій замѣчаетъ, что названіе „благообразный“, которое придается Іосифу въ славянскомъ переводѣ Евангелія и въ церковномъ пѣснопѣніи, неправильно передаетъ соотвѣтствующее греческое прилагательное. Правда, слово это обыкновенно имѣетъ этотъ смыслъ, но въ позднѣйшемъ греческомъ языкѣ оно значитъ „уважаемый“, „почтенный“, „богатый“. Несовсѣмъ точно употреблено и прилагательное „знаменитый“ въ русскомъ переводѣ даннаго мѣста Евангелія.

Я не ошибусь, если скажу, что тотъ, кто не полѣнится прочитать небольшую работу почтеннаго московскаго профессора, тотъ отъ души поблагодаритъ автора за его трудъ, написанный въ доступной формѣ, живо и талантливо и при томъ вполнѣ безпристрастно въ истинно научномъ духѣ.

Проф. **Я. Денисовъ.**

Н. Кровскій. „Снова передъ Думой“. Спб. 1906 г. Ц. 10 к.

Небольшая книжка живо рисуетъ намъ, въ видѣ картинки обывательской бесѣды въ общественномъ саду г. Пензы, настроеніе различныхъ слоевъ народа передъ новыми выборами. Предшествующіе выборы, несомнѣнно, научили многому рядовыхъ избирателей, которые поняли, почему „своихъ людей коренныхъ, которымъ всѣ наши потребности, какъ свои собственныя, извѣстны, тѣхъ не выбрали, а галокъ, невѣдомо откуда налетѣвшихъ, въ Царскую Думу послали“. Прежде обыватели „на начальство все больше надѣялись. Дурныхъ людей получше, дескать, они знаютъ, не допустятъ. А хорошихъ людей Богъ выведетъ“, а потому уклонялись отъ выборовъ, разбивали свои голоса, тогда какъ

враги „дѣйствовали дружно“ и слабость свою покрывали наглостью, мошенничествомъ и подкупами, при благосклонномъ попустительствѣ начальства. Безыскуственный разсказъ г. Кровскаго воскрешаетъ въ памяти подробности избирательной борьбы и предостерегаетъ отъ повторенія ошибокъ, не обманывая радужными надеждами, ибо заранѣе можно сказать, что „кадеты“, „падѣвшіе на себя уже третью пикуру и назвавшіе себя партіей мирнаго обновленія“, приложатъ всѣ старанія, чтобъ вновь захватить Думу въ свои цѣпкія лапы. Они не пали духомъ и цинично твердятъ: „изъ нашихъ рукъ не вырветесь!“ Сплоченными рядами идутъ на св. Русь инородцы и собственные воры съ евреями во главѣ; многое уже захвачено и только дружное, страшное усиліе можетъ избавить русскій народъ отъ сѣтей искусно подготовленнаго рабства и окончательнаго разгрома былого могущества. Н. Кровскій видимо возлагаетъ надежду на объединеніе русскихъ людей въ „Союзъ Русскаго Народа“ и дай Богъ, чтобъ эти упованія не были обмануты!

Н. Сандерскій. „Государственная Дума“ разсказъ. Спб. 1906 г. Ц. 15 к. третье изданіе.

Въ предшествующей книжкѣ „Мирнаго Труда“ перепечатанъ разсказъ г. Н. Сандерскаго „Кабы землицы“, ярко воспроизводящій ту путаницу, какая народилась въ головахъ простого люда благодаря „освободительнымъ вѣяніямъ“. Наблюдательный и хорошо знающій деревенскую среду авторъ, видимо, задумалъ сдѣлаться бытописателемъ послѣднихъ событій и впечатлѣній, производимыхъ ими на крестьянство: вышедшая недавно уже третьимъ изданіемъ книжка „Государственная Дума“ изображаетъ намъ картины „Отъѣзда“, „Возвращенія“ и „Допроса“ члена Государственной Думы отъ крестьянъ, равно какъ даетъ приговоръ, произнесенный надъ нимъ послѣ отчета міру о дѣятельности Государственной Думы. Главной частью книжки является разсказъ о думскихъ засѣданіяхъ вернувшагося въ родную деревню разжалованнаго крестьянскаго избранника. Слушая его безхитростныя рѣчи міръ глубоко возмущается тѣмъ, что „Царю, хотѣвшему крестьянству помочь, даже не отдали „земного поклона“; старики недоумѣваютъ, какъ могли иноплеменные люди попасть въ „Совѣтъ

Царскій", когда „на счетъ устройства земли Русской Царь народъ зазывалъ, на счетъ „Вѣры православной". Выборный объясняетъ „обманомъ" захватъ „жидами" преобладанія въ Думѣ: „первое самое мѣсто жиды занимали: либо самъ жидъ, или на жидовкѣ женатъ, или съ жидами вродѣ какъ кумовья. Глядѣть, по обличію, будто-бы и русскій, а душа-то у него жидовская. Такъ всю и думу-то въ столицѣ прозывали—жидовская она, въ народѣ говорили". На посылкахъ у евреевъ были, по словамъ разсказчика, „горлопаны": „жиды противъ Царя пошли, потому что имъ отъ него запретъ вышелъ на русской землѣ, къ крестьянамъ селиться". Вотъ они велятъ горлопанамъ кричать: „Свободу подай". А свобода по ихъ понятію на то и нужна, чтобы свободно жидамъ по всей русской землѣ жить". Помогали жидамъ и земскіе крамольники—кадеты; двое изъ ихней шайки къ убійству Царя Мученика, царство ему небесное, причастны". „И всѣ они съ жидами за одно. Жиды норовятъ, чтобы простой народъ имъ грабить можно было, крестьянство закабалить: а земскіе грабители, кадеты, власть желаютъ надъ Царемъ забрать, чтобы *имъ* значитъ, народъ, а не Царю подчинялся, да чтобы казна царская въ рукахъ ихнихъ была". Жиды горлопанамъ приказали: „вы, сказали, жгите, отъ помѣщиковъ землю отберемъ и въ казну ее возьмемъ, а потомъ, стало быть, каждый можетъ ее брать, кто только хочетъ. Про себя, стало быть, они заботились. Какъ свободы жиды себѣ добьются, такъ землю изъ казны и потащутъ. Набольшій жидовскій, Герценштейнъ, такъ министру и грозилъ: „иллюминацію, говоритъ, изъ барскихъ хоромъ сдѣлаемъ". „Трудовиковъ" жиды по всѣмъ мѣстамъ въ крестьянство разсылали: на поджогъ, стало быть, звать: какъ гдѣ зажгутъ, а жиды то въ Думѣ смѣются, промежъ себя потихоньку и говорятъ: „скоро земля вся наша будетъ"... Сошлись жиды съ земскими, съ кадетами и заодно, значитъ, противъ Царя пошли. Одни безъ другихъ не въ силахъ сладить, а вмѣстѣ то одолѣть могутъ. А на затравку горлопановъ взяли. Тѣ затявкаютъ, а большіе псы поддерживаютъ, а жиды все сзади, сзади норовятъ министровъ укусить. Какъ заорутъ всѣ разомъ, такъ точно вѣдьмы на шабашѣ—министры то и бѣгутъ"...—Икону намъ русскіе люди прислали—такъ принять ее не хотѣли. Не надо, баютъ, ея".

„Отъ Царя въ Думу св. икона была поставлена, а передъ иконою лампада неугасимая—такъ жиды, а съ ними и кадеты... отъ лампады... цигарки закуривали"... Въ Думѣ срамъ одинъ. Жидовское, просто, сборище. До того дошли, что въ церковь не велѣли ходить... Жиды, стало быть, по субботамъ празднуютъ. Подстрекнули они профессоровъ, а тѣ и давай подговаривать: „давайте, дескать, воскресенье по боку, а субботу праздновать будемъ. Такъ и сдѣлали, въ церковь чтобы намъ ходить нельзя было"... „Когда жиды солдатъ нашихъ убиваютъ, чтобъ казнить убійцъ никто не смѣлъ. А когда жидовъ за то, что въ Бѣлостокѣ христіанъ бомбами загубили—въ крестный ходъ бросили, святыя иконы, да хоругви исковеркали—бить начнутъ, чтобъ народъ православный казнили".

Много такихъ рѣчей раздается теперь на крестьянскихъ сходахъ, открывая глаза простецамъ. Много людей уже поняло справедливость такой оцѣнки „народныхъ избранниковъ": ужъ одно слово, Родину свою продали, развѣ это люди? Готовы матушку нашу Россію и полякамъ и жидамъ и армянамъ и татарамъ всю подѣлить. Убійству потакаютъ. Отъ грабежа въ радость приходятъ. Развѣ съ такимъ народомъ дѣло вести можно? Постыдство одно. Довольно сказать, у жидовъ руки цѣлуютъ. Да еще въ министры лѣзутъ. Совсѣмъ, думали, министрами задѣлаются, да только, слава Богу, Царь думу то закрылъ. А то грабежъ такой пошелъ бы, что всю бы землю разворили".

Естественно, что особо сильное впечатлѣніе на крестьянъ производитъ сообщеніе на счетъ „землицы", на счетъ отобранія ея у помѣщиковъ, всѣхъ владѣльцевъ и даже міра; „жиды, сказываютъ, на счетъ отобранія земли въ казну хлопочутъ. Потому де какъ въ казну землю у мужиковъ отберутъ, тутъ сейчасъ жиды ее всю у чиновниковъ скупятъ и намъ же продавать станутъ". Старики рѣшительно осуждаютъ эту затѣю и высказываются за „слово Царское"—о прибавкѣ земли и всякомъ облегченіи уплаты за нее". Дѣдушка Макарычъ, обращаясь къ бывшему избраннику, произноситъ такой приговоръ: „Надо было-бы тебѣ, Иванъ, за міръ порадѣть, а ты въ крамолу сунулся. Царь намъ же помочь хотѣлъ, а ты противъ него пошелъ. И вина твоя великая. А наша вина еще горшая. Молодъ еще ты. Хоть

и смиренъ и въ худомъ ты незамѣченъ раньше былъ, а глупъ еще, потому ребята у тебя еще не женатые. Старика надо бы намъ къ Царю послать. А ты лихихъ людей еще не видывалъ и противъ нихъ устоять не смогъ"... Такимъ образомъ авторъ какъ бы даетъ оправдательный приговоръ неопытному пахарю, попавшему въ водоворотъ политической борьбы, гнусности которой, къ счастью, не развратили еще нашъ народъ. Крестьянскіе выборные, разъ они были подлинные землепашцы, дѣйствительно хотѣли поработать надъ разъясненіемъ народныхъ нуждъ, но будучи „людьми смирными, боялись ротъ разинуть". Поэтому то и одолѣли наглецы. Такъ всегда и будетъ въ странѣ, въ которой „хорошій человѣкъ своею волею на мірское дѣло не пойдетъ. Его силкомъ тащить надо". Наше правительство не считается съ особенностями русскаго человѣка, а нелѣпый избирательный законъ, разрушившій всѣ привычныя сочетанія и согнавшій въ одно мѣсто людей, совершенно чуждыхъ другъ другу, отдаетъ законодательство въ руки толпы. *Толпа же законодателемъ никогда не была и быть не можетъ.* Вотъ почему надо отложить надежды на Государственную Думу. Къ этому выводу пріидетъ всякій внимательный читатель книжки г. Сандерскаго. Невольно вспоминаются слова незабвеннаго Ѳ. М. Достоевскаго: „позовите сѣрые зипуны и спросите *ихъ самихъ* объ *ихъ* нуждахъ, о томъ, что *имъ* надо, и они скажутъ вамъ правду, и мы всѣ, въ первый разъ, можетъ быть услышимъ настоящую правду". Въ Государственной Думѣ, наоборотъ, отъ имени мужика говорили, оторванные отъ земли, не знающіе крестьянской жизни политиканы. И такъ будетъ всегда, пока не будетъ оставлена невѣрная въ самой основѣ мысль о „всенародномъ представительствѣ".

Я. Шило.

Отчетъ по приходу и расходу „Копѣйки Минина".[1]

По 1 января 1907 года въ распоряженіе редакціи „Мирнаго Труда" поступило на распространеніе и изданіе противореволюціонныхъ листковъ и книжекъ:

Ноября 27. Отъ Е. В. Неклюдовой (В. Бурлукъ) 5 руб., отъ гг. К. (Харьковъ) 1 руб., — 29. Отъ М. Д. (Харьк.) 3 р.

Декабря 1. Ежемѣсячная лепта вдовицы (Харьк.) 30 к., отъ 2-хъ маленькихъ монархистовъ (Харьковъ) 1 руб., — 10-го, отъ князя Н. С. Давыдова (Одесса) 6 руб.,—11-го, отъ Е. В. Задонской (Екатериновка) 8 руб., отъ Е. В. Неклюдовой (В. Бурлукъ) 4 руб. — 15-го, отъ княгини Е. Д. Шаховской (Пюхтица) 5 руб., — 20-го отъ г. С. (Харьковъ) 3 руб. — 21-го, отъ княгини О. А. Вадбольской (Екатериновка) 5 р., — 23-го, отъ О. А. Селюкъ (Черниговъ) 2 руб., — 28-го, отъ N черезъ М. Д. (Харьковъ) 10 руб., — 31-го, отъ П. П. Р. (Харьковъ) 35 руб. Всего 88 р. 30 к., а вмѣстѣ съ поступившими до 20 ноября **329 р. 58 к.**

По 1 января 1907 г. редакціей „Мирнаго Труда" израсходовано.

Отправлено листковъ и книжекъ: Ноября 30-го, въ Союзъ Русскаго Народа въ Оршѣ 10 руб.

Декабря 2-го, выдано гг. Б. и Л. для раздачи крестьянамъ Харьк. губ. 5 руб. 75 к., — 10-го, Ржищевской русской монархической партіи 5 руб. 60 коп., — 12-го, въ Мерефу крестьян. Д. Ѳ. 2 руб. 55 коп., — 15-го въ Новую Водолагу крестьян. П. А. 2 р. 55 к., роздано въ Харьковѣ разнымъ лицамъ 10 р. 40 к., — 31-го, 15 посылокъ (по указанію П. П. Р.) въ Курскую губ. 35 руб. Всего 71 руб. 85 к., а вмѣстѣ съ израсходованными по 20 ноября **323 р. 94 к.**

Принося жертвователямъ глубокую признательность за поддержку, редакція „Мирнаго Труда" *въ виду приближенія „выборной борьбы"* проситъ гг. подписчиковъ и читателей о содѣйствіи увеличенію притока матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для мирнаго отпора проповѣди революціоннаго насилія и для распространенія въ широкихъ слояхъ надлежащей ея оцѣнки, раскрывающей несостоятельность и преступность „освободительныхъ" посуловъ и замысловъ.

---

[1]) См. „Мирный Трудъ" № 9.

Спиеокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Мирный Трудъ“ по 1 января 1907 г.

Государственная измѣна. Петербургъ. 1906.

Де-Витте Е. Чему учатъ насъ поляки. Почаевъ. 1905.

Димитрій Епископъ Новомиргородскій. Значеніе Самодержавія въ исторіи и жизни Русскаго Народа. Изданіе „Союза Русскихъ людей“. Одесса. 1906.

Елишевъ А. И. „Красный пѣтухъ“. Рязань. 1906.

Іоаннъ Епископъ Смоленскій. Богословскія Академическія чтенія. Петербургъ. 1906.

К. Націонализмъ и религія Достоевскаго. Изданіе „Союза возрожденія Россіи“. Петербургъ. 1906.

Кровскій Н. Снова передъ Думой. Петербургъ 1906.

Кунцевичъ Л. З. Изложеніе и разборъ ученія соціализма. Петербургъ. 1906.

Муретовъ Д. Д. Самодержавіе и Парламентаризмъ. Ихъ идейное содержаніе. Петербургъ. 1906.

Подробный отчетъ о третьемъ Всероссійскомъ Съѣздѣ людей земли русской въ Кіевѣ. Москва. 1906.

По поводу предположеній о реформѣ избирательной системы для выборовъ въ Государственную Думу. Москва. 1906.

Ризположенскій Р. Въ защиту правъ Русскаго Народа. Выпускъ II-й. Казань. 1906.

Савеловъ Л. М. Дворянское сословіе въ его бытовомъ и общественномъ значеніи. Москва. 1906.

Сандерскій Н. Государственная Дума. Изданіе третье. Петербургъ. 1906.

Сборникъ чтеній по русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка. Изданіе Общ. ревнителей русск. истор. просвѣщенія въ память Императора Александра III. Петербургъ. 1907.

Сказка о Бѣломъ Царѣ, сынѣ Руси—богатырѣ и злой вѣдьмѣ—Революціи. Изданіе „Союза Русскихъ людей“. Одесса 1906.

Третій Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ людей въ Кіевѣ. Кіевъ. 1906.

Хомяковъ Алексѣй Степановичъ. Стихотворенія. Москва.

Храпаль И. Г. Русская правда. Кіевъ. 1906.

ческіе извѣты, что благо народа является высшимъ закономъ. Мы являемся, дабы снабдить съѣстными припасами и базары, дабы цѣны на хлѣбъ были равны во всей Республикѣ. Дѣло въ томъ, что самый чистый патріотизмъ (sic), не сомнѣвайтесь въ этомъ, угасаетъ, когда нѣтъ хлѣба... Сопротивленіе угнетенію, да, сопротивленіе угнетенію—это самая священная изъ обязанностей; но существуетъ-ли болѣе страшное угнетеніе, чѣмъ имѣть нужду въ хлѣбѣ? Нѣтъ, безъ сомнѣнія... Присоединяйтесь къ намъ и „все пойдетъ, все пойдетъ“: мы не можемъ лучше кончить это прошеніе, какъ этой патріотической пѣсенкой. „Покорнѣйшая просьба“ была написана на барабанѣ, въ серединѣ кружка изъ ружей; съ такимъ аккомпанементомъ она стоитъ приказа.

Они отлично это знаютъ и иногда, исходя изъ своей частной власти, ссылаются не только на право, но даже на документы. Въ Луарѣ и Шерѣ [1]) одна шайка въ 4000—5000 человѣкъ принимаетъ названіе „Верховной власти“. Они ходятъ съ одного рынка на другой, въ Сентъ-Кале, въ Мондубло, въ Блуа, въ Вандомъ, для того, чтобы устанавливать таксу на жизненные припасы, а ихъ толпа образуетъ все растущій снѣжный комъ; ибо они грозятъ „сжечь движимость и обратить въ пепелъ собственность тѣхъ, у кого не будетъ такой-же храбрости, какъ у нихъ“.

При такомъ состояніи общественнаго разложенія, мятежъ является гангреной, при которой здоровыя части заражены больными частями; скопища возникаютъ и возрождаются всюду безъ перерыва, большія и малыя, похожія на размножающіеся и снова возрождающіеся нарывы, которые кончаютъ тѣмъ, что соединяются и болѣзненно бередятъ другъ друга. Города поднимаются противъ деревень, а деревни—противъ городовъ. Съ одной стороны „всякій земледѣлецъ, который поставляетъ на рынокъ, признается (у себя) за аристократа [2]) и становится предметомъ отвращенія для своихъ согражданъ“

[1]) Archives nationales, F⁷, 3230. Письмо нѣкоего управляющаго Вандомскимъ (Vendôme) округомъ съ постановленіемъ Вандомской общины, 24 ноября 1792.

[2]) Archives nationales, F⁷, 3255. Письмо властей департамента Нижней Сены, 23 октября 1792. Письма особаго комитета въ Руанѣ, 22 и 23 октября 1792. „Кажется, что чѣмъ болѣе подстрекаютъ ревность и патріотизмъ земледѣльцевъ, тѣмъ болѣе они упорствуютъ, избѣгая базаровъ, которые постоянно лишены рѣшительно всего“.

по деревнѣ. Съ другой стороны, національная гвардія изъ городовъ разсыпается по деревнямъ и совершаетъ тамъ грабежи для того, чтобы не умереть отъ голода [1]). Въ деревняхъ признаютъ, что всякій муниципалитетъ имѣетъ право вести отдѣльное, замкнутое существованіе. Въ городахъ признаютъ, что всякій городъ имѣетъ право заставить деревни снабжать его продовольствіемъ. Бѣдные въ каждой общинѣ признаютъ, что община должна доставлять имъ хлѣбъ даромъ или по дешевой цѣнѣ. Вотъ почему камни сыпятся дождемъ и раздаются ружейные выстрѣлы: департаментъ у департамента, округъ у округа, волость у волости оспариваютъ другъ у друга пропитаніе и наиболѣе сильные захватываютъ или берегутъ его.

А я описывалъ только Сѣверъ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ урожай былъ хорошъ! А я умолчалъ о Югѣ, гдѣ передвиженіе по каналу Двухъ Морей прервано, гдѣ прокуроръ-синдикъ Авда чуть было не былъ убитъ за то, что хотѣлъ посодѣйствовать проходу одного обоза, гдѣ жатва была посредственной, гдѣ во многихъ мѣстахъ хлѣбъ стоитъ шесть су фунтъ, гдѣ почти во всѣхъ департаментахъ сетье хлѣба продается въ два раза дороже, чѣмъ на Сѣверѣ!

Зрѣлище странное и самое поучительное изъ всѣхъ, потому что здѣсь видна сущность человѣка. Словно на плоту потерпѣвшихъ крушеніе безъ съѣстныхъ припасовъ, онъ возвратился къ естественному состоянію, тонкая ткань привычекъ и разумныхъ идей, которой прикрыла его цивилизація, разорвана и развѣвается вокругъ него въ лохмотьяхъ; снова показались обнаженныя руки дикаря и онъ ими размахиваетъ. Для того, чтобы употребить ихъ въ дѣло и дѣйствовать, у него одинъ только совѣтникъ, это совѣтникъ первыхъ дней,—встревоженный инстинктъ страждущаго отъ голода желудка. Съ этихъ поръ вотъ что царитъ въ немъ и благодаря ему: животная потребность со своею свитою свирѣпыхъ и тупыхъ внушеній, то кровожадныхъ, то забавныхъ. Слабо-

[1]) Archives nationales, F⁷, 3265. Письмо земледѣльца Давида, 10 октября 1792.—Письма правительства департамента, 13 октября 1792, и проч.—Письмо (напечатанное) министра Конвенту, 4 ноября.—Объявленіе Предварительнаго Исполнительнаго Совѣта, 31 октября 1792. (Сетье зернового хлѣба вѣсомъ въ двѣсти сорокъ фунтовъ продается по 60 франковъ на Югѣ, и въ половину дешевле на Сѣверѣ.

умный и испуганный, онъ всегда похожъ на негритянскаго царька, политическими пріемами котораго служатъ только бойня и масляничныя представленія. Два уполномоченныхъ, посланныхъ въ Ліонъ Роланомъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ промежутокъ нѣсколькихъ дней могутъ видѣть масленицу и скотобойню [1]).

Съ одной стороны, на дорогѣ крестьяне задерживаютъ всѣхъ; въ каждомъ путешественникѣ народъ видитъ спасающагося бѣгствомъ аристократа, и тѣмъ хуже для тѣхъ, кто попадаетъ въ его руки! Близъ Отена были посажены въ тюрьму „для своей безопасности“ четыре священника, которые, желая повиноваться закону, отправлялись заграницу; четверть часа спустя они были вытащены оттуда и несмотря на тридцать два конныхъ стражника ихъ убили. „Ихъ экипажъ еще горѣлъ, когда я проходилъ, а трупы были распростерты недалеко оттуда. Ихъ проводникъ еще оставался задержаннымъ и мои хлопоты объ его освобожденіи были напрасны“. Съ другой стороны въ Ліонѣ въ теченіе трехъ дней власть готова была попасть въ руки уличныхъ дѣвокъ. „Онѣ овладѣли центральнымъ клубомъ; онѣ присвоили себѣ званіе полицейскихъ комиссаровъ; въ качествѣ таковыхъ онѣ подписывали объявленія; онѣ производили осмотры въ магазинахъ“; онѣ составили таксу на всѣ съѣстные припасы, начиная съ хлѣба и говядины „и кончая отборными и обыкновенными персиками“. Онѣ объявили, что всякій, кто осмѣлится противиться этой таксѣ, будетъ считаться предателемъ отечества, сторонникомъ гражданскаго листа (т. е. расходовъ на содержаніе конституціоннаго монарха) и будетъ подвергнутъ преслѣдованію какъ таковой“: все это было обнародовано, провозглашено и примѣнено „полицейскими комиссарами женскаго пола“, самой низкой грязью послѣднихъ подонковъ. Хорошихъ хозяекъ и работницъ здѣсь не было, а такъ-же и „рабочихъ какого-бы то ни было разряда“. Въ этой пародіи на администрацію единственными актерами были „бездѣльницы, сутенеры въ небольшомъ числѣ и нѣсколько женщинъ изъ черни“.

Вотъ къ чему привела диктатура распущеннаго инстинкта, тамъ—на большой дорогѣ, къ избіенію священни-

[1]) Archives nationales, F^7, 3255. Письма Боннемана 11-го октября 1792; Лосселя, 22 сентября 1792.

ковъ, здѣсь—во второмъ городѣ Франціи, къ правленію непотребныхъ женщинъ.

III.

Боязнь не имѣть хлѣба представляетъ собою не что иное, какъ острую форму болѣе общей страсти, которою является жажда обладать и желаніе не выпустить изъ своихъ рукъ. Ни одинъ народный инстинктъ при прежнемъ правленіи не затрогивался болѣе продолжительно, болѣе грубо, болѣе повсемѣстно; и нѣтъ ни одного, который-бы закипѣлъ ранѣе при принужденіи, ни одного, который для того, чтобы быть сдержаннымъ, требовалъ-бы болѣе высокой, болѣе прочной общественной плотины и при томъ во всѣхъ частяхъ цѣликомъ построенной изъ крѣпкихъ глыбъ. Вотъ почему съ самаго начала этотъ инстинктъ прорываетъ и затопляетъ слабую и низкую запруду, насыпи изъ рыхлой и осыпающейся земли, между которыми Конституція намѣревалась его запереть.

Первая волна смываетъ долговыя обязательства по отношенію къ Государству, духовенству и дворянству. Съ точки зрѣнія народа они погашены; по крайней мѣрѣ онъ выдаетъ себѣ расписку въ этомъ. Послѣ этого его представленіе создано и закрѣплено; для него именно въ этомъ состоитъ Революція. У него нѣтъ болѣе заимодавцевъ, онъ не желаетъ болѣе ихъ имѣть, онъ никому изъ нихъ не заплотитъ и прежде всего онъ не будетъ болѣе платить Государству.

Четырнадцатаго іюля 1790, въ день Федераціи, населеніе, торжественно созванное въ Иссудюнѣ въ Берри, готовилось дать надлежащую присягу, которая должна была навсегда утвердить всенародный миръ, общественное согласіе и уваженіе къ закону [1]). Вѣроятно, здѣсь, какъ въ другихъ

[1]) Archives nationales, II, 1453. Переписка г. де-Бершени (de-Bercheny), 28 іюля, 24 и 26 октября 1790.—Это настроеніе сказывалось постоянно. Послѣ іюльскихъ дней 1830 произошло большое возстаніе въ Иссудюнѣ противъ собиранія пошлинъ; отъ семи до восьми тысячъ владѣльцевъ виноградниковъ сожгли архивы, канцеляріи пошлинъ и таскали по улицамъ одного служащаго, заявляя всякому дававшему отпоръ: „Надо его повѣсить". Генералъ, посланный для подавленія мятежа, вступилъ въ городъ только послѣ сдачи его на опредѣленныхъ условіяхъ; въ тотъ моментъ, когда онъ прибылъ въ Городской

мѣстахъ, приготовили трогательную церемонію: были молодыя дѣвушки въ бѣломъ; образованныя и чувствительныя должностныя лица должны были произнести философическія рѣчи. Вдругъ они открываютъ, что народъ, собравшійся на площади, вооружился палками, косами и топорами и что національная гвардія не станетъ мѣшать ему воспользоваться ими; наоборотъ, потому что она такъ-же состоитъ почти вся цѣликомъ изъ владѣльцевъ виноградниковъ и людей, заинтересованныхъ въ отмѣнѣ пошлинъ на вино, бочаровъ, трактирщиковъ, кабатчиковъ, бондарей, возчиковъ бочекъ и другихъ, того-же сорта, грубыхъ ребятъ, которые понимаютъ общественный договоръ на свой ладъ. Вороха постановленій, рѣшеній и фразъ, которыя имъ изготовляютъ въ Парижѣ или которыя имъ преподносятъ новыя власти, не стоятъ ни одного су налога, удержаннаго на каждую бутылку вина. Нѣтъ болѣе правъ на сборы: они даютъ гражданскую присягу только при этомъ непремѣнномъ условіи, а вечеромъ они вѣшаютъ заочно своихъ двухъ депутатовъ, которые въ Національномъ Собраніи „не поддержали ихъ интересовъ“. Нѣсколько мѣсяцевъ позднѣе изъ всей національной гвардіи, созванной для защиты канцелярскихъ служителей, явились на призывъ только начальникъ ея и два офицера.

Если встрѣчается послушный плательщикъ, ему даже не позволяютъ платить пошлины; это представляется отпаденіемъ, почти измѣной. Когда были найдены три оплаченныхъ пошлиной бочки, то у нихъ вышибаютъ дно ударами кампей, часть вина изъ нихъ выпиваютъ, остальное несутъ въ казарму для того, чтобы сманить солдатъ; угрожаютъ коменданту Рояль-Руссильона, г. де-Созе (de-Sauzay), который имѣлъ смѣлость спасти канцелярскихъ служителей, и за это преступленіе онъ самъ едва не былъ повѣшенъ. На требованіе вмѣшаться и употребить силу муниципалитетъ отвѣчаетъ, „что изъ-за такихъ пустяковъ не стоитъ подвергать опасности жизнь гражданъ“, а линейныя войска, вытребованныя въ Городской домъ, вынуждены по приказанію народа идти туда только съ прикладами вверхъ. Пять дней спустя стекла въ канцеляріи пошлинъ выбиты, ярлыки изор-

домъ, одинъ человѣкъ предмѣстья Ромы вонзилъ ему въ шею свой большой рѣзакъ со словами: „Нѣтъ болѣе канцелярскихъ служителей или во-истину нѣтъ ничего“.

ваны; броженіе не прекращается и г. де-Созе пишетъ, что для удержанія города въ повиновеніи понадобится полкъ.

Въ Сентъ-Амандѣ мятежъ вспыхиваетъ совершенно внезапно, подавляется только силою. Въ Сентъ-Этьеннъ-анъ-Форе, канцелярскаго служителя по сбору пошлинъ Бертеа (Berthéas), сверхъ того ложно обвиненнаго въ томъ, что онъ скупалъ хлѣбъ [1]), безполезно защищала національная гвардія. По обычаю для того, чтобы спасти ему жизнь, его отвели въ тюрьму, а для большей вѣрности толпа затребовала, чтобы ему надѣли тамъ желѣзный ошейникъ. Но внезапно, одумавшись, толпа выбиваетъ двери, вытаскиваетъ его наружу и убиваетъ. Будучи распростертъ на землѣ, онъ двигалъ еще головою и подносилъ къ ней руку, когда одна женщина, поднявши большой камень, разбила ему черепъ.

Это вовсе не единичные случаи. Въ іюлѣ и въ августѣ мѣсяцѣ 1789 почти во всѣхъ городахъ королевства заставы были сожжены, а Національное Собраніе признало за лучшее приказать возстановить ихъ, сохранить пошлины и сборы, объяснить народу общественныя потребности, трогательно напомнить ему, что оно уже облегчило его отъ нихъ; народъ предпочитаетъ самъ себя облегчать отъ нихъ сразу и совершенно. Нѣтъ болѣе налоговъ на предметы потребленія ни въ пользу Государства, ни въ пользу городовъ. „Сборовъ ввозныхъ пошлинъ на вина и на скотину“, пишетъ Сентъ-Этьеннскій муниципалитетъ, „почти совсѣмъ нѣтъ никакихъ и нашихъ силъ недостаточно для того, чтобы настоять на ихъ взиманіи“.

Въ Камбре [2]) два послѣдовательныхъ мятежа заставили канцелярію по взиманію пошлинъ и городское управленіе уменьшить на половину налоговъ на пиво. Но „ало, ограниченное сначала однимъ угломъ провинціи, вскорѣ распространилось“; „въ настоящее время, пишутъ великіе бальи Лилля, Дуе и Орши, „у насъ почти нѣтъ болѣе канцелярій,

---

[1]) Archives nationales, F^7, 3203. Письмо Шерской директоріи, 9 апрѣля 1790.—Ib., F^7, 3255. Письмо 4 августа 1790.—Приговоръ президіальнаго суда, 4 ноября 1790.—Письмо Сентъ-Этьеннскаго муниципалитета, 5 августа 1790.

[2]) Archives nationales, F^7, 3248. Письмо г. Сенака де-Мельгана (Sénac de-Meilhan), 10-го апрѣля 1790.—Письмо великихъ бальи, 30-го іюня 1790.

которыя не терпѣли-бы оскорбленій, и гдѣ пошлина не зависѣла-бы рѣшительно отъ усмотрѣнія народа". Только тѣ и платятъ, кому это благоугодно; въ свою очередь „мошенничество не могло-бы быть большимъ, чѣмъ оно есть".

И дѣйствительно, плательщики проявляютъ изобрѣтательность въ защитѣ и отыскиваютъ доводы и хитрыя доказательства для того, чтобы избавить себя отъ пошлинъ. Въ Камбре они ссылались на то, что такъ какъ привиллегированные теперь платятъ, какъ другіе, то казна должна быть достаточно богатой [1]). Въ Нойонѣ, Гамѣ, Шани и во всѣхъ окрестныхъ приходахъ мясники, кабатчики и трактирщики, составили союзъ, отказались отъ взноса налога, устанавливаютъ различія между особымъ постановленіемъ, которымъ Собраніе утвердило пошлины, и закономъ, и нужно было издать второе особливое постановленіе для того, чтобы укротить этихъ новыхъ законниковъ. Въ Ліонѣ дѣло проще: тридцать два участка назначили комиссаровъ; эти послѣдніе высказываются противъ ввозной пошлины и приглашаютъ муниципалитетъ отмѣнить ее. Надо, конечно, чтобы онъ согласился на это, потому что народъ находится въ сборѣ и необычайно раздраженъ. Впрочемъ, якобы ожидая узаконенія, онъ уже далъ его, бросился къ заставамъ, прогналъ канцелярскихъ служителей и большое количество съѣстныхъ припасовъ, которые „по чудесному предопредѣленію" ожидали у воротъ, прошло безъ оплаты.

Противъ этой всеобщей злой воли плательщика, противъ этихъ случаевъ напора или просачиванія мошенничества, казна защищается, какъ можетъ, чинитъ свою унесенную плотину, задѣлываетъ ея промоины и взиманіе начинается снова. Но какимъ образомъ оно могло-бы сдѣлаться правильнымъ и полнымъ въ Государствѣ, гдѣ суды не осмѣливаются судить провинившихся, гдѣ общественныя власти не осмѣливаются поддерживать суды [2]), гдѣ народная благо-

---

[1]) Buchez et Roux, VI, 403. Донесеніе Шабру (Chabroud) о возстаніи въ Ліонѣ 9 и 10 іюля 1790.—Duvergier, Collection des decrets. Постановленія 4 и 15 августа.

[2]) Archives nationales, F^7, 3255. Письмо министра, 2 іюля 1790, къ директоріи Роны и Луары. „Король освѣдомленъ, что на протяженіи вашего департамента, и въ особенности въ Сентъ-Этьеннскомъ и Монтбризонскомъ округахъ, своеволіе дошло до крайности, что судьи

склонность покровительствуетъ, вопреки судамъ и вопреки общественнымъ властямъ, самымъ отъявленнымъ разбойникамъ и самымъ преступнымъ бродягамъ.

Въ Парижѣ, гдѣ послѣ восьми мѣсяцевъ безнаказанности началось слѣдствіе противъ грабителей, которые 13-го августа 1789 сожгли заставы, выборные чиновники, „принимая во вниманіе, что ихъ засѣданія сдѣлались очень шумными, что стеченіе народа очень безпокойно, что слышались угрозы такого свойства, чтобы ради правды ударить въ набатъ тревогу“, вынуждены отложить дѣло, доложивши объ этомъ Національному Собранію; а это послѣднее, принимая въ соображеніе, что „если уполномочить производить преслѣдованія въ Парижѣ, то надлежитъ уполномочить производить ихъ во всемъ королевствѣ“, рѣшается „набросить покрывало на статую Закона [1]).

Оно не только набрасываетъ на нее покрывало, но еще и разрушаетъ ее, передѣлываетъ ее и причиняетъ ей увѣчье сообразно требованіямъ народной воли, а что касается непрямыхъ налоговъ, всѣ его постановленія исторгнуты у него силой.

Съ самаго начала возстаніе противъ соляного налога было страшнымъ: въ одномъ Анжу вступили въ союзъ шестьдесятъ тысячъ человѣкъ, для его уничтоженія и, конечно, пришлось понизить цѣну на соль съ шестнадцати на шесть су [2]). Но для народа этого недостаточно; онъ столько страдалъ отъ этой монополіи, что онъ не желаетъ терпѣть ея остатковъ, и онъ всегда становится на сторону контрабандистовъ противъ чиновниковъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1790 въ Безьерѣ тридцать два служащихъ, захватившіе при вооруженныхъ контрабандистахъ грузъ

не осмѣливаются преслѣдовать, что во многихъ округахъ муниципальные чиновники находятся во главѣ безпорядка, а въ другихъ, національные гвардейцы не повинуются приказаніямъ.—„Письмо 5 сентября 1790“. Въ мѣстечкѣ де-Тизи (de-Thizy) разбойники пробрались въ различныя заведенія для пряжи хлопка, отчасти ихъ разрушили и, послѣ того какъ ограбили товары, открыто продавали ихъ съ аукціона.

[1]) Buchez et Roux, VI, 345. Донесеніе г. Мюге (Muguet, 1 іюля 1790 г.

[2]) Протоколъ Національнаго Собранія (засѣданіе 24-го октября 1789).—Постановленіе 27 сентября 1789, вошло въ силу 1-го октября. Другія облегченія вошли въ силу 1 января 1790.

корчемной соли [1]), подверглись преслѣдованію толпы до городского дома; торговые судьи отказываются ихъ защищать и заботятся о собственномъ спасеніи; войска ихъ защищаютъ, но безуспѣшно. Пятеро казнены: будучи предварительно страшно изувѣчены, они были повѣшены.

Въ мартѣ 1790 Неккеръ заявляетъ, что послѣ облегченій послѣдней четверти года дефицитъ по взысканію налога на соль доходитъ болѣе, чѣмъ до четырехъ милліоновъ ежемѣсячно, другими словами до четырехъ пятыхъ обыкновенной выручки, а табачную монополію соблюдаютъ не лучше, чѣмъ соляную.

Въ Турѣ [2]) гражданское ополченіе отказывается подать помощь служащимъ, „открыто покровительствуетъ контрабандѣ“, и контрабандный табакъ всенародно продается на рынкѣ на глазахъ муниципалитета, который не осмѣливается воспротивиться этому.

Вслѣдствіе этого [3]) всѣ доходы отъ косвенныхъ налоговъ сразу понижаются. Съ 1-го мая 1789 по 1-ое мая 1790 главный откупъ вмѣсто 150 милліоновъ даетъ только 127; взятые вмѣстѣ пошлины и налоги вмѣсто 50 милліоновъ приносятъ только 31. Ручьи, которые должны были наполнять государственную казну, все болѣе и болѣе засоряются, вслѣдствіе народнаго сопротивленія, а подъ давленіемъ народа

[1]) Mercure de France, 27 февраля 1790 (записка хранителя печати 16 января).—Замѣчанія г. Неккера на донесеніе, представленное финансовымъ комитетомъ въ засѣданіи 12 марта 1790.

[2]) Archives nationales, II, 1455. Переписка г. де-Бершени (de-Bercheny) 24 апрѣля, 4 и 6 мая 1790. „Слѣдуетъ очень опасаться, какъ бы налогъ на табакъ не имѣлъ такую-же участь, какъ и налогъ на соль“.

[3]) Mercure de France, 31 іюля 1790 (засѣданіе 10 іюля). Г. Ламбертъ, главный контролеръ финансовъ, увѣдомляетъ Собраніе „о препятствіяхъ, которыя постоянныя возстанія, разбойничьи нападенія, правила анархической свободы ставятъ взиманію налоговъ отъ одного края Франціи до другого. Съ одной стороны, убѣждаютъ народъ, что отвергая съ твердостію налогъ, находящійся въ противорѣчіи съ его правами, онъ добьется его отмѣны. Съ другой, контрабанда производится открытою силою; народъ покровительствуетъ ей, а національные гвардейцы отказываются идти противъ народа. Въ иныхъ мѣстахъ возбуждаютъ ненависть, раздоры между войсками и надзирателями за заставами: этихъ послѣднихъ убиваютъ, канцеляріи сжигаютъ, грабятъ, а тюрьмы разбиваютъ“.—Записка, представленная г. Неккеромъ Національному Собранію, 21 іюля 1790.

Собраніе кончаетъ тѣмъ, что совершенно останавливаетъ ихъ. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1790 [1]) оно отмѣняетъ пошлину на соль, торговыя подати, подати на кожи, оливковое масло, крахмалъ и клеймо на желѣзныя издѣлія. Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ 1791 оно отмѣняетъ городскіе сборы на съѣстные припасы и ввозныя пошлины во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ королевства, всѣ податные сборы и дополнительные налоги, въ особенности всѣ обложенія, которымъ подвергается оптовое производство, продажа или перевозка напитковъ.

Наконецъ, народъ добился своего и 1-го мая 1791, въ день вступленія въ силу постановленія, національная гвардія въ Парижѣ устраиваетъ по городу шествіе, наигрывая патріотическія пѣсенки. Пушки при Домѣ Инвалидовъ и на Новомъ Мосту гремятъ какъ будто по случаю побѣды. Вечеромъ устраиваютъ иллюминацію; всю ночь пьютъ и происходитъ всеобщій праздникъ. Въ самомъ дѣлѣ, пиво продается по три су кружка, вино по шести су пинта; это пониженіе цѣны на половину и нѣтъ завоеванія, болѣе любезнаго народу, потому что оно дѣлаетъ пьянство доступнымъ для всѣхъ глотокъ [2]).

Остается позаботиться о платежахъ, которые покрывали бы отмѣненный ввозный сборъ. Въ 1790 онъ далъ въ Парижѣ 35.910.859 ливровъ, изъ коихъ 25.059.446 для государства и 10.851.413 для города. Какимъ образомъ городъ станетъ теперь оплачивать свою охрану, свое освѣщеніе, подметаніе своихъ улицъ и содержаніе своихъ больницъ? Какимъ образомъ станутъ дѣйствовать тысяча двѣсти другихъ городовъ и мѣстечекъ, которые одновременно оказались въ томъ же положеніи? Какимъ образомъ станетъ дѣйствовать Государство, которое вслѣдствіе отмѣны главнаго откупа, ввозныхъ пошлинъ и налоговъ сразу лишилось двухъ пятыхъ своего дохода?

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1790, когда Собраніе уничтожило налогъ на соль и другія пошлины, оно взамѣнъ установило обложеніе въ 50 милліоновъ, распредѣливъ его между прямымъ налогомъ и, ввозными пошлинами въ городахъ. Слѣ-

---

[1]) Постановленія 21 и 22 марта 1790, вступили въ силу 21 слѣдующаго апрѣля.—Постановленія 19 февраля и 2 марта 1791, вступили въ силу 1-го слѣдующаго мая.

[2]) E. A. J. de Goncourt, La société française pendant la Révolution, 204.—Maxime du Camp, Paris, sa vie et ses organes, VI, 11.

довательно, въ настоящее время, когда ввозныя пошлины отмѣнены, эта новая тяжесть цѣликомъ падаетъ **на прямой налогъ**. Вошелъ и войдетъ ли онъ въ силу?

Безъ сомнѣнія, при такой смутѣ трудно взимать косвенный налогъ. Однако онъ возмущаетъ менѣе, чѣмъ какой либо другой, потому что предварительные вычеты въ пользу Государства при немъ исчезаютъ въ цѣнѣ товара и казна прячетъ свою руку подъ рукою купца. Вчера чиновникъ пришелъ въ лавку, представилъ свои полномочія, торговецъ уплатилъ безъ малѣйшаго сопротивленія, зная, что завтра онъ будетъ вознагражденъ, и помимо этого, покупателемъ. Взиманіе косвеннаго налога совершилось. Если иногда возникаютъ возраженіе и споръ, то это будетъ происходить между торговцемъ и лицомъ, оплачивающимъ обложеніе, которое приходитъ въ лавку сдѣлать свои маленькіе запасы; этотъ послѣдній ворчитъ, но—противъ дороговизны, потому, что онъ ее испытываетъ и, можетъ быть, противъ торговца, который кладетъ въ карманъ его бѣленькую монету; онъ отнюдь не сваливаетъ вину на служащаго въ казначействѣ, котораго онъ не видитъ и котораго тамъ нѣтъ.

Наоборотъ, при взиманіи прямого налога, виденъ и находится на лицо чиновникъ, отбирающій у обывателя эту драгоцѣнную бѣленькую монетку. Къ тому же этотъ узаконенный воръ ничего не даетъ ему въ обмѣнъ: его потеря невознаградима: когда онъ выходилъ изъ лавки, то у него былъ кувшинъ вина, горшокъ соли или другіе подобные товары; когда же онъ выходитъ изъ канцеляріи, онъ держитъ въ рукѣ только росписку, скверный клочокъ намаранной бумаги.

Но въ настоящее время онъ является въ своей общинѣ хозяиномъ, избирателемъ, національнымъ гвардейцемъ, городскимъ головою, единственнымъ лицомъ, уполномоченнымъ употреблять вооруженную силу и обязаннымъ облагать налогами самого себя. Попробуйте-ка прійти къ нему попросить, чтобы онъ отрылъ закопанный кладъ, въ который онъ вложилъ все свое сердце и всю свою душу, глиняный горшокъ, куда сошлись, тѣсня другъ друга, его бѣленькія монетки, которыя онъ спасалъ въ теченіе стольких лѣтъ цѣною стольких лишеній и голодовокъ на гла-

захъ у сыщика, пройдя черезъ преслѣдованія намѣстника, выборнаго, сборщика и пристава!

Съ 1-го мая 1789 по 1-ое мая 1790 [1]) главные поступленія, поземельная подать, ея добавочныя статьи—подушное, двадцатыя доли, вмѣсто 161 милліона приносятъ только 28; въ областяхъ вмѣсто 28 милліоновъ казна получаетъ 6. Отъ патріотическаго налога, который долженъ былъ взимать четвертую часть всѣхъ доходовъ свыше 400 ливровъ и 2½ процента стоимости серебряной посуды, драгоцѣнностей, всякаго золота и всякаго серебра въ монетѣ, какое каждый имѣлъ въ запасѣ, государство получило 9.700.000 ливровъ. Что касается патріотическихъ приношеній, включая сюда серебряныя пряжки депутатовъ, то ихъ итогъ достигаетъ только 361.587 франковъ; и чѣмъ болѣе производятъ изслѣдованія на счетъ этихъ цифръ, тѣмъ болѣе видятъ, что сокращаются взносы крестьянина, ремесленника, прежняго плательщика оброка.

И дѣйствительно, начиная съ октября мѣсяца 1789 привилегированныя сословія занесены въ списки платящихъ повинности и безъ сомнѣнія они составляютъ разрядъ, наиболѣе зажиточный, наиболѣе воспріимчивый къ общимъ идеямъ, наиболѣе истинно патріотичный. Вѣроятно же, что изъ 43 милліоновъ, которые поступаютъ отъ прямого налога и отъ патріотическаго взноса, они покрыли самую крупную часть, можетъ быть, двѣ трети, можетъ быть, три четверти. Въ этомъ случаѣ, въ теченіе перваго года Революціи, крестьянинъ, прежній плательщикъ, ничего или почти ничего не достанетъ изъ своего кармана. Напримѣръ, по отношенію къ патріотическому взносу Собраніе предоставило совѣсти каждаго заботу установить свою долю: по истеченіи шести мѣсяцевъ оно открываетъ, что совѣсть вещь слишкомъ покладистая, и находитъ себя обязаннымъ ввѣрить это право муниципалитетамъ. Вслѣдствіе этого [2]), нѣкто, обложившій себя налогомъ въ сорокъ восемь ливровъ, обложенъ налогомъ въ полтораста; другой земледѣлецъ, внесшій шесть

[1]) Опись доходовъ и расходовъ на 1-ое мая 1789.—Записка г. Неккера, 21 іюня 1790. Записки, представленныя г. де Монтескье 9 сентября 1791.—Отчеты, представленные министромъ Клавьеромъ 3 октября 1792, 1-го февраля 1793.—Донесеніе Камбона февраль 1793.

[2]) Boivin—Champeaux, 231.

ливровъ, признанъ способнымъ уплатить сто. Въ полку идутъ навстрѣчу пулямъ всегда одни и тѣже,—маленькая отборная часть. Въ Государствѣ идутъ навстрѣчу сборщику всегда одни и тѣже, маленькая отборная часть честныхъ людей. Необходимо сильное принужденіе въ полку, для того, чтобы восполнить недостатокъ отваги у тѣхъ, у кого ея совсѣмъ мало, въ Государствѣ—для того, чтобы восполнить недостатокъ честности у тѣхъ, у кого ея нѣтъ.

Вотъ почему въ теченіе восьми слѣдующихъ мѣсяцевъ съ 1-го мая 1790 по 1-ое января 1791 патріотическій взносъ даетъ только 11 милліоновъ. Два года спустя, 1-го февраля 1793 изъ сорока тысячъ общинныхъ списковъ, которые должны его распредѣлить, семь тысячъ еще не составлены; изъ 180 милліоновъ, которые онъ долженъ былъ бы принесть, 73 милліона еще состоятъ въ долгу.

И вотъ во всѣхъ отрасляхъ поступленій сопротивленіе плательщика податей производитъ подобный же недочетъ и одинаковыя остановки [1]). Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1790 одинъ депутатъ заявляетъ съ трибуны, что „изъ тридцати шести милліоновъ обложеній, которые слѣдовало бы получать ежемѣсячно, получается только девять [2]). Въ ноябрѣ 1791 одинъ докладчикъ бюджета говоритъ, что поступленія, которыя должны были бы возрости до сорока или сорока восьми милліоновъ въ мѣсяцъ, не превышаютъ одиннадцати съ половиною милліоновъ. Къ 1-му февраля 1793 изъ прямыхъ налоговъ 1789 и 1790 гг. еще состоятъ въ долгу семьдесятъ шесть милліоновъ.

Народъ, очевидно, борется изо всей силы противъ прежнихъ налоговъ, даже утвержденныхъ и продленныхъ Учредительнымъ Собраніемъ, и съ него получаютъ только то, что могутъ у него вырвать.

Будетъ ли онъ болѣе покоренъ новымъ налогамъ? Собраніе увѣщеваетъ его и ставитъ ему на видъ, что, будучи облегченъ такъ, какъ теперь, и будучи патріотомъ, какимъ онъ долженъ быть, онъ можетъ и долженъ разсчитаться съ долгами. Онъ можетъ это сдѣлать потому, что, будучи

---

[1]) Mercure de France, 28 мая 1791 (засѣданіе 22 мая).—Рѣчь г. д'Алларда (d'Allarde): „Бургонь еще ничего не заплатила за 1790".

[2]) Moniteur, засѣданіе 1-го іюня 1790. Рѣчь г. Фрето.—Mercure de France, 26 ноября 1791. Докладъ Лафонъ-де-Ладеба.

избавленъ отъ десятины, отъ феодальныхъ повинностей, отъ налога на соль, отъ ввозныхъ пошлинъ и податей, онъ въ настоящее время находится въ довольствѣ. Онъ долженъ это сдѣлать, потому. что установленные налоги необходимы для Государства, справедливы, распредѣлены на всѣхъ, соразмѣрно съ состояніемъ, поступаютъ въ кассу и расходуются подъ строгимъ контролемъ безъ мотовства и расхищенія, согласно точнымъ, яснымъ, періодическимъ и провѣреннымъ отчетамъ. Безъ всякаго сомнѣнія, начиная съ 1-го января 1791, дня начала новаго финансоваго управленія, всякій плательщикъ постарается заплатить, въ качествѣ добраго гражданина, и двѣсти сорокъ милліоновъ новаго поземельнаго налога, шестьдесятъ милліоновъ новаго налога на движимость будутъ поступать сами по себѣ, легко и правильно не считая другихъ,—пошлины за совершенія документовъ, налога на промысловыя свидѣтельства и таможенныхъ обложеній.

Къ несчастію, прежде чѣмъ сборщикъ сможетъ прикоснуться къ двумъ первымъ статьямъ обложенія, надобно чтобы онѣ были распредѣлены, а пройдя черезъ путаницу съ документами, съ формальностями, съ возраженіями, при сопротивленіи и непониманіи дѣла на мѣстахъ, эта операція длится безъ конца. Налогъ 1791 года на движимость и на землю распредѣленъ Собраніемъ между департаментами только въ іюнѣ 1791 г. департаментами онъ распредѣленъ между округами только въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ 1791. Округами онъ распредѣленъ между общинами только въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1791. .Такимъ образомъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1791 онъ еще не распредѣленъ общинами между плательщиками; отсюда слѣдуетъ, что по смѣтѣ на 1791 плательщикъ въ теченіе всего 1791 г. ничего не заплатилъ.

Наконецъ, въ 1792 всякій начинаетъ получать свой окладной листъ. Для того, чтобы разсказать, съ какимъ пристрастіемъ и съ какими случаями укрывательства составлены эти окладные листы, понадобился бы цѣлый томъ. Прежде всего должность распредѣлителя сопряжена съ опасностію, а муниципалитеты, обязанные установить для каждаго его долю, не чувствуютъ себя пріятно въ общинномъ домѣ. Уже

въ 1790 [1]) муниципальные чиновники въ Монбазанѣ подверглись угрозамъ смертью, если въ спискѣ податей они осмѣлятся обложить промышленность, и они спаслись среди ночи бѣгствомъ въ Туръ. Въ самомъ Турѣ триста или четыреста мятежниковъ изъ окрестностей, таща съ собою муниципальныхъ чиновниковъ изъ трехъ посадовъ, явились заявить городскимъ властямъ, „что вмѣсто всѣхъ обложеній они желаютъ платить только сорокъ пять су отъ хозяйства". Я разсказывалъ, какъ въ 1792 въ томъ же департаментѣ „убиваютъ, рѣжутъ муниципальныхъ чиновниковъ", осмѣлившихся обнародовать списки налоговъ на движимость. Въ Крёзѣ, въ Клюньякѣ въ тотъ моментъ, когда секретарь прочитываетъ ихъ, на него набрасываются женщины, вырываютъ у него списокъ, „разрываютъ его съ тысячью проклятій"; муниципальный совѣтъ подвергся нападенію; двѣсти человѣкъ пускаютъ въ него камни; одинъ изъ его членовъ сбитъ съ ногъ; ему бреютъ волосы и водятъ съ насмѣшками по деревнѣ.

Когда мелкій плательщикъ защищается такимъ образомъ, то въ этомъ заключается предупрежденіе щадить его. Къ тому же на этихъ собраніяхъ деревенскихъ жителей распредѣленіе производитъ кумъ куму. Облегчаютъ себя, обременяя другихъ: „облагаютъ налогами собственниковъ: хотятъ заставить ихъ нести на своихъ плечахъ весь налогъ". Сверхъ того облагаютъ до крайности налогами дворянина, прежняго господина, до такой степени, что во многихъ мѣстахъ его доходовъ не хватаетъ для того, чтобы уплачивать свою долю налоговъ.

Съ другой стороны, притворяются бѣдными; извращаютъ

---

[1]) Archives nationales, H. 1453. Переписка г. де Бершени, 5 іюня 1790 и проч.—F⁷,3226. Письмо земледѣльца Шенантена, 7 ноября 1792 и прокурора-синдика, 6 ноября.—F⁷3269. Протоколъ Клюньякскаго муниципалитета, 5 августа 1792.—F⁷,3202. Письмо министра юстиціи Дюпорта, 3 января 1792. „Совершенное отсутствіе общественной силы въ округѣ Монтаржи дѣлаетъ тамъ совершенно невозможнымъ всякое дѣйствіе правительства и всякое исполненіе законовъ. Недоимка налоговъ, подлежащихъ уплатѣ, тамъ очень значительна, а принужденіе опасно назначить и невозможно приводить въ исполненіе какъ вслѣдствіе боязни приставовъ, которые не осмѣливаются принимать на себя эти обязанности, такъ и вслѣдствіе наглости плательщиковъ, на которыхъ нѣтъ никакой узды".

предписанія закона или уклоняются отъ исполненія ихъ. „Въ большинствѣ муниципалитетовъ дома, постройки, фабрики [1]) расцѣнены только по отношенію къ стоимости поверхности, оцѣненной, какъ земля перваго разряда, что сводитъ ихъ долю почти что ни къ чему. И къ этому мошенничеству прибѣгали не только въ деревняхъ". Можно было-бы назвать общины, отъ девяти до десяти тысячъ душъ населенія, которыя такъ хорошо спѣлись на этотъ счетъ, что тамъ не находится совершенно дома, оцѣненнаго свыше пятидесяти су".

Послѣдняя уловка: община мѣшкаетъ, насколько возможно, съ изготовленіемъ своихъ списковъ. Тридцатаго января 1792 изъ 40.911 все еще закончено только 2560; къ 5 октября въ 4800 муниципалитетахъ не составлены подлинные реестры; и замѣтьте, что здѣсь дѣло идетъ о работѣ, намѣченной болѣе девяти мѣсяцевъ тому назадъ. Къ тому-же сроку насчитывается болѣе шести тысячъ общинъ, которыя еще не начали взыскивать поземельный налогъ за 1791, болѣе пятнадцати тысячъ общинъ, которыя еще не начали взыскивать налогъ съ движимаго имущества за 1791; изъ этихъ двухъ обложеній Государственное Казначейство и департаменты получили еще только 152 милліона, тогда какъ останется въ долгу 222. Къ 1-му февраля 1793 по тѣмъ-же статьямъ остается въ долгу еще 161 милліонъ, а изъ 50 милліоновъ, опредѣленныхъ въ 1790 для того, чтобы возмѣстить соляной налогъ и другія уничтоженныя повинности, получили 2. Наконецъ, къ тому-же самому числу, по двумъ прямымъ налогамъ 1792 года, которые должны были дать 300 милліоновъ, взыскали менѣе 4 милліоновъ.

Поговорка должника: должно платить какъ только возможно позже. Кто-бы ни былъ заимодавецъ, Государство или частное лицо, для должника надо сорвать свое при помощи откладыванія въ долгій ящикъ. Поговорка вѣрна и еще на этотъ разъ успѣхъ готовъ подтвердить ея справедливость. Въ теченіе 1792 крестьянинъ начинаетъ выплачивать часть своей недоимки, но дѣлаетъ это бумажными деньгами. А въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1792 бумажныя деньги теряютъ тридцать пять, сорокъ и сорокъ семь процентовъ;

[1]) Донесеніе Финансовому Комитету, представленное Рамелемъ (Ramel), 19 флореаля, годъ II (Учредительное Собраніе установило поземельный взносъ съ дома въ шестую часть его наемной стоимости).

Новыя изданія

РЕДАКЦІИ

журнала „МИРНЫЙ ТРУДЪ“

(Харьковъ, Дѣвичья ул., № 14).

I.

Проф. Т. И. БУТКЕВИЧЪ.

„Какъ Государственная Дума разрѣшала аграрный вопросъ?“

Харьковъ. 1906 г. Цѣна 15 коп.

II.

ОТКЛИКИ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

съ портретами В. Л. Величко, кн. Д. П. Голицына, В. М. Пуришкевича, Л. А. Кологривовой, В. В. Ермолова и о. Ф. Пестрякова.

Харьковъ. 1906 г. Цѣна 25 коп.

Гг. членамъ Патріотическихъ союзовъ дѣлается 20% уступки.

ВАЛОВАЯ ВЫРУЧКА ОТЪ ПРОДАЖИ ЭТИХЪ ИЗДАНІЙ ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ НА УСИЛЕНІЕ СРЕДСТВЪ ДЛЯ ИЗДАНІЯ ПРОТИВОРЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ЛИСТКОВЪ И КНИЖЕКЪ.

„РУССКОЕ ЗНАМЯ“

въ 1907 году выходитъ ежедневно по общей программѣ и со всѣми отдѣлами политическо-литературныхъ изданій.

Цѣна газеты, какъ въ Петербургѣ, такъ и по всей Имперіи 4 руб. на годъ, 2 руб. на полъ года. 1 руб. на три мѣсяцы, 50 коп. на 1 мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Редакція и контора „Русскаго Знамени“ помѣщаются въ Измайловскомъ полку, 4-я рота, д. 6. Пріемъ подписки въ конторѣ ежедневно отъ 11 до 5 час., а также въ магазинахъ „Новаго времени“, Карбасникова и другихъ. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ контору изданія по указанному адресу.

Пріемъ по дѣламъ редакціи ежедневно отъ 2 до 4-хъ часовъ.

Редакторъ-издатель **А. И. Дубровинъ.**

Годъ пятый. **„МИРНЫЙ ТРУДЪ“** Годъ пятый.

1907 годъ.

(Ежемѣсячное научно-литературное и общественное изданіе)

Не менѣе 150 листовъ въ годъ.

Признавая мирный трудъ единственнымъ средствомъ для осуществленія столь необходимыхъ общественныхъ преобразованій, редакція ставитъ своей задачею посильное содѣйствіе пробужденію чуждаго всякой нетерпимости, русскаго національнаго самосознанія, усиленію культурнаго общенія со славянствомъ, изученію созидательной работы Запада и росту общественной самостоятельности, оцѣнивающей свое и чужое, независимо отъ партійныхъ соображеній и указокъ.

Въ журналѣ принимаетъ постоянное участіе рядъ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній.

Въ 1907 году закончится печатаніе большого романа изъ современной жизни, извѣстной писательницы Н. П. МЕРДЕРЪ „Новые люди“ и будутъ напечатаны интересныя повѣсти г-на ЛЕВИЦКАГО „Семкины Гусята“ и „Слесарь Острозубовъ“, Д. Х. „О непротивленіи злу“, Доклады проф. А. С. ВЯЗИГИНА „Подвигъ Минина“, „Объ избраніи М. О. Романова на царство“ и др.

Особымъ приложеніемъ идетъ переводъ извѣстнаго сочиненія ТЭНА—„Исторія французской революціи“.

Гг. годовымъ подписчикамъ высылаются безплатно „Отклики русскихъ поэтовъ“ съ 6 портретами.

Постоянно сообщаются свѣдѣнія О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ РУССКАГО СОБРАНІЯ и ЕГО ОТДѢЛОВЪ, усматривающихъ въ сознательномъ служеніи творческимъ началамъ Православія, Самодержавія и Народности основу благоденствія и развитія Россіи, залогъ избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: для городскихъ (харьковскихъ) подписчиковъ 5 руб. въ годъ, для иногородныхъ съ пересылкой 6 руб. на полгода 3 р. Отдѣльная книжка 1 руб. съ пересылкой.

ПОДПИСКА НА 1907 г. ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ, удерживающихъ за коммиссію и пересылку книгъ по 30 коп. съ годового экземпляра, и въ редакціи журнала (Дѣвичья, № 14. Харьковъ).

Журналъ „Мирный Трудъ“ Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ одобренъ для фундаментальныхъ библіотекъ духовно-учебныхъ заведеній, а Учебными Комитетами Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Финансовъ допущенъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній обоихъ вѣдомствъ, рекомендованъ для фундаментальныхъ библіотекъ военно-учебныхъ заведеній и допущенъ въ безплатныя народныя читальни.

Плата за объявленія: 20 рублей за полную страницу, 10 руб. за половину и 5 руб. за четверть страницы.

Редакторъ-издатель проф. А. ВЯЗИГИНЪ.

6045 055

2044 092 939 859